

А. Г. Силаев

# Истоки русской геральдики











А. Г. Силаев

**ИСТОКИ  
РУССКОЙ  
ГЕРАЛЬДИКИ**

Москва  
2003

ИЗДАТЕЛЬСКО  
ТОРГОВЫЙ ДОМ  
**ГРАНД** 

УДК 342  
ББК 63.2  
С36

*Sean By Vitautus*

**Силаев А. Г.**

С36 Истоки русской геральдики / А. Г. Силаев. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. — 240 с.: ил.

ISBN 5-8183-0456-6

Вопреки сложившемуся мнению о возникновении русской геральдики не ранее середины XVII в., в книге приводится ряд доказательств ее существования еще в домонгольский период. При Иване Грозном русский геральдический обычай — в чем-то аналогичный западно-европейскому, а в чем-то отличающийся от него — не только охватывал область государственной символики, но и был распространен в символике воинской, дворянской. Истоки этого обычая отыскиваются в древней духовной и материальной культуре русского народа, поэтому часто встречающиеся ссылки на постоянное заимствование Русью своих вековых символов порочны и несостоятельны.

Собранные в книге впервые публикуемые свидетельства существования русских гербов в XII—XVI вв. открывают новую страницу многогранной истории нашего народа.

Для широкого круга читателей.

**УДК 342  
ББК 63.2**

Дизайн обложки Д. Быкова

ЛР 065864 от 30 апреля 1998 г.

Подписано в печать 20.03.2003.

Формат 60 × 90 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,12. Доп. тираж 5000 экз.

Заказ 6448

Издательство «ФАИР-ПРЕСС»

109428, Москва, ул. Зарайская, д. 47, корп. 2

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

© Силаев А. Г. текст, иллюстрации, рисунки на обложку, титульный лист, форзац, 2002

© Серия, оформление.  
ФАИР-ПРЕСС, 2002

ISBN 5-8183-0456-6



## ВВЕДЕНИЕ

# ПОИСК ИСТОКОВ ВЕЛИКОРУССКОЙ ГЕРАЛЬДИКИ

**И**стория Российского государственного герба вот уже полтора века периодически оказывается в центре внимания отечественных исследователей. Скрупулезному изучению и анализу ими были подвергнуты монеты, печати, государственные акты, жалованные грамоты, произведения декоративно-прикладного искусства мастеров Оружейной палаты и старинные знамена, хранящиеся в крупнейших музеях нашей страны. В предлагаемой книге предпринята попытка рассмотрения главного государственного символа России с позиций духовно и политически востребованного овеществления, материализации образно-мифологического мировосприятия наших предков. Не пытаясь вступить в полемику с авторами предыдущих исследований, более того — опираясь на многие из этих трудов, тем не менее хотелось бы избавить наше гербоведение от избытка ссылок на якобы постоянные заимствования Русью своих вековых символов и эмблем.

Рассказ о корнях национальной символики, в недрах которой возник главный символ нашего Отечества, о его зарождении и самобытном развитии становится возможным лишь при осознании феномена существования великорусской геральдики — той области символики нашего народа, где, собственно, и происходит генезис любого герба. Вне этой среды, формируемой всем ходом развития национальной культуры (и духовной, и материальной), возникновение любого имеющего геральдическое значение символа либо невозможно в принципе, либо чужеродно на-

столько, что речь тогда пойдет уже не о каком-либо культурном заимствовании иноземного опыта (что в истории подавляющего большинства народов происходило и происходит постоянно), а о насильственном насаждении чего-то, данному народу абсолютно несвойственного. Однако эмпирически обнаруженное существование уже во Владимиро-Суздальской Руси некоего явления, родственного западноевропейской геральдике, отнюдь не означает свершившегося вычленения этой грани великорусской культуры в отдельную научную дисциплину. Ее только предстоит создавать, и автор надеется, что данная книга поможет в этом чрезвычайно важном деле. Термин «великорусская геральдика» весьма условен и на данном этапе познания этой области национальной символики может служить лишь ее неким сравнительным обозначением. Этим термином нам важно подчеркнуть, что предмет наших исследований относится исключительно к Великой, а не к Малой или Белой Руси. Не менее важной оказывается преемственность рассматриваемых знаков и эмблем, в чем обнаруживаются их геральдические свойства.

Кажущееся непоследовательным противопоставление геральдики западноевропейской геральдике великорусской проистекает из неоднозначности определения данного феномена европейской культуры. Если под геральдикой подразумевать генезис и условия применения символов, обретавших на определенном историческом этапе то или иное правовое значение, то различия в этом аспекте развития Руси и Западной Европы достаточно очевидны. Ведь никто не станет оспаривать несхожесть жизненного уклада и религиозного миропонимания восточных славян и романо-германцев, отражавшуюся как на их отношении к символике, так и на формировании собственных правовых систем. Не подлежит сомнению и различия в выборе самого предмета символизации — на Западе каждый феодал, будучи государством в государстве, старался обеспечить себя полным набором соответствующих правовых символов. На Руси же главенствующую роль играла символика духовности. Если же величать геральдикой всю совокупность знаковых отражений социально-правовых реалий Средневековья (как и сегодняшнего дня), проявленную в гербах и эмблемах, знаменах, гражданской и воинской атрибутике, то термин «великорусская» будет обозначать лишь отечественную разновидность этого всеобщего явления. Но в таком случае нивелируется, а то и вовсе не принимается в расчет, духовная составляющая национальной геральдики. При отсутствии единой точки зрения на сей предмет автор оставляет за собою право отстаивать предпочтительность пер-



вого из приведенных здесь определений, поскольку решил целиком посвятить эту книгу древне- и великорусской символике IX—XVII вв. В начале XVIII в. протестантизм Петра I привел к утрате Русью большинства своих исконных знаковых систем, а германофилия последующих императриц и императоров нивелировала изначальную самобытность практически во всей знаковой сфере, да и не только в ней одной. Приходится констатировать, что отправной точкой внешне логичного второго определения явилось признание приоритета западноевропейской культурной парадигмы.

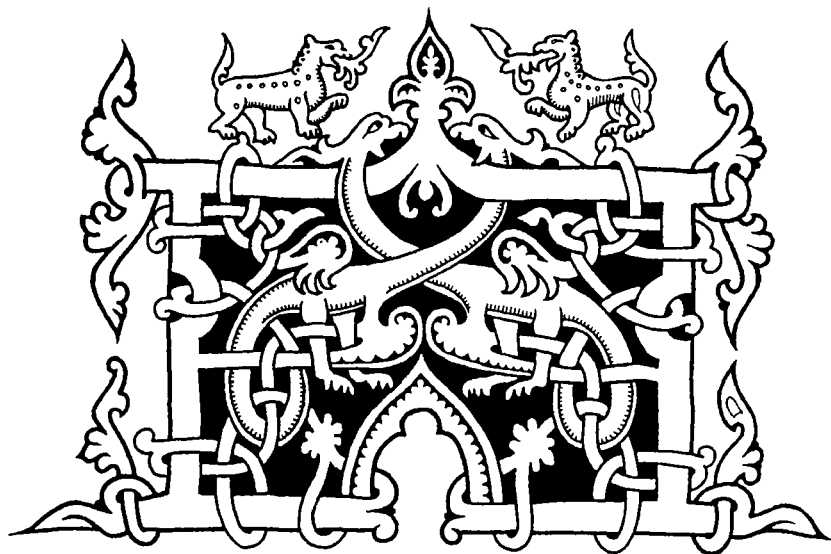
Графическая символика древности, вобравшая в себя архаичные графемы, идеограммы и руны, различные геометрические, зоо- и антропоморфные символы, фактически представляет собой некую целостную знаковую систему. Ею зафиксированы и переданы грядущим поколениям те ключевые понятия, которые составляли основу мифологического и религиозного миропонимания людей далекого прошлого. Именно эта существенная взаимосвязь мифа и символа позволяет осуществить реконструкцию столь отдаленных от наших дней мировоззренческих систем, как, например, дохристианская вера («язычество») древних славян (Б. А. Рыбаков) и неолитическая религия раннеземледельческих племен (А. Голан). Великорусская геральдика столь же системна, однако анализу коренных ее свойств предстоит посвятить отдельную книгу. Как известно, геральдика в основе своей двоична: она состоит из *теоретической геральдики (гербоведения)*, ведающей правилами составления и применения гербов, и *геральдического художества*, реализующего эти правила в конкретных национальных формах. Столь же ярко выраженный национальный характер должен проявляться и в правилах нашего гербосложения, но, тем не менее, труды по этому вопросу в печати пока не появлялись. В условиях возрождающегося отечественного герботворчества его теоретическая основа — великорусское гербоведение — приобретает особую актуальность.

Свидетельствами хронологически глубочайшей мифологической и исторической памяти нашего народа остаются былины и заговоры, ждущие своего научного признания произведения дохристианской литературы («Боянов гимн», «Книга Велеса», «Голубиная книга», «Сказание о Словене и Русе» и др.), не говоря уже о таких бесспорных памятниках, как «Слово о полку Игореве». Поэтому представляется вполне естественным, что основная масса символов и эмблем Древней Руси по сути своей представляла знаково-графическое отражение глубоко укоренившихся в народном сознании понятий и лишь по форме могла зависеть от неизбежных культурных влияний. Наделение же их определенным

правовым (в том числе и государственным) значением зависело лишь от объективных условий развития древнерусского и русского социумов, а не от желания приверженцев давно уже развенчанного норманнизма углядеть во всем следы слепого подражания Западу.

Последовательную во времени трансформацию исторической символики недостаточно только описывать. Собранный в процессе работы над книгой разнохарактерный материал потребовал своего единообразного графического воспроизведения. Значительная часть представленных здесь прорисовок монет, печатей, археологических находок и других носителей древне- и великорусской символики была в свое время опубликована, но автор решился на приведение к единому графическому знаменателю разнообразных схем, фотографий, натуральных зарисовок, выполненных в разное время, в разной манере и разными людьми. Где-то пришлось лишь восстанавливать утраченную при неоднократных переизданиях четкость изображения, где-то прорисовка памятника создавалась заново. Помимо этого, удалось пополнить представленный здесь изобразительный ряд отечественной геральдической символики графическими интерпретациями памятников древнерусского искусства, либо репродуцированных в относительно редких искусствоведческих изданиях, либо переснятых специально для этой книги. Автор надеется, что подобранный таким образом иллюстративный ряд представляет собой некое самостоятельное целое, объективно отражающее интересующую нас грань отечественной истории.





## 1. Мифологическая основа герба

**И**стория русской символики в целом и российского геральдического наследия в частности не может ограничиваться изучением традиционных геральдических источников: печатей, монет, знамен и гербов. Эти памятники представляют собой «вершину» материального воплощения национально-государственной идеи, выраженной в эмблематической и геральдической форме. Уходящая корнями в далекое прошлое символика мифов, составляющая «подножие» этой пирамиды, изучена все еще довольно слабо, что нередко порождает непонимание семантики используемых ныне древних и древнейших знаков и символов<sup>1</sup>. А это в свою очередь приводит к образованию различных, нередко прямо противоположных, взглядов на их подлинное значение.

Проявляемое в последнее время пристальное внимание к мифологии объясняется тем, что миф остается первоначальной формой духовной культуры человечества. Представленные в нем природа и формы общественной жизни уже переработаны народной фантазией в многозначные художественные образы. Мифологичность мышления и древних, и в определенной мере современных людей характеризуется неразрывной связью человека с окружаю-

шей средой, неотделимостью этого мышления от эмоциональной (психомоторной) сферы. Мифотворчество, представляющее собой образно-поэтическое отражение действительности и выражающее мироощущение и миропонимание своей эпохи, должно рассматриваться как важнейшее явление в культурной истории человечества.

Но познание древнейших мифологических сюжетов, персонажей и представлений оказалось бы неполным, а то и невозможным в принципе без изучения соответствующих графических знаков — различных пиктограмм (элементов рисуночного письма), символов и орнаментов. Рождавшаяся параллельно с пиктографией символика изначально отличалась от нее тем, что не служила для фиксации повествования, сообщения. Ее образовали условные знаки, обозначавшие некие общие идеи. Логический анализ этих символов показывает, что они играли роль магических формул — являлись графически зафиксированными молениями, обращениями к высшим силам. Согласно воззрениям индоевропейцев, подобная обрядовость была столь же необходима, сколь и труд. С течением времени менялись культовые представления и значение символов переосмысливалось. По прошествии тысячелетий забывался и этот их вторичный смысл, но люди по-прежнему продолжали пользоваться этими освященными традицией рисунками<sup>2</sup>.

Символика, породившая в сознании наших далеких предков категорию прекрасного, и лежит в основе этого понятия. Ведь именно прекрасное остается символом, содержанием и устремлением всей духовной деятельности здоровой личности, и лишь на немногие предметы материального мира переносится это исключительное качество. Исследуя истоки прикладного искусства Древней Руси, академик Б. А. Рыбаков писал: «Часть сюжетов, украшений и элементов орнаментов явно магического, заклинательного характера выполняла в свое время роль заговоров на благоденствие или оберегов от зла. Нашего далекого предка успокаивал и радовал вид этих оберегов, и отсюда, из этой радости, и рождалось чувство красивого»<sup>3</sup>. Но культовая символика оказалась одним из наиболее стойких элементов культуры. Постоянно изменяются орудия труда, средства производства, жилище, одежда, обычаи и другие формы материальной культуры, но символы сохраняются тысячелетиями. Они претерпевают лишь некоторую трансформацию, но нередко остаются и вовсе без изменений — прекрасные своим графическим совершенством и запечатленным в них содержанием. Таким образом, все дальнейшее познание нами смысловых и графических истоков отечественной символики будет проистекать в русле прекрасного, облагораживающего своим генезисом позднейшую социальную функциональность символа, но никак не наоборот.



Изучение генезиса, т. е. происхождения и развития российской государственной символики и, прежде всего, герба, требует значительного расширения источниковой базы отечественного гербоведения. Опора на различные категории памятников материальной и духовной культуры всей исторической цепи наших непосредственных предков — от древнеарийских (индоевропейских) племен до славяно-русов и подданных государей Московских и Всея Руси, — вот единственно рациональный метод обнаружения самобытных корней российских государственных символов. Включение в качестве источников русского гербоведения материалов археологических изысканий, иконописи и миниатюр лицевых летописных сводов, древнерусской литературы и архитектуры, старопечатных книг и декоративно-прикладного искусства, богатейшего этнографического наследия позволяет не только доказать преемственность на протяжении сотен и тысяч лет определенной группы символов (справедливо считающихся сегодня национально-государственными), но и отсеять различные версии заимствования Русью иноземной символики, которыми все еще полна отечественная историография.

Двуглавый орел в том виде, в каком мы привыкли его видеть на исторических гербах Московского государства и Российской империи, а также и на современном гербе Российской Федерации, является последним по времени и наиболее выразительным в художественном отношении этапом развития парных (близнецных) символов, зародившихся еще в мифологии древних индоевропейцев. В результате длительного процесса расселения этих многочисленных племен по просторам Евразии происходило их естественное разделение на крупные этнокультурные группы: индоариев, иранцев, кельтов и славян, литовцев, германцев, хеттов, греков, фригийцев и других. Языки этих племенных групп с течением времени все заметнее рознились между собой, мифологические сказания и религиозные представления приобретали все большую самостоятельность, но память о некогда единых мировоззренческих постулатах продолжала жить. Недаром упоминания об одних и тех же доисторических героях и событиях сохранились и в текстах волхвов Древней Руси, и в скандинавских сагах, и в Авесте древних иранцев, и в Ригведе — священной истории древней Индии. А корни многих исландских, греческих и русских слов обнаруживаются в санскрите.

Так и близнецная пара, или понятие двоичности, остается стойким мифологическим мотивом и пронизывает верования многих народов. Повсеместное появление этого понятия, как следует из новейших исследований, было определено постоянством характе-

ристик земного климата. В индоевропейских языках более древними являются слова, обозначающие теплое и холодное время года. Они появились намного раньше, чем обозначения самого года и промежуточных сезонов. Еще ранние земледельцы эпохи бронзы выражали эту двоичность годового цикла знаком двух солнц (летнего и зимнего), декоративный мотив в виде двух солярных розеток или крестов был широко распространен в Античности и в Средние века. В Византии священнослужители носили два креста на плечах, в подобном облачении изображались и святые. Обычай этот, следовательно, имеет не церковное, а более древнее происхождение: еще в эпоху бронзы кресты по бокам человеческой фигуры означали два солнца<sup>4</sup>.

Следы общего индоевропейского культа Близнецов отчетливо прослеживаются в древнеиндийской и древнегреческой мифологии: в Индии они назывались Ашвинами, а в Греции — Диоскурами. Братья несутся по небу над всем миром на золотой солнечной колеснице, запряженной конями или птицами — орлами, лебедями или соколами. Они объезжают за день всю Вселенную и прогоняют тьму. Братья хотя и близнецы, но родились порознь: один — сын ночи, другой — сын рассвета (Ашвины); один — смертный, другой — бессмертный (Диоскуры). Поэтому они попеременно в виде утренней и вечерней звезды появляются на небе в созвездии Близнецов.

Из праславянской древности в русскую мифологию пришел миф о Купале (индоевропейский корень *kur-* означает «горящий страстью», ср. — Купидон). В основе мифа лежит мотив кровосмесительного брака между близнецами — братом и сестрой, которые в обрядах отождествляются с желто-фиолетовым цветком иванда-марья. Сам архаичный сюжет об инцесте истолковывается как взаимосвязь полярных противоположностей: небесное — земное, огонь — вода («купание»), жизнь — смерть (Марья — Морена, древнеславянская богиня смерти)<sup>5</sup>. Характерно, что празднование дня Ивана Купалы происходит в день летнего солнцестояния, и это нашло удивительно емкое выражение в нашей древней символике. В многочисленных крестьянских вышивках Русского Севера над фигурой, олицетворяющей брата или сестру в их вселенском, космическом значении, можно увидеть две соприкасающиеся и противоположенные свастики — «летнюю» и «зимнюю» — древнеарийские символы птицы-солнца (санскр. *суастика*: Су, «связанное с благом», — древнеиндийское имя солнечной птицы, Астика — двуликое божество теплой и холодной половин года)<sup>6</sup>. Семантически близок этой знаковой композиции и другой традиционный персонаж русского народного искусства — богиня с парными птицами в

руках, нередко — и с предстоящими парными птицами. Отечественными мифологами и искусствоведами давно разгадан космогонический характер этой фигуры, окруженной золотыми, серебряными и красными звездами небосвода, просвечивающими и сквозь силуэт богини — весны. Здесь парные противоположенные птицы в ее руках означают те же два состояния солнца — «летнее» и «зимнее».

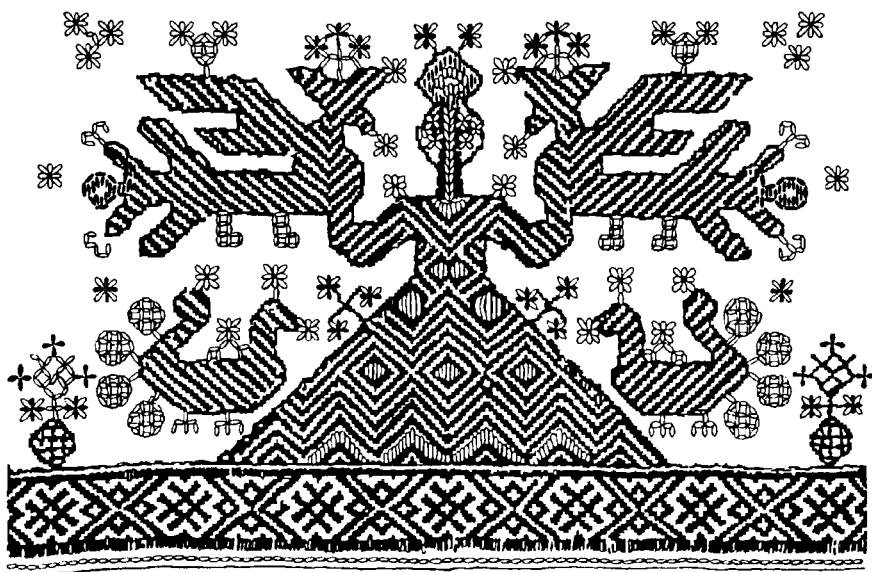
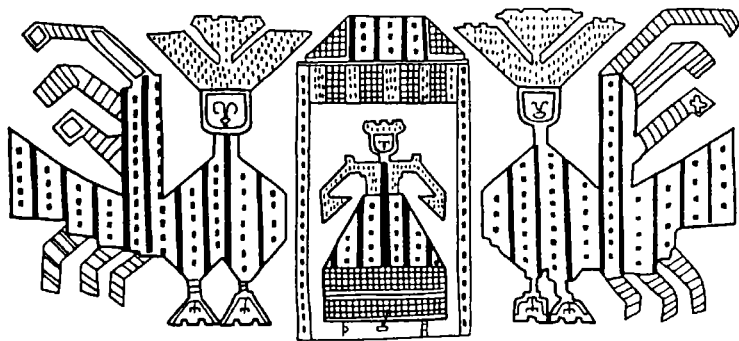
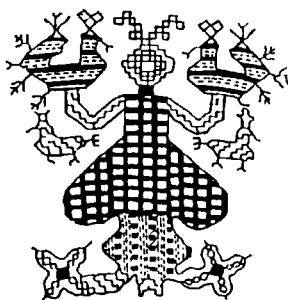
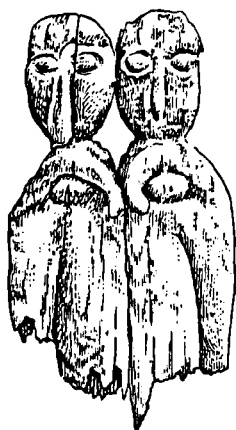


Рис. 1. Богиня с предстоящими птицами. Фрагмент полотенца. Архангельская губ., середина XIX в.

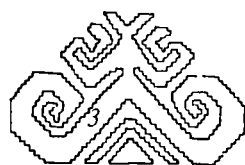
Обращение к северорусским крестьянским вышивкам как источникам познания древнеславянских и даже более архаичных пластов индоевропейской мифологии далеко не случайно. Уже во второй половине XIX столетия отечественные историки, этнографы и искусствоведы убедились в необычайной глубине и незамутненности исторической памяти, лежащей в основе культурной традиции жителей русского Севера. Уже в наши дни академик Б. А. Рыбаков убедительно доказал полное соответствие графических символов и образов северорусских вышивок мифолого-религиозным представлениям древних русичей<sup>7</sup> Парные птицы изображались и в руках других архаичных персонажей древнерусской мифологии — рожаниц, спутниц и помощниц Творца всего сущего бога Рода. Рожаницы являют собой уходящую корнями в матриархат наиболее устойчивую традицию парных божеств, изображавшихся некогда единой слитной фигурой с двумя самостоятельными туло-



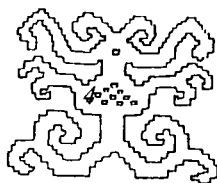
1



2



3



4

**Рис. 2.** Символика парности в северорусских крестьянских вышивках XVII—XIX вв.

1 — предстоящие птицы у капища Мокоши; 2 — рожаница с птицами в руках; 3—4 — орнаментальные символы рожаниц. *Внизу слева* — средневековая скульптура рожаниц (по Б. А. Рыбакову).

вищами и головами. Но по прошествии многих веков русская народная орнаментация превратила их в двуглавые антропоморфные символы, спрятав в условном декоре натуралистичные детали и позу рожаящей женщины. Парные предстоящие птицы изображались и у капища Мокоши (Матери Сырой Земли), воспринявшей многие культовые черты архаичных, но не забытых народом рожаниц.

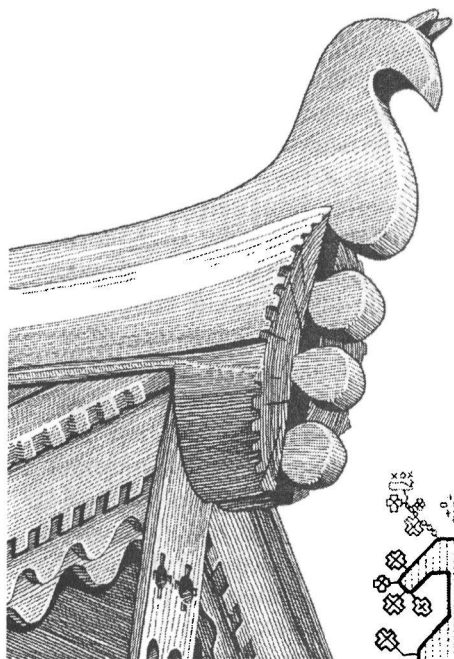
Идея близнечества в контексте «дневного» и «ночного» солнца в германском, литовском и особенно в древнерусском искусстве нередко отображалась парными лошадиными головами, а то и единой фигурой двуглавого коня. Наибольшее распространение этот



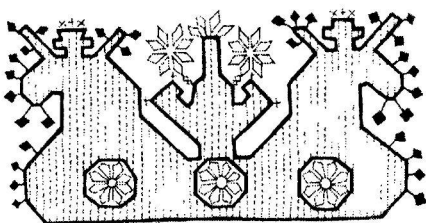
солнечный символ получил при строительстве жилищ, где парные конские головы увенчивали торец двухскатной кровли. На Руси стык двух скатов кровли покрывался специальным бревном с выдолбленным внизу желобом — охлупнем, украшенным на концах конскими головами, каждая из которых называлась «коньком». Это слово в значении «верх кровли» до сих пор живо в русском языке. Парные кони образовали в русской народной орнаментации слитную фигуру «солнечной ладьи», воплотившую в себе мифологические представления о близнецной паре. При этом символика близнецства переносится именно на парные конские головы, в то время как небесный наездник располагается в центре композиции. Удивительное родство великорусских и античных представлений о солнечной паре подчеркивается двумя различными интерпретациями этой темы: выполненным в стилистике северорусской вышивки изображением «солнечной ладьи» и миниатюрой из Киевской Псалтири 1397 г. испытавшей явное византийское влияние<sup>8</sup>.

Но нельзя ограничивать поиск истоков нашей национально-государственной символики исключительно символикой образной, воспроизводящей определенные фигуры мифологических персонажей. Необходимо помнить о чисто графических знаках и символах, древнейшие из которых принадлежат к так называемым «Загадочным знакам Причерноморья»<sup>9</sup> Для понимания тесной связи символики Древней Руси с культурным наследием Северо-кавказских земель, Крыма и причерноморской степной полосы необходимо знать как об относительно постоянной этнической (киммерийской) основе местного населения на протяжении многих веков, так и о том, что частые нашествия иных этносов означали в большей степени смену правящей династии (рода, племени, орды), нежели масштабное переселение или уничтожение целых народов. Южнорусские земли впервые были политически организованы в 1000 — 700 гг. до н. э. киммерийцами — родственными фракийцам арийскими племенами. Затем власть перешла к скифам (700—200 гг. до н. э.), а от них — к сарматам (200 г. до н. э. — 200 г. н. э.). Вслед за сарматами последовали готы (200 — 370 гг.), а далее — гунны (370—454 гг.)<sup>10</sup>.

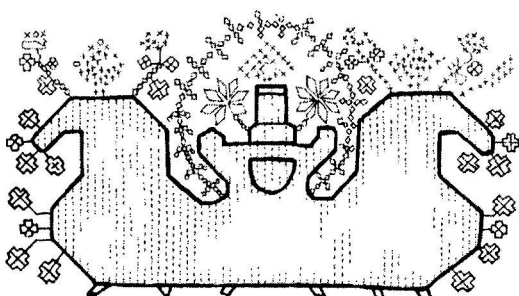
Киммерийцы контролировали северное побережье Черного моря от Днестра до Керченского пролива, который в античные времена назывался Боспором Киммерийским. К середине VIII в. до н. э. их основные провинции лежали в Крымском, Азовском и Кубанском регионах. Сменившие их скифы не были этнически однородны. Их правящая орда могла иметь алтайские или иранские корни, в то время как значительную часть скифских племен многие крупные историки (*И. Е. Забелин, В. В. Григорьев, Б. А. Рыбаков и др.*) отно-



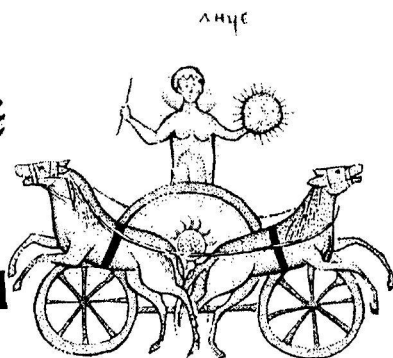
1



2



ЛТ. СТВОЛОЦ  
 ЯКОВЪТК. ОЦТВЕ  
 НАВОДАХЪЯКО  
 ЕМОЦ СВѢТНА  
 ЯКОВЪ. СЛНЦЕ



4

Рис. 3. Парные кони в русском народном и церковном искусстве.

1 — конек на крыше избы. Архангельская губ., XIX в. 2, 3 — «кони-ладьи». Северорусская вышивка (по Б. А. Рыбакову); 4 — Солнце. Миниатюра Киевской Псалтири, 1397 г.

сили к протославянским. Помимо ираноязычных алан (предков осетин, *ясов* в русских летописях), к основным сарматским племенам относились и кочевники роксоланы (*русоланы* в «Географии» Страбона, *русколаны* в «Книге Велеса», называющей всю Русскую землю той поры *Русколанью*). Следует также указать на то, что вопреки сложившемуся мнению древний Сурож (совр. Судак) был также основан протославянами и даже в Средние века продолжал считаться на Руси «своим» городом. Недаром предок Рюрика новгородский князь Бравлин совершил в VII в. поход в Крым для освобождения Сурожа от иноземцев, а после взятия города, согласно легенде, принял Святое крещение. Следовательно, за расхожими фразами типа «сарматы вытеснили скифов» следует понимать, прежде всего, изменение этнической составляющей власти в южнорусском регионе при сохранении массы коренного населения, значительную часть которого составляли предки восточных славян.

Непрерывная череда родственных культур евразийской степной полосы, включающей Северное Причерноморье, позволяет сделать вывод об однородных этнических корнях основной массы их носителей. Культура киммерийцев, обитавших здесь уже в I тыс. до н. э. сложилась гораздо раньше — захоронения в ямах, над которыми насыпался курган, относятся к III тыс. до н. э.<sup>11</sup>. *Ямная культура* признана археологами протоарийской, от нее в III — начале II тыс. до Рождества Христова ведут свое происхождение все народы индоевропейской семьи. Со временем погребальные ямы протоарийцев превратились в катакомбы степных арийцев, на смену которым киммерийцы принесли погребальные срубы. Таким образом, при сохранении обычая хоронить своих соплеменников под курганом налицо археологические свидетельства жизнедеятельности родственных народов, находившихся на различных стадиях развития своей культуры. В этой последовательности исторических эпох киммерийцы явились прямыми наследниками ариев Восточно-Европейской равнины, не мигрировавших на Запад Европы или в Южную Азию, а оставшихся у себя «дома». Недаром в Библии киммерийцы названы потомками старшего сына самого Япета — родоначальника арийских народов.

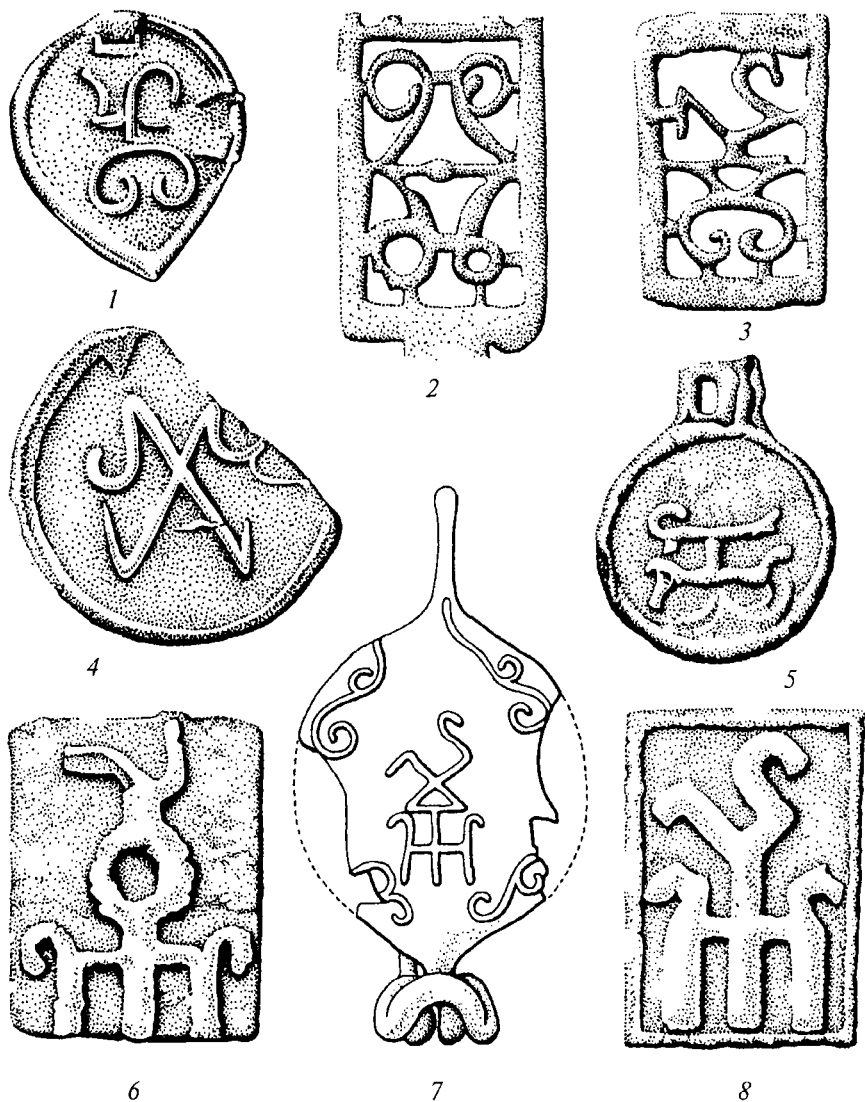
Скифы пришли в Причерноморье не из «глубин Азии»<sup>12</sup>, а с берегов Волги, и были хорошо известны Гомеру и Гесиоду (начало I тыс. до н. э.). Более того, в сказаниях о Геракле и других древнегреческих мифах, предположительно возникших не позднее XIII в. до н. э., скифы упоминаются в качестве учителей земледелия, выплавки меди, оружейного дела. Античные авторы указывали на многочисленность и этническую неоднородность скифских племен, где

собственно скифы (вполне возможно — ираноязычные) оставались в меньшинстве. По данным археологии, на протяжении всего «скифского времени» — железного века — основу населения Скифии составляли те же киммерийцы, что лишний раз подтверждает правоту Библии: Скиф был старшим сыном Киммерийца — прямого наследника Арийца (Япета). В период своего расцвета (800—400 гг. до н. э.) скифская цивилизация простиралась от устья Дуная до среднего течения Хуанхэ. В сферу влияния Великой Скифии входили Иран, Северная Индия и северо-западные китайские царства. На рубеже II и I тыс. до н. э. в этих странах правили династии, основанные степными «ариями».

Скифы занимали лидирующее положение среди современных им народов не только в сфере материальной (сельское хозяйство, коневодство, металлургия, выделка оружия), но и духовной культуры. В скифо-киммерийскую эпоху возникли Веды и Авеста, вскормившие индийскую и иранскую культуры. Но, прежде всего, идеи ведизма легли в основу миропонимания древних славян, определив исключавшие рабство формы их общественного устройства. «Веда если и является “ведической Библией”, то ее составители искали не законодательства, не моральных установок, а божество, скрывающееся за явлениями материального мира. Рациональное мышление библейских составителей если и искало абстрактного Бога, то представляло его, как Иегову, наказывающего за грехи, с которым Израиль заключил союз. Ведийцы союза не заключали с Богом, “коему мудрые дают многие имена”, а обращались к нему, как к своему другу, пращур, с которым себя считали в родстве»<sup>13</sup> Именно ариями был занесен на Балканы «гомеровский эпос». Более того: современные лингвисты относят практически все системы слоговой и алфавитной письменности Южной Азии и Средиземноморья к единому источнику, находившемуся в северной Евразии. Следовательно, древнеславянские руны, о которых нам еще предстоит узнать далее, по сути, автохтонны, ибо появились у коренных насельников (аборигенов) европейской части России. Неужели эти и многие другие не менее впечатляющие гипотезы и факты не в состоянии вдохновить наших ученых на создание всеобщей эпохальной истории Отечества, сцементированной лаконичным рефреном Велесовой Книги: «Сто раз погибала Русь и сто раз возрождалась, и вот пришли мы сюда и сели огнищанами на земле Русской?»

Савроматы (ставшие впоследствии называться сарматами) были восточными соседями волго-донских скифов. Около 600 г. до н. э. они подошли к Дону, а во II в. н. э. уже безраздельно властвовали в Северном Причерноморье. По свидетельству Геродота, савроматы произошли от браков скифских юношей с амазонками, что указывает на их





**Рис. 4.** Геральдические эмблемы Северного Причерноморья.

*Вверху и в середине* — сарматские геральдические эмблемы (по В. С. Драчуку): 1 — на бляхе конского убора; 2, 3 — на поясных пряжках; 4, 5 — на зеркалах-подвесках.

*Внизу* — сложные царские гербы Боспора (по Д. Б. Шелову): 6 — неизвестного царя; 7 — Тиберя Евпатора; 8 — Реметалка (?).

этнокультурную близость со скифами. Но, прежде всего, это подтверждается данными археологии. Сарматы не уничтожали скифский народ, как до этого скифы не уничтожили киммерийцев — произошло смещение этнокультурной властной верхушки. Вполне вероятно, что благодаря изменению этнической составляющей власти сарматы постепенно стали называться аланами, на что в I в. н. э. указывал Иосиф Флавий. Греки же чаще упоминали роксоланов — «конных аланов», и Страбон (64 г. до н. э. — 24 г. н. э.) сообщал, что «области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода». Иными словами, единый народ сарматов-аланов, наследников киммерийцев и скифов, занимал все пространство Восточно-Европейской равнины вплоть до глухой тайги и тундры Заполярья.

Ближайшая к нам по времени и этническому родству эпоха сарматского влияния в Северном Причерноморье как раз и отмечена широким распространением загадочных знаков, в которых наука уже давно распознала родовые эмблемы сарматов. Именно эти знаки составляют древнейшую основу родовой геральдики в южных землях Руси, но при этом не исключено, что их корни лежат в еще более древних слоях культуры. К числу других таинственных символов местного происхождения, не принадлежащих сарматам, относятся композиционно сложные именные знаки боспорских царей. Возникшее в V в. до н. э. меото-сарматское Боспорское царство со столицей в Пантикопее<sup>14</sup> (совр. Керчь) объединяло греческие города-колонии Феодосию, Фанагорию и Гермоноссу (*Тьмутаракань* в русских летописях), Тиритаку (совр. пос. *Аршинцево* на Керченском полуострове), Горгинию (совр. Анапа) и ряд других. Связующим звеном между общесарматской и боспорской символикой служит верхняя — именная часть царских знаков, представляющая собой либо сармато-греческую монограмму имени, либо символическое отображение какого-либо предмета. Нижняя — династическая — восходит к символу трезубца. Именные знаки не обязательно должны были принадлежать царям — они вполне могли оказаться собственностью царских наместников сарматского происхождения, а также сарматских племенных вождей, находившихся в дружеских отношениях с Боспором.

Особенностью сармато-боспорских именных знаков, еще не обретших преемственности и неизменности гербов, являлась динамичность их формы. При переходе знака к новому владельцу менялось его положение: он мог быть повернут вправо или влево, а новое имя запечатлевалось при помощи добавления к существовавшей верхней эмблеме каких-либо графических элементов — «отпятнышей». Есть все основания полагать, что именно эти знаки явились той базой, на основе которой сформировались символи-

ческие изображения на поясных наборах и других предметах славян в раннем Средневековье, а также широко известные знаки древнерусских князей. Обращает на себя внимание подчеркнутый геометризм символики, характерный для интересующей нас эпохи — от сармат до поднепровских русских князей. В принципе эти символы лишены какой-либо образности, угадываемой лишь в отдельных элементах. Так, верхняя часть некоторых сармато-боспорских именных знаков напоминает стоящую или шествующую птицу, нередко помещенную на кольцо или опрокинутом треугольнике. Вполне вероятно семантическая связь этой графемы с распространенным у всех арийских народов солнечным культом, со всей очевидностью прослеживающейся в сармато-боспорских орнаментах. Теснейшая связь символики и орнамента характерна для всех древних народов, которым орнамент служил своеобразным хранилищем не востребуемых для культовых и хозяйствен-

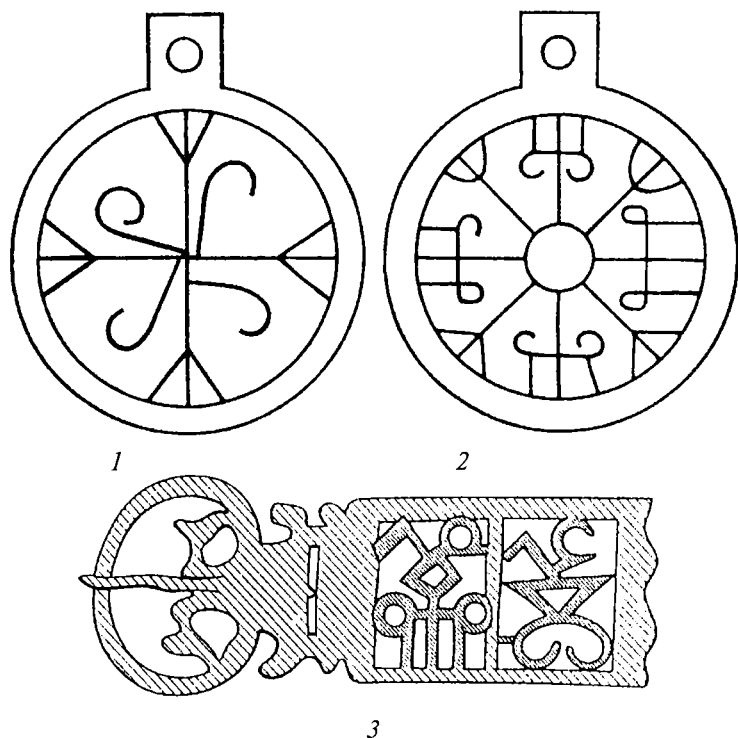


Рис. 5. Связь сарматского (1) и боспорского (2) орнаментов с эмблемами на раннесредневековой поясной пряжке (3) (по В. С. Драчуку).

ных нужд символов. Орнамент сарматов и аспургиан-боспорцев также строился на основе круга (неба), перекрещенного или разделенного некоторым количеством радиусов круга (солнце) и целого ряда других солнечных символов, в том числе и свастики.

Окажется небесполезным проследить, несколько забегая вперед, идентичность некоторых сарматских орнаментов символам великороссов, всей богатейшей орнаментике нашего народного искусства, сохранявшего на протяжении многих веков мифологические представления арийской древности. Повсеместно используемый в резном убранстве изб и крестьянской утвари «громовой Перунов знак» донес до наших дней геометрию символа, чтимого на заре нашей эры сарматами (или арийцами-праславянами, см. рис. б). К этому следует добавить и целый ряд других аналогий, обнаруженных при раскопках Новгорода (Неаполя) Скифского археологом П. Н. Шульцем. О находке в этом городе, располагавшемся на месте нынешнего Симферополя, академик П. Н. Шульц, в частности, писал: «В жилых помещениях скифской столицы Крыма <...> находили красивые пластинки из резной кости, которыми украшались скифские ларцы. Узоры, с любовью выполненные скифскими народными резчиками, живо напоминают по своему характеру русскую резьбу по дереву». И далее: ...жилище с характерной крышей, навесы которой защищают стены от стока воды. На коньке крыши вертикально поставлена стрела, по сторонам ее как бы вырезанные из дерева головы двух коней, обращенные мордами в разные стороны. Все это живо напоминает нам русскую избу с такими же резными коньками на такой же крыше»<sup>15</sup> Вне городских укреплений Новгорода Скифского, превосходивших по мощности оборонительные сооружения других древних городов Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса, Пантикопея, — находился царский мавзолей. Основываясь на материалах этих раскопок, доказавших первоначальную открытость наполненного сокровищами мавзолея, П. Н. Шульц восклицал: «Казалось, что даже не защищенный еще стенами он оберегал город, так же как и жители его были призваны оберегать священный прах своих правителей». В склепах скифского некрополя археологами были обнаружены прекрасные росписи, и на одной из них изображен «бородатый скиф в высокой шапке, в мягких сапогах. На нем широкополый кафтан с откидными рукавами, напоминающий древнерусские кафтаны. Скиф играет на лире...»<sup>16</sup>.

Декоративно-прикладное искусство Древней Руси несет в себе явные следы скифо-сарматского влияния. Это обусловлено преемственностью основных черт этнокультурных традиций, на протяжении десятков веков возникавших на одной и той же территории и



естественным путем наследовавших друг другу<sup>17</sup> Интересно, например, проследить метаморфозу спиральных символов, широко использовавшихся в украшениях скифо-сарматских женщин (воинственных амазонок?). Помимо спиралевидной формы колец и браслетов, они использовали принцип спирали и в своих прическах, укладывая таким образом косы по бокам головы. Подобная символика, включающая обязательный средний элемент (каковым могло служить само лицо или украшение в налобной части головы), распространена на большой территории от Кавказа до Центральной Европы и относится к древнейшему культу священной триады — возможно, Великой Богини и ее детей — солнечных близнецов<sup>18</sup>. Височные кольца в форме спиралей стали отличительным признаком племени северян, на землях которых возникли Черниговское и Новгород-Северское княжества, а височные кольца иных конфигураций четко выделяли вятичей, радимичей, словен ильменских (новгородских), кривичей псковских и смоленско-полоцких.

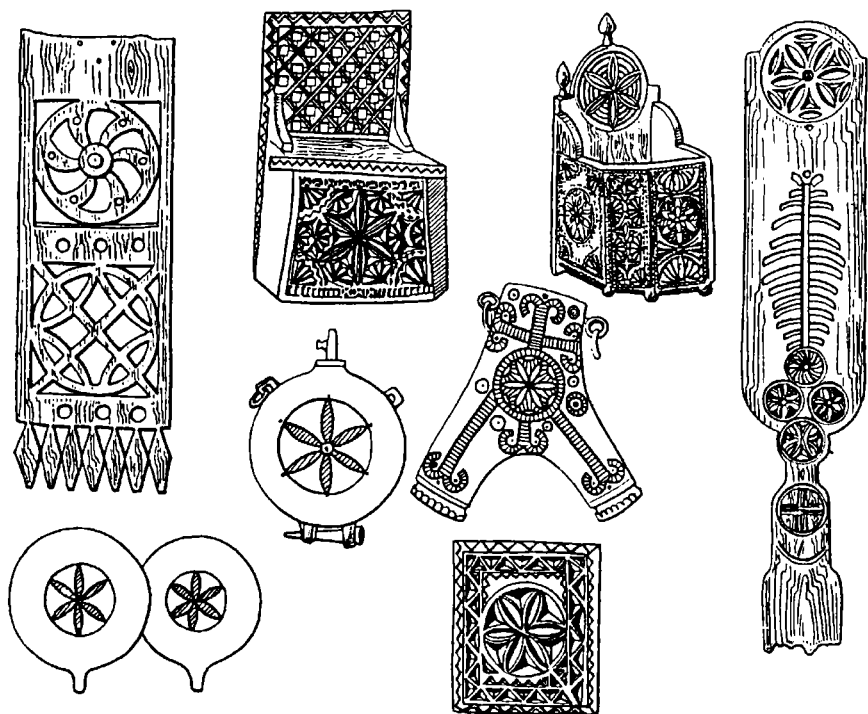


Рис. 6. Орнаментальные символы великороссов и сарматов.

*Вверху слева и справа, в середине и внизу справа — шестилучевой «громовой», или «Перунов знак», на русских народных изделиях.*

*Внизу слева — сарматские зеркала (по Б. А. Рыбакову).*

С упадком и падением Боспора не прекратилась деятельность местных сарматских ремесленников, товарные знаки и эмблемы которых распространялись вместе с изделиями. Уже на поясных наборах раннего Средневековья не найти эмблем владельцев царских мастерских, встречавшихся на боспорских пряжках II—III вв., — их захлестнуло море сарматской символики. Укрепление дружинного строя в первые века после Великого переселения народов и падения Римской империи было ознаменовано широким распространением оснащенных металлическими деталями поясов, служивших отличительным знаком дружинников. Поэтому символика на поясных наборах, ножнах мечей и различных подвесках стала своеобразным геральдическим лицом догосударственных территориально-племенных образований. В Поднепровье, являвшемся одним из древнейших восточнославянских анклавов, созревало ядро будущего Древнерусского государства<sup>19</sup>. На обнаруженных там поясных наборах VI—VIII вв. отчетливо видны знаки в виде двузубцев на длинном «стебле», оканчивающемся парными отростками «корней». Реже встречаются трезубцы, в равной мере напоминающие растительные символы или пикирующую птицу, подчас двенноголовую. Говорить о славянском, сарматском или росском происхождении этих символов, предположительно принадлежавших поднепровским князьям, весьма затруднительно. Дело в том, что отличительным свойством славян считалась их способность мирно сливаться с другими племенами, которые затем полностью ассимилировались в славянской среде. Существовали смешанные славяно-аланские и русколанские роды, унаследовавшие древние обычаи сарматов, а около VI в. произошло объединение поднепровских славян с воинственным племенем росов (или русов?), обосновавшемся в то время на нижнем течении Дона. Привыкшие к походам и сбору военной добычи, росы во главе со своими князьями пополнили дружинную прослойку славянского земледельческого общества и всецело слились с ним, оставив в истории лишь свое гордое имя.

Сегодня уже невозможно определить, какой основной смысл вкладывали наши далекие предки в начертанные ими знаки: были они социально обусловленными знаками имущественной принадлежности, т. е. сугубо функциональными в современном понимании, или служили некими магическими оберегами княжеского рода и подвластных ему владений. Несомненно, что и то, и другое предназначение графической символики имело место в исторической действительности, и эта двойственность коренилась в природе всех древних знаков и символов, к которым принадлежали и древнеславянские руны. В наши дни открывается все больше свидетельств

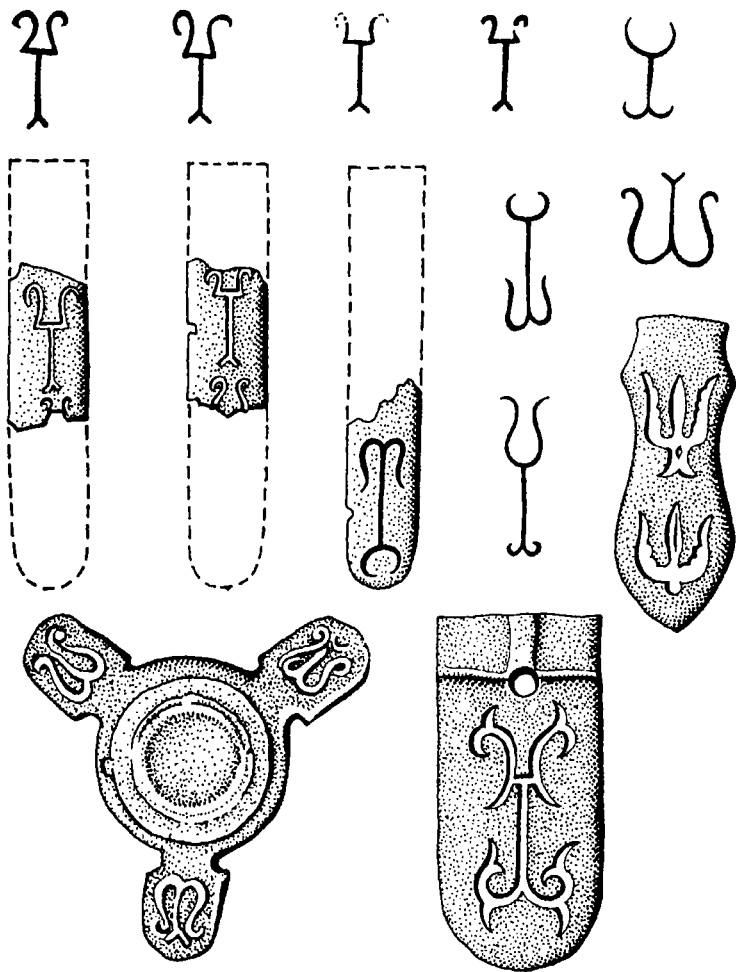


Рис. 7. Княжеско-территориальная символика. Поднепровье, VI–VIII вв. (по В. С. Драчуку).

их широкого распространения в славянских землях, а переводы записанных ими текстов IV–VIII вв. позволяют по-новому взглянуть на историю нашего Отечества. Старейшими руническими письменами, известными современной науке, являются строки написанного в IV в. «Боянова гимна» и надпись на памятнике русколанскому князю Бусу Белояру, воздвигнутому в 368 г. в районе нынешнего Пятигорска вскоре после гибели Буса<sup>20</sup>. Из-за краткости высеченной в камне погребальной молитвы русколанскую ру-

нику достаточно трудно выделить в самостоятельный вид докириллической письменности, зато «Боянов гимн» позволяет сделать это. Текст гимна сохранялся на пергаментном свитке из собрания А. И. Сулакидзева<sup>21</sup>, с которого знаменитый собиратель древнерусских книг собственноручно сделал копию для Г. Р. Державина. Благодаря публикациям поэта и копиям, сделанным для библиофила Федора Толстого, митрополита Евгения Болховитинова и историка Н. М. Карамзина, мы знаем теперь начертание рун IV в. в которых нетрудно угадать и некоторые именные знаки сармато-славянских династий боспорских царей, и родо-территориальные знаки средневековой польско-литовской геральдики.

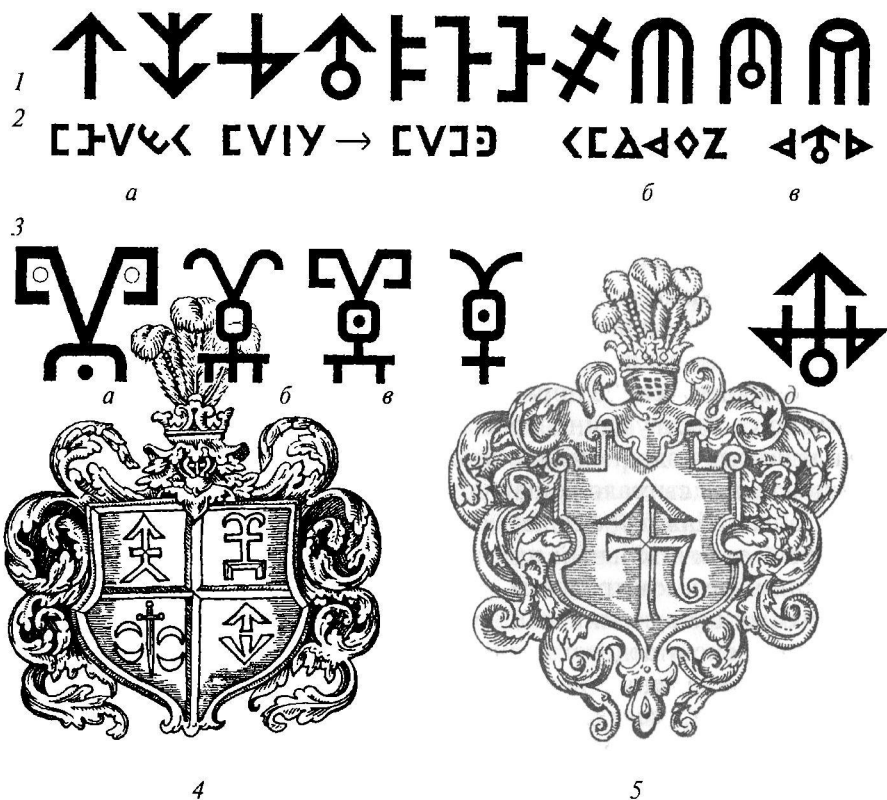
На этом важнейшем для нас аспекте исторического развития национальной символики России следует остановиться подробно, поскольку именно здесь коренится основа самобытности отечественной геральдики. Одно лишь наличие рунических знаков в польско-литовских и западнорусских гербах не является главной отличительной чертой «польской» или, по убеждению А. Б. Лакиера<sup>22</sup>, общеславянской геральдики. Ее принципиальным отличием от геральдики западноевропейской является древнейшее происхождение этих изумительных по простоте знаков, служивших «знаменами», или «клейнодами», определенному числу компактно проживавших родов. Лаконичные «знамена» положили начало родо-территориальной символике, характерной именно для славянского общинно-родового строя, ибо когда новый род оседал на землях основанной на принципах соседства общины, он не создавал себе собственную символику, а получал право пользоваться уже существующей.

Развивая свою мысль о формах использования рунической символики в Польше, Ю. В. Арсеньев писал: «Прежде всего, повлияло на видоизменение рунических военных знаков, которые носились на жезлах еще в период язычества, принятие поляками христианства, в это время к рунам прибавлены были кресты, видоизменившие их первоначальные очертания. Второй фазис наступил с тех пор, как стали в Польше употребляться на войне знамена взамен древних жезлов, при этом произошли новые видоизменения рунических знаков, через отпадение нижних их концов, прикреплявшихся к жезлам. Наконец, окончательный фазис преобразования этих знаменных знаков наступил в эпоху, когда появились в Польше гербы, созданные по правилам западноевропейской геральдики. Эта последняя уже застала в Польше упомянутые знаменные знаки, издавна употреблявшиеся польским дворянством, и видоизменила их в гербы. Осюда объясняется, что польская геральдика весьма мало позаимствовала у западноевропейской, и

главная часть последней — геральдические фигуры в ней почти отсутствуют. <...> При Казимире III Великом (король польский с 1333 по 1370 гг. — А. С.), который присоединил к Польше Волынь и Червонную Русь, влияние западной геральдики стало быстро вытеснять те начала, на которых до тех пор, в течение почти пяти веков, развивалась национальная система родовых знаменных отличий. С этого времени польская геральдика стала утрачивать одно из характерных своих свойств, а именно — свободу вырабатывания различающихся между собой эмблем из главного прототипа»<sup>23</sup>.

Общественный уклад в образованных германцами государствах основывался на их древнейших традициях кровного родства, что неминуемо отразилось в структуре отличительной знаковости западноевропейцев. Ее породило не мирное сосуществование живущих по соседству единоверческих земледельческих родов, а индивидуальные подвиги на военном или турнирном поприще, причем последнее сыграло решающую роль в формировании геральдики Запада. Каждый феодал мог произвольно выбрать себе некий условный отличительный признак (как правило, основанный на сочетании двух контрастных расцветок), который при помещении его на вооружении рыцаря, прежде всего — на его щите, ложился в основу родового герба. Отсюда множественность геральдических проявлений воинственного уклада рыцарства, заставлявшая многих исследователей отстаивать исключительность одного лишь этого феномена европейской культуры. Однако мы сталкиваемся здесь прежде всего с различной природой символики славян и германцев. Если славянская родо-территориальная символика была призвана обеспечить некую магическую защиту многочисленной и обширной соседской общине и использовала для этого знаки и символы духовности (число которых в принципе ограничено), то у германцев решающую роль играла непохожесть каждого родового знака на все остальные, выполнявшие ту же отличительно-опознавательную функцию. Поэтому отношение к эмблемам славянских «знамен» и западноевропейских гербов было далеко не одинаковым. Для доказательства этого А. Б. Лакиер предлагал сравнить объяснение значений славянской родовой символики, данное польским историком и геральдистом XV в. Яном Длугошем, с гербовником XVII в. Окольского, который уже наделял польские гербы несвойственным им содержанием и, кстати, оказал заметное влияние на развитие дворянской геральдики Московского государства.

Сравнивая этот рисунок с предыдущим, нетрудно увидеть в некоторых знаках поднепровских князей упрощенную форму имени Великого Велеса, начертанного вязаными рунами «боянови-



**Рис. 8.** Некоторые унаследованные родовой и культовой символикой Средневековья славянские руны IV в. — «бояновица».

1 — наиболее часто встречающиеся в гербовых эмблемах рунические знаки; 2 — образование сакральной рунической формулы «Велес Велик» (а); запись имен Сварог (б) и Род (в); 3 — руническая вязь — «знак Велеса» (а), родовой знак (герб) династии Асандра (б) — Асеня (из рода Велеса по «Велесовой книге»), знак «Сын Велеса» (в), знак Меркурия-Гермеса (з) в астрологии и тайных науках, знак «Род» (д) (по А. И. Асову); 4, 5 — гербы малороссийских фамилий Стеткевичей и Проскура-Сушанских, первая половина XVII в. (по Ю. В. Арсеньеву).

цы», т. е. священной рунической вязью. Недаром каждая руна была не просто графическим эквивалентом произносимого звука, она обладала собственным символическим и магическим наполнением. При этом симметричная форма самой руны или образованного несколькими рунами слова (имени) приобретала сакральное значение<sup>24</sup>. Таким образом, воспринятое Русью от далеких предков понятие парности находит свое выражение и в симметричности



слов-символов, ибо парность и есть симметрия антиподов: *жизнь-смерть, свет-мрак, добро-зло* и т. д. И в своеобразной двуглавости «велесова знака» сокрыта двойственность мифологической характеристики самого Велеса: он явился Нисхождением Всевышнего для всего живого мира — и для людей, и для животных. Велес совершал свои деяния и на земле — в царстве живых, и в подземном царстве мертвых. Оставив там свое живое тело, Велес еще много раз рождался и умирал — был он и Доном, и Рамной, и Тавром, и мифическим родоначальником многих древних царских родов, в том числе и сармато-славянской династии Асеней — царей Боспора.

Следует особо отметить, что IV в. — время создания записанного рунами Боянова гимна, отнюдь не является начальной датой овладения славянами руникой, т. е. восходящей к древнейшей северо-евразийской первооснове системой графических знаков. Как считает ряд современных исследователей<sup>25</sup>, руны в культовой обрядовости славян появились не позднее середины I тыс. до н. э. Они стали знаковыми отражениями понятий изначальной философии — ипостасей божественного принципа, соответствующих различным явлениям природы. Как ряд символов, отображающих творящие Вселенную священные принципы, руны первоначально не читались, а непосредственно осмысливались. Ведь из анализа древнейших мифов о золотых веках исхода ариев из Северной прародины следует, что человек тогда общался с богами напрямую и во многом был равен им. Именно неотделимыми от простых смертных описываются боги в большинстве эпосов. И в осознании этой доступности богов кроется для нас разгадка духовного мира предков, называвших богами действующие во Вселенной творящие принципы. Но это отнюдь не мешало им ощущать главенство высшего принципа — Бога Творца<sup>26</sup>. Поэтому-то после Крещения Руси православие относительно недолго искало путь к сердцам русичей, представляясь им своего рода греческой версией исконного славянского миропонимания.

На этот исключительный факт, определивший весь дальнейший ход развития отечественной духовности и государственности, а следовательно, и великорусской геральдики, необходимо обратить особое внимание. Единобожие, т. е. монотеизм, было основой дохристианской религии («язычества») древних славян, о чем свидетельствуют не только сохранившиеся в дощечках Велесовой книги, летописях и «Словах» древнерусских любомудров отголоски древнейшего на нашей земле богословия, но и сами имена древнеславянских богов. Б. А. Рыбаков в фундаментальном труде «Язычество древних славян» высказал идею о том, что Стрибог

есть не столько собственное имя, сколько определение, эпитет Единого верховного божества — отца Вселенной. Стрибог («боготец»), Сварог («небесный творец») и Род («рождающий») — все это имена одного патриархального мужского божества, пришедшего на смену архаичным представлениям о Небесных Владычицах (сохранившимся в последующие века в смутных образах берегинь и других женских божеств).

Тогда Творящие принципы Единого, которыми Он вершил мироздание, получили собственные имена: царь Солнца (божьего Белого света) Дажьбог, сын Сварогов, Огонь Сварожич или Хорс («И огневи молятся, зовут Сварожичем» из «Слова христороубца»), и громовержец, покровитель воинства Перун Сварожич. Неразрывно связаны с Родом и такие имена-эпитеты, как Лад — Порядок, Усуд или Суд — Судьба, Свентовит — Свет, Велес — Воля. Таким образом, Солнце и Свет, Вода (Дождь Сварожич повелевал и хлябями небесными — санскритское слово «свар» означает небо или свет, а «вар» — воду), Огонь, Ветры, магическое для древних индоевропейцев искусство выплавки иковки металла и другие основы мироздания сформировали духовный мир древних русичей. Естественным следствием мифологичности их мышления является и ощущение себя Дажьбожьими внуками, поскольку происхождение этносов также есть проявление одного из Творящих принципов.

Вот почему при обращении Дажьбожьих внуков в христианство монотеизм их миропонимания всецело сохранялся, ипостаси Единого превращались в многочисленных святых, а древнейшее понятие парности вылилось в почитание парных святых — Бориса и Глеба, Козьмы и Дамиана, Флора и Лавра, Зосимы и Савватия Соловецких. Характерно, что устойчивые представления о небесном свете, символами которого по-прежнему оставались парные кони, проникли в иконографию как Бориса и Глеба, так и Флора и Лавра вопреки официальной агиографии — житийной литературе.

Симметрией парности отмечены и первые знаки князей Рюрикова рода, представляющие собой либо двузубец, либо трезубец. Причем строгая симметричность характерна лишь для полтора десятков из них, преимущественно самых ранних, остальные же знаки домонгольских Рюриковичей демонстрируют либо противопоставление различного начертания парных зубцов, либо асимметричны в принципе. Каждый из них строго индивидуален, в связи с чем возникает вопрос: знаки ли перед нами или гербы? Современная наука относит их к *знакам*, поскольку под *гербом* подразумевается прежде всего индивидуальный графический признак, передающийся по наследству. Но Русь X–XIII вв. не знала слова «знак» или «герб» — она употребляла слова *знаменование* (обо-

значение, знак, свидетельство), *знамение* (знак, указание), *знаменати* (обозначать, ставить печать, осенять крестом) и многие другие однокоренные слова<sup>27</sup> Поэтому индивидуальные *княжески знамении*, *знамена*, употреблявшиеся на монетах и печатях, вполне можно приравнять к личным гербам по их назначению и сфере применения<sup>28</sup>, и лишь по форме они не являются гербами в общепринятом толковании этого термина.

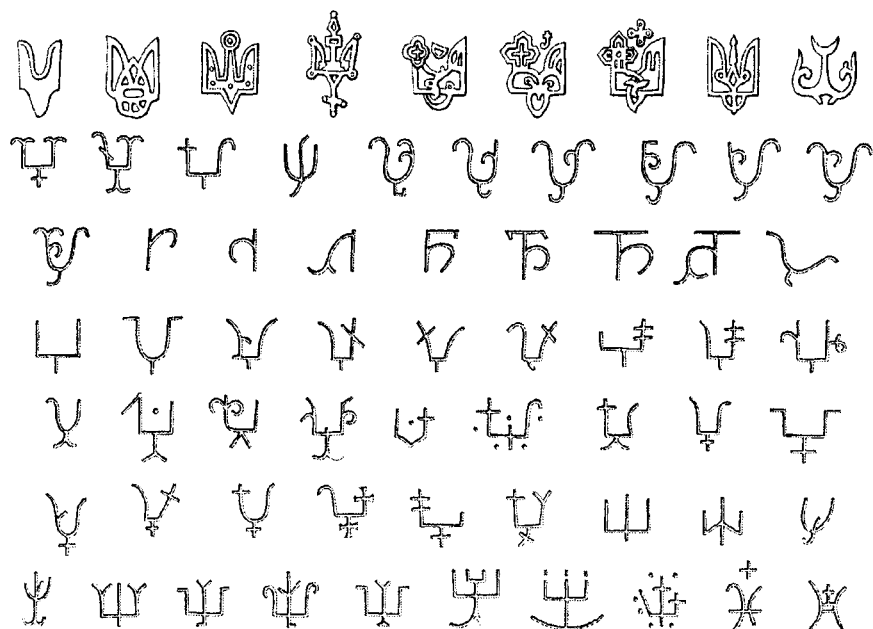


Рис. 9. Личные знаки домонгольских князей Рюриковичей.

В отличие от двучастных княжеско-территориальных символов VI–VIII вв. в которых верхний двурогий символ (знак Велеса?) сопряжен с растительными отростками (семантически родственными православному «процветшему кресту»), знаки Рюриковичей более целостны. Но это не упрощает задачу их расшифровки, если даже таковая возможна в принципе. Как восстановить образный строй мифологичного мышления людей, которым тамгоподобная графема служила не только знаком собственности, но и сакральным оберегом? Только исследовав породившую эти символы мифологию, можно приблизиться к пониманию их значения. И если двузубец тесно примыкает к группе двоичных символов, генети-

чески восходящих к архаичному богу земли ранних земледельцев, то семантика трезубца уже иная.

Представление о триединстве божества восходит к самым древним религиям. В его основе лежит идея о единственности трех различных состояний, в которых поочередно пребывает это божество. Отголоски таких архаичных представлений о троичности солнечного божества прослеживаются на Руси в фигуре конька на охлупне крыши, композиционно связанной с тремя равновеликими дисками (см. *рис. 3*). Подобный же смысл заложен и в символе креста с тремя дополнительно перекрещенными верхними ветвями. Символом троичного божества является и трезубец, различные графические интерпретации которого свидетельствуют об автохтонности его происхождения, никак не связанного с известным оружием римских гладиаторов. Б. А. Рыбаков доказал, что обнаруженные на Северном Кавказе трехзубцовые культовые предметы служили навершиями древков стягов (подобные находки известны и в юго-восточной Прибалтике — в земле пруссов). Не исключено, что древнеславянская трактовка трезубца была как-то связана с женским мифическим существом — *виллой*, аналогом которой на Руси стала птица с девичьей головой — *русалка* (в отличие от привычной нам полуженщины-полурыбы западноевропейской мифологии). Следует отметить, что в христианстве догмат о Святой Троице возник не ранее IV в. (Евангелие Троицы не знает), когда молодая государственная религия Римской империи воспринимала многие элементы языческой символики и обрядности<sup>29</sup>

Связь знаков Рюриковичей с миром птиц подтверждается мнениями многочисленной группы ученых. Одни из них склонны видеть в княжеских эмблемах фигуру атакующего сокола, другие доказывают их связь с дружинным искусством Прибалтики и Восточной Европы IX–XI вв. Быт дружинников предопределил две тенденции в изображении птиц. Первая представляет символическую птицу хищником, в скандинавской и русской традиции — вороном, спутником воина и эмблемой дружины. Вторая в изображаемой птице усматривает священную жертву, приносимую князем за свой народ<sup>30</sup>. Но, независимо от различия в толкованиях данных эмблем, становится очевидным, что символика парности и символика птицы уже со времен первых князей Древней Руси становится государственной. Ведь княжеский знак собственности и статуса имел хождение не только на территории самого древнерусского государства, но и изображался на княжеских печатях и чеканился на монетах, т. е. символизировал это государство в дипломатической переписке и внешней торговле. В дальнейшем нам предстоит более подробно осветить геральдико-правовые особенности этих пер-

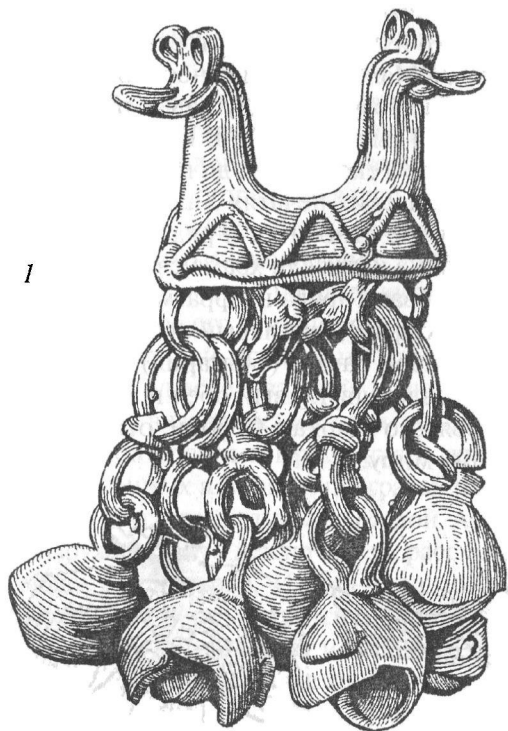


вых русских «предгербов», или «знамен». Их появление в VI в., оригинальное развитие и распространение вплоть до первых десятилетий XIII в. было обусловлено уже сложившимися к тому времени собственными культурными традициями поднепровских и ильменских славян и всем ходом становления национальной государственности. Принижение значения этих личных княжеских эмблем и искусственное отдаление их на периферию культурных явлений, сопровождавших рост могущества Древнерусской державы, отвечает лишь желанию некоторых исследователей затушевать истинные корни и сроки появления самобытной русской геральдики.

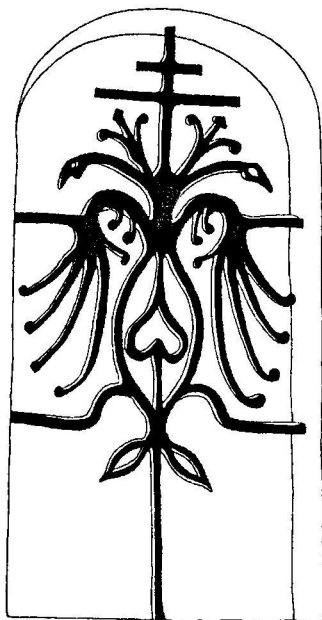
Но вернемся к истокам двуглавых символов. Зафиксированные наукой древнейшие изображения двойных птиц, как и мифы о тесно связанных с конями близнецных братьях, относятся к раннеземледельческой эпохе (V–II тыс. до н. э.). Эти графемы (простейшие рисунки) следует понимать как изображение детей богини-птицы, тогда как широко распространившийся в индоевропейской среде образ двуглавой птицы семантически соответствует представлению о двуглавой, т. е. обладающей двойственной сутью, богине. Подтверждением этому может служить сюжет многочисленных русских народных вышивок, где двуглавая птица зачастую связана с женской фигурой. Иногда даже сама фигура имела две птичьи головы, чем перекликалась с другой древней традицией — приданием магических свойств двуглавному амулету-коньку. Искусство домонгольской Руси богато изображениями двойных коньков или уток — легендарных Демиургов древнеславянской и финской мифологии. Народное восприятие двуглавой птицы мифологическим, сказочным персонажем, а не официальным государственным символом, отражено и в красочных изразцах ярославских церквей XVII в.<sup>31</sup>, и в кованных изделиях вологодских и великоустюжских мастеров<sup>32</sup>.

Безвестные великорусские зодчие, кузнецы и керамисты уверенно следовали древним традициям, свободно интерпретируя сказочную фигуру двуглавой птицы. На оконной решетке между главами изумительно стилизованной птичьей фигуры оказался православный крест в окружении архаичных ритуальных трезубцев. Изразцы сохранили и языческий «крест Перуна» в межглавии, и сюжетную живость мифологических персонажей, лакомящихся фантастическими ягодами. Но при этом следует помнить, что мы видим перед собой парадные элементы декоративного убранства культовых, а не гражданских сооружений, а это свидетельствует о неразрывности «языческих» и христианских духовных начал в жизни великороссов. Отголоски этого двуначалия прослеживаются не только в XVII в., память о русалках, громовержце Перуне и хлябях небесных сохранялась в деревянной резьбе крестьянских изб вплоть до начала XX в.





1



2



3

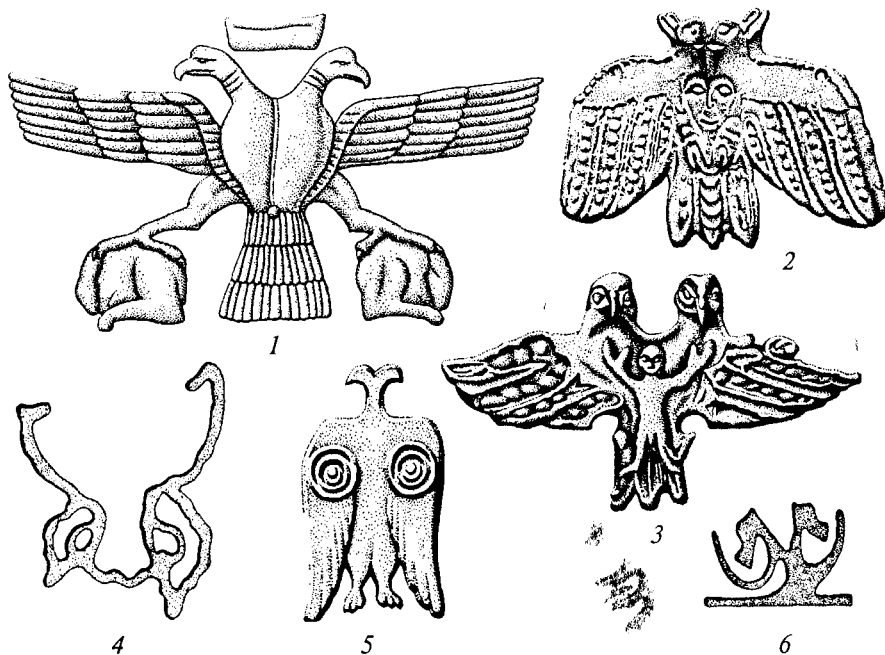


4

**Рис. 11.** Древняя традиция интерпретации фигуры двуглавой птицы в изделиях народных мастеров.

1 — полая шумящая привеска-конек. Новгород, конец XII в. 2 — кованая решетка. Великий Устюг, середина XVII в.; 3, 4 — рельефные изразцы из внешнего декора церквей. Ярославль, конец XVII в.

Почти все исследователи отмечают восточное происхождение двуглавого орла. Древнейшие его изображения встречаются на территории Хеттского государства в Малой Азии и относятся ко II тыс. до н. э. Немного им уступают по возрасту и двуглавые птицы Верхнего Поволжья, относящиеся к I тыс. до н. э.<sup>33</sup> В Индии известны изваяния двуглавого орла в городе Тексила II в. до н. э., такие орлы встречаются также на цилиндрических печатях Халдеи и барельефах Каппадокии. Уже к нашей эре относится и ряд памятников в других странах: двуглавая птица на капители храма святых Апостолов на озере Севан 874 г., двуглавая Гаруда на фрагменте росписи в пещерном храме X–XII вв. (Турфан), двуглавый орел на керамических плитках VIII–X вв. в Старой Загоре (Болгария) и на тканях Сванетии XII–XIII вв. Представлен двуглавый орел и на рельефах XIII в. монастырей Бания и святого Марка в Сербии, относившейся в то время к Византийскому миру.

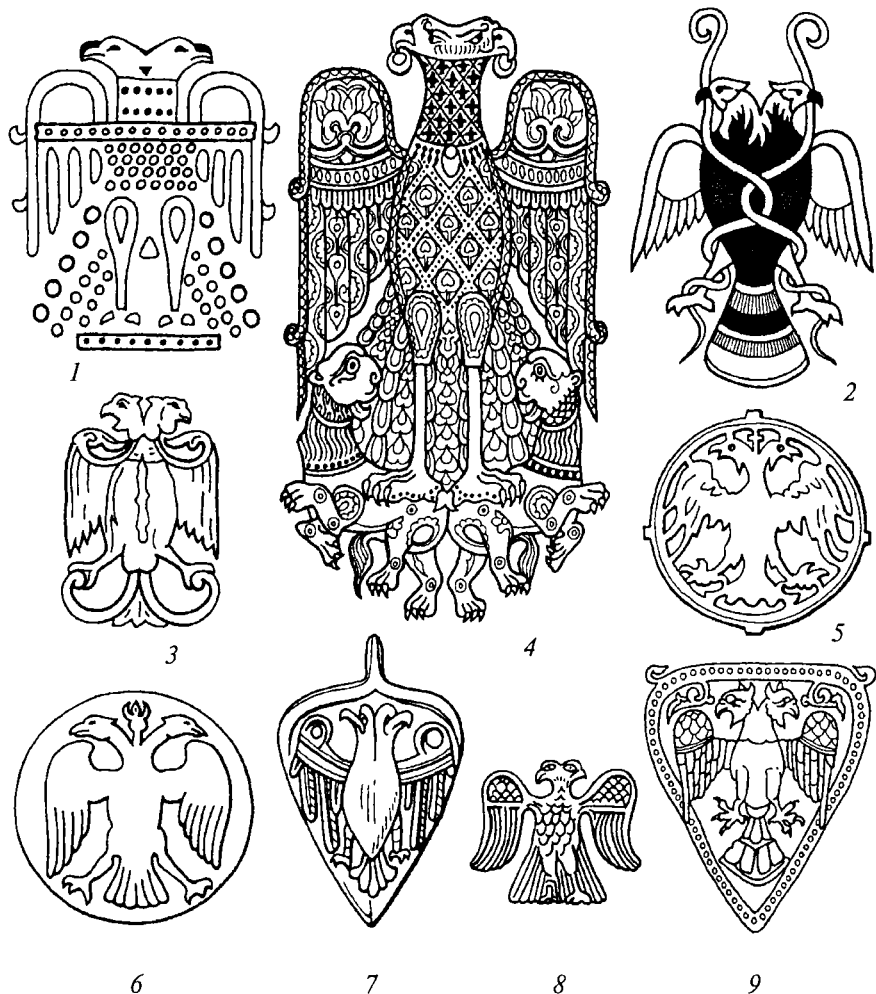


**Рис. 12.** Архаичные изображения двойных или двуглавых птиц.

1 — наскальное изображение герба хеттских царей. *Малая Азия, XIII в. до н. э.*; 2 — литое изображение птичеловека. «Пермский звериный стиль», *начало I тыс. н. э. (?)*; 3 — литое изображение птичеловека. *Верхнее Поволжье, I тыс. до н. э.*; 4 — онежский петроглиф. *Карелия, III тыс. до н. э.*; 5 — каменный рельеф. *Армения, XII в. н. э.*; 6 — древнейший петроглиф. *Малая Азия, VI тыс. до н. э.*

Первые раннесредневековые изображения двуглавой птицы непосредственно в Малой Азии появились на рубеже X и XI вв. Вытканная на византийской парче птица со сдвоенной головой держит в когтях двух львов, что позволяет видеть в ней наследницу ахеменидской традиции IV в. до н. э. В рамках общей для всех ираноязычных народов изобразительной традиции мифический ворон (сокол) Варагн представлялся именно в таком качестве: держащим в лапах зайца, змею, человека. Весьма характерно, что сдвоенному византийскому орлу X–XI вв. и сасанидскому Варагну сопутствует сходный набор животных, изображенных вместе с ними. Единственное его отличие от Варагна — сдвоенная голова, ставшая изобразительной нормой на мусульманском Востоке в X–XIII вв. К тому же унаследовавший идею оберега-Варагна сдвоенный или двуглавый византийский орел вплоть до XIII в. появлялся многократно повторенным в ряду других животных-оберегов лишь на парче и каменных алтарных преградах церквей. Но одиночных изображений двуглавой птицы в Малой Азии X–XIII вв. до сих пор не обнаружено<sup>34</sup>, что исключает их рассмотрение в качестве какой-либо эмблемы или герба. И, как мы сможем убедиться в дальнейшем, переданное через Византию влияние мусульманского Востока на символику Руси следует исключить из числа актуальных гипотез<sup>35</sup>.

Раннесредневековые одиночные изображения двуглавой птицы обнаружены не в Малой Азии, а в дружинном декоративном искусстве Балтийского субрегиона. Они свидетельствуют о существовавшем в IX–X вв. обычае принесения в жертву языческим богам птицы (ворона или петуха) и запечатлели последний этап этого культового действия. Распластанную птицу с головой, расчлененной от клюва до основания шеи, крепили к столбу или стене. Теперь остается только догадываться, какими именно религиозными воззрениями было вызвано это раздвоение головы жертвенной птицы, но, тем не менее, остается фактом признание этого изображения неперсонифицированным символом княжеской власти<sup>36</sup>. Самый ранний предмет этой серии, датируемый 950–1000 гг. и имеющий явное северо- или восточноевропейское происхождение, был обнаружен на Руси в Гнездиловских курганах под Смоленском. Особое внимание следует уделить изображениям двуглавой птицы на «умбонах» южных Золотых врат собора Рождества Богородицы в Суздале, созданных в 30-е гг. XIII в. Не менее примечательны рисунок двуглавого орла на оплечье одеяния князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, на фреске храма Спаса-Нередицы 1199 г.<sup>37</sup>, а также изображения двуглавых орлов, покрывающие одежды святых Бориса и Глеба на фреске 1380 г.<sup>38</sup> в соборном храме Спаса Преображения Ковалевского мо-



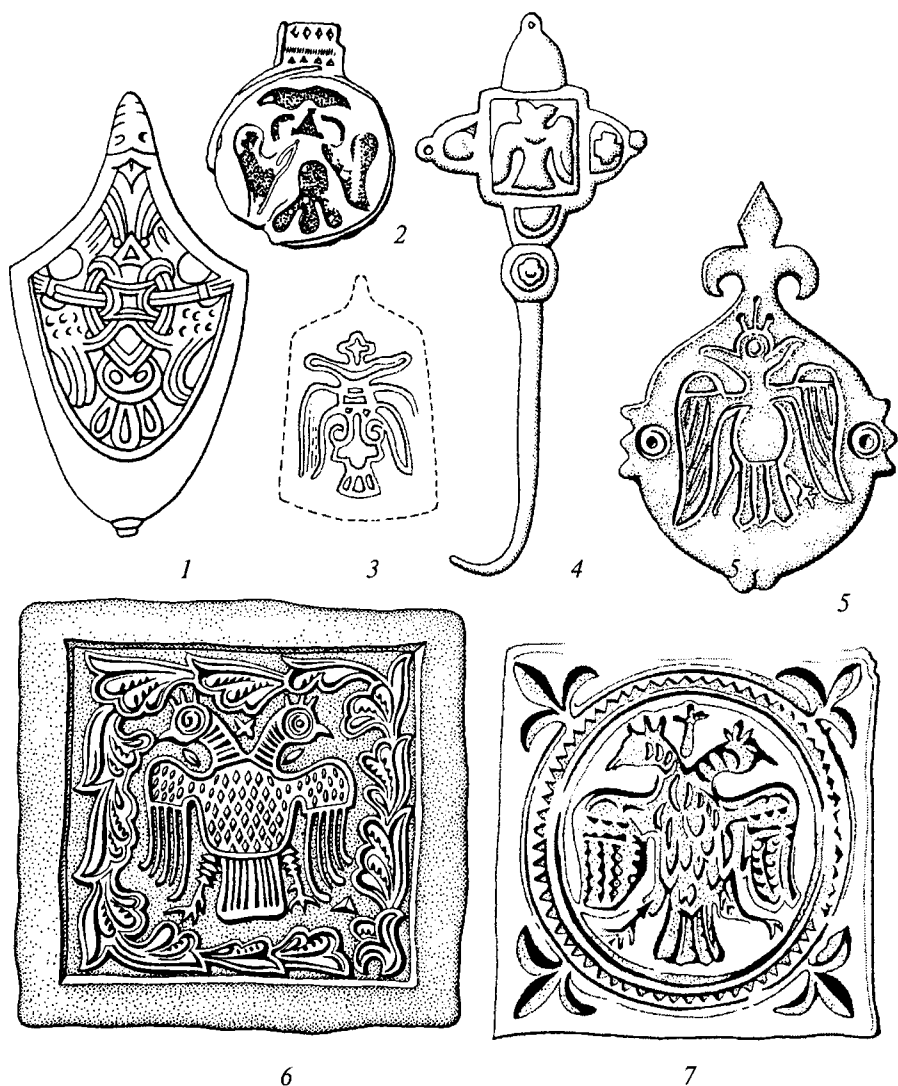
**Рис. 13.** Двуглавые орлы средневековой Европы и Передней Азии (по В. И. Кулакову и В. И. Лаврену).

1 — орнаментальный мотив на тканях. *Сванетия, XII—XIII вв.* 2 — двуглавая Гаруда на росписи пещерного храма (Турфан). *X—XII вв.* 3 — каменный рельеф из Алиды (Сирия), 1208 г.; 4 — изображение на византийской парче, ок. 1000 г.; 5 — каменный рельеф из Маркова монастыря (Сербия), XIII в.; 6 — каменный рельеф из монастыря Бания (Сербия), XIII в.; 7 — подвеска из дворца Тилледа (Германия), XII—XIII вв.; 8 — каменный рельеф из Старой Загоры (Болгария), X (?) — XII вв.; 9 — изображение на парче из Зигбурга (Германия), ок. 1200 г.

настыря. Распространенность изображения двуглавой птицы подтверждает и ряд памятников декоративно-прикладного искусства Великого Новгорода — знаменитая костяная подвеска XIV в.<sup>39</sup> и многие другие археологические находки.

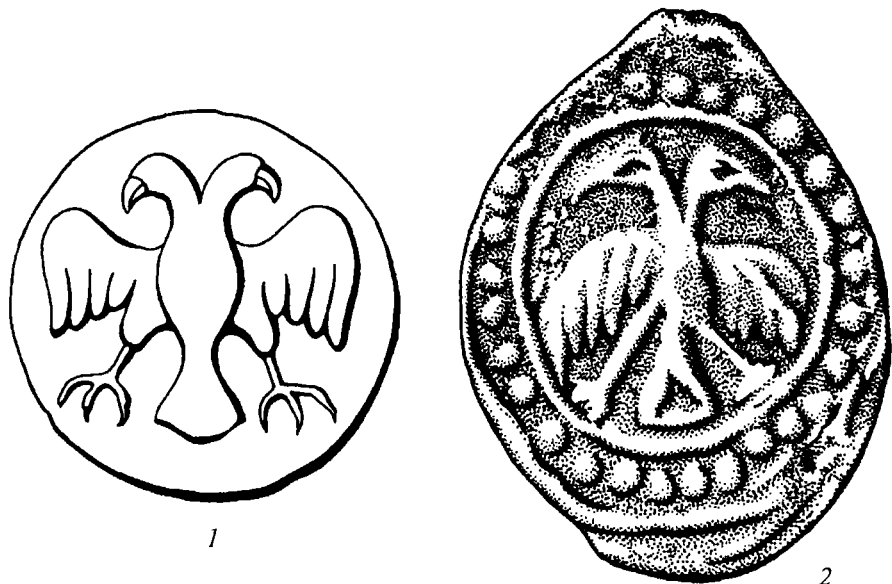
Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить глубинные корни мифологических представлений и выражающей их символики, сформировавшихся в восточных (малоазийских, индоиранских, славянских и поволжских) областях расселения индоевропейцев, в художественном образе двуглавой птицы. Процесс соединения архаичного мифа о близнечестве с символикой птицы мог происходить у каждого народа в собственных временных рамках. Судя по эволюции геральдических знаков древнерусских князей, на Руси превращение одного из символов парности (двузубца) в птицу происходило в период с VI по XI в.<sup>40</sup>. Явилась ли фигура двуглавой птицы логическим завершением этого автономно протекавшего процесса, или она была воспринята Древней Русью при каких-то внешних контактах, сегодня определить крайне затруднительно. Гораздо важнее подчеркнуть ее относительную распространенность уже в XII — начале XV в., а главное — обратить внимание на тот исторический факт, что символика двуглавой птицы была близка не только княжеско-дружинной знати, но и народу в целом, о чем свидетельствуют изразцы, изделия кузнецов и крестьянские вышивки из русской глубинки XVII—XIX вв.<sup>41</sup>.

Таким образом, эмблема двуглавого орла распространилась на огромной территории от Индии и Малой Азии до Беломорья и Западной Европы. Она прочно укоренилась в народной орнаментике не только Византии и Руси, но и Запада<sup>42</sup>. Отдельные правители западноевропейских и балканских стран уже в XII в. чеканили монеты с изображением двуглавого орла, а веком позже эта эмблема получила самое широкое распространение в Нидерландах, Савойе, Сербии, Румынии, Германии. Не осталась она незамеченной и тюркскими народами. Нередко двуглавого орла можно встретить на джучидских монетах XIII—XV вв., но подавляющее их количество относится ко времени правления хана Джанибека (1341—1357, см. *рис. 15*). В русской нумизматике XV в. двуглавый орел представлен на монетах последнего Великого князя Тверского Михаила Борисовича, брата первой жены Ивана III Марии Тверской. Письменные источники позволяют установить также факт изображения двуглавого орла на рукоятях мечей Великих князей Тверских<sup>43</sup>. В 1485 г. Иван III присоединил Тверское княжество к Московской державе, виновный в заговоре против него князь Михаил бежал в Литву, и последняя по времени символика князей Тверских вместе с их правом на суверенное княжение отошла к Москве.



**Рис. 14.** Одиночное символическое изображение двуглавой птицы в древнерусском искусстве.

*Верху и в середине* — изображения двуглавой птицы на Руси, X–XIV вв.: 1 — подвеска из клада 1867 г. в Гнездове, 950–1000 гг., Смоленская обл.; 2 — изображение на подвесках из Киева и Белгорода, X в.; 3 — наконечник ножен меча с поселения Крутик, ок. 950 г., Вологодская обл.; 4 — булавка из Неревского раскопа, XIII в., Новгород Великий; 5 — костяная подвеска, XIV в., Новгород Великий. *Внизу* — сохранение древней иконографии двуглавой птицы в искусстве, XVI–XVII вв.: 6 — красный терракотовый изразец, конец XVI в., Москва; 7 — муравленный изразец церкви Рождества Богородицы в Путинках, середина XVII в., Москва.



**Рис. 15.** Двуглавый орел на монетах (по В. И. Лавренову).

1 — хана Джанибека (1341— 1357); 2 — Тверского князя Михаила Борисовича (70-е гг. XV в.).

Но еще А. В. Орешников в конце XIX в. установил, что тверская деньга с двуглавым орлом появилась до 1486 г. как подражание Ивану III, по всей видимости, широко пользовавшемуся этим символом после женитьбы в 1472 г. на византийской царевне Зое (Софье) Палеолог. Как известно, ею в подарок мужу был привезен трон из слоновой кости (скорее всего, западного происхождения) с изображением двуглавого орла. Этот-то орел, почему-то считающийся византийским, по своей иконографии стоит ближе к западноевропейским образцам и на протяжении двух последних веков порождает различные догадки о происхождении российского государственного герба.

И все же, несмотря на авторитет своих приверженцев, «византийская версия» происхождения российского орла не представляется достаточно убедительной. Политические выгоды наследования Иваном III величия византийских императоров, ставившие его на один уровень с императорами Священной Римской империи, служат весьма убедительным аргументом. Но почему мистическое наследование повелителям захваченной неверными османами державы, осуществленное через брак с племянницей последнего



из них, многие склонны считать основной причиной вхождения двуглавого орла в великорусскую государственную символику? Да и могла ли обласканная католическим Римом безземельная изгнанница придать московскому престолу блеск и славу константинопольских базиликов? Была ли неоспоримой обладательницей имперского символа (существование которого вообще проблематично) эта морейская беглянка, с чисто византийским коварством интриговавшая во все дни своего влияния на Великого князя и нередко во вред ему<sup>44</sup>? Но нельзя мерить Русь немецким аршином, и отсутствие в конце XV в. русского аналога западноевропейской геральдики объясняется совершенно иными, чем на Западе, условиями и традициями землевладения и служилого землепользования, а по сути — всем общественным укладом Руси, ее исторически предопределенным национальным миропониманием. Титул Ивана III<sup>45</sup> исчерпывающе отражал его положение в государстве, территориальный состав которого также был определен достаточно полно. И при этом не легендарные (венец Константина Мономаха) и не матримониальные (брак с Зоей Палеолог) связи Руси с константинопольским двором должны были сыграть решающую роль в формировании ее государственной символики, а принципы духовные.

Воспринявшая от Византии Святое Крещение и богатые традиции церковной культуры, Русь после падения Константинополя осталась единственным военно-политическим оплотом восточной Апостольской Церкви, и именно приобретенное ею значение могучей опоры Православия достойно называться главной причиной прибавления двуглавого орла к эмблеме Московского Великого княжения. Но не династического герба Палеологов, запятнавших себя изменой Православию на Лионском (1274) и Ферраро-Флорентийском (1437) церковных соборах, а воцерковленного символа первенства светских повелителей православной державы в деле покровительства Церкви Христовой. И не какая-то неведомая заморская эмблема механически переносилась на русскую почву, а использовался один из привычных ей символов, вот уже около пяти веков напрямую связанный с великокняжеской властью. Но это удивительно емкое знаковое выражение уже забывшихся мифологических представлений приобретало значение **религиозного символа**, о чем речь еще впереди.

Символика, в основе которой сохранялись сугубо мифологические представления о мироустройстве, послужившая знаковым отражением существовавших до принятия христианства религиозных культов, содержит в себе множество исходных мировоззренческих знаков и образов. Все геометрические (включая руны — «черты и резы» древнерусских летописей), зоо- и антропоморфные

символы составляют огромное духовное и историко-культурное наследие прошлых эпох, но в структурном отношении оказываются неприспособленными к отражению социальных процессов, их форм и результатов, имевших место уже в условиях средневекового общества. Возникнув еще в обществе первобытном, запечатлев переход от матриархата к патриархату и обозначив единый исток всех носителей индоевропейских языков, символика мифов оказалась далекой от системной иерархичности, необходимой при непосредственном отражении имущественных и социальных прав различных средневековых сословий и государства в целом. Но этих качеств суждено было добиться лишь геральдике как специфическому виду социально-правовой символики, родившейся в ходе Крестовых походов западноевропейского рыцарства и проявившей себя пусть не в столь системных, но самостоятельных формах у нас на Руси. Но и на Западе, и на Востоке Европы в основе отличительной сословной знаковости оказались символы «языческие», генезис которых целиком лежит в области древнейшей мифологии. Ведь даже сам крест до того, как превратился в IV в. в один из основных символов христианства<sup>46</sup>, тысячелетиями служил символом неолитического божества земли и преисподней или четырех концов земли, лишь в античные времена вознесясь над миром в качестве символа солярного.

Оставим на время рассмотрение основного корпуса мировоззренческих символов, выработанных мифологическим сознанием далеких древнеарийских предков и их прямых потомков — славян. Подробный анализ этой основополагающей символики послужит базой великорусского гербоведения, востребованность которого возрастает по мере расширения области применения исторической символики в современной России. Здесь же необходимо подвести некоторый итог вышеизложенному, поскольку все дальнейшие этапы становления главного символа нашего государства были в значительной степени обусловлены процессами, имевшими место именно в «языческий» период отечественной истории. Если бы наша историческая наука, навсегда избавившись от предвзятости норманистической теории, смогла предоставить в распоряжение сограждан данные пусть только об античном и раннесредневековом этапах развития древнейшей Руси (которые почему-то отсутствуют в отличие от истории греков, римлян, древних персов и ряда других индоевропейских народов), то наши представления о содержании и значении «языческой» символики смогли бы подняться на качественно новый уровень.

Но даже с позиций сегодняшних представлений о древнейшей истории Руси мы можем с достаточной долей уверенности утвер-

ждать следующее. Во-первых, именно во времена мифических героев и богов происходило разделение массы древних арийцев (индоевропейцев) на самостоятельные языковые группы, приведшее к появлению на мировой арене славянских племен<sup>47</sup>. Причем в силу специфики мифологичного миропонимания боги и герои персонафицировали важнейшие этапы этого многотысячелетнего исторического пути — различные этнические контакты, пути миграции, смену идеологий, борьбу за жизненное пространство. Поэтому графическое знаковое выражение дошедших до нас понятий предыстории Отечества является первичным звеном всей его последующей символики. По мере превращения славян в могучую силу, определившую весь дальнейший ход истории Восточной Европы, мифологические персонажи обретали все больше индивидуальных черт, которые стали заметно отличать их от родственных божеств других индоевропейцев. И постепенно символика этих отличий превращалась в общеплеменную, а при дальнейшей дифференциации языков и народов — в символику национальную.

Во-вторых, в «языческую» эпоху возник и древнерусский этнос в форме политически организованной конфедерации нескольких славянских племен, вобравших в себя немало число иных этнических образований — как полуполюгендарных, так и оставивших свой собственный археологический след. А об этом времени уже достаточно были осведомлены и новгородский епископ Иоаким, на чью утраченную впоследствии летопись ссылался В. Н. Татищев, и сам Нестор, безжалостно сокращенный многочисленными редакторами и переписчиками «Повести временных лет»<sup>48</sup>. Таким образом, древнерусское «язычество» в образах и символах раннего Средневековья остается для нас не чем иным, как знаковым отражением рождения нового народа, в памяти которого сохранялось немало воспоминаний о судьбах близких и далеких предков. Следовательно, эти раннесредневековые знаки и символы должны служить основой всей современной национально-государственной символики, поскольку именно они обнажают историческую глубину государственного строительства в нашей стране. Бесспорным свидетелем этой глубины является и государственный герб России.

И наконец, именно в дохристианскую эпоху сформировался духовный склад древних русичей, в определенной мере унаследованный и нами. Наши далекие предки не были язычниками, под которыми всегда подразумеваются либо не верующие в Бога вообще, либо исповедующие любые другие религии. В основе религиозных убеждений древнейшей и Древней Руси лежал ведический монотеизм, признававший существование Единого Бога. В этом учении, раскрывавшем триединую сущность Всевышнего, почитались

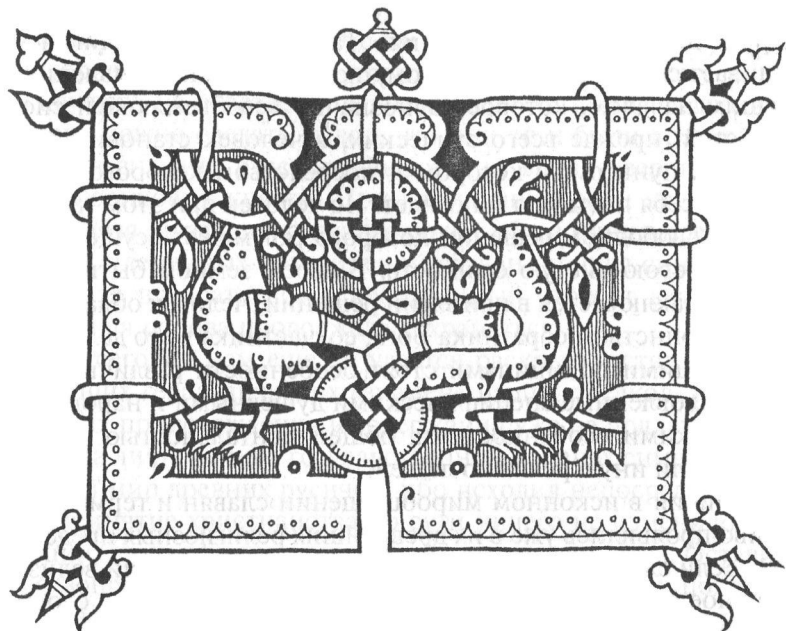
и Бог Сын, и Богоматерь — Дух Бога, приведший в движение мир. Помимо высокоморального воздействия на верующих, эта древнейшая арийская религия имела огромное объединяющее значение, послужив одной из фундаментальных причин устойчивости и самобытности русского племени. Переводчик «Книги Велеса» А. Асов писал: «Следует отличать **русский ведизм** от иных вер ведического корня: всех разновидностей индуизма, зороастризма и иных, ибо **русский ведизм** — суть русская национальная разновидность ведической веры. Соответственно, русская ведическая культура — это русская национальная разновидность ведической культуры. Русский ведизм интернационален по содержанию настолько, насколько интернациональна сама ведическая вера, и национален по образу, языку и истоку»<sup>49</sup>.

Только тысячелетиями предыдущего самостоятельного культурного развития можно объяснить расцвет культуры Древней Руси, в которой новоявленное византийское христианство присутствовало от силы в половине всех сюжетов литературы и декоративно-прикладного искусства, не говоря уже о символике. Недаром в мозаиках алтарной апсиды киевского Софийского собора преобладают гаммированные кресты (прямо стоящие свастики — древнейшие арийские символы солнечной птицы), затмив собою скромные греческие крестики. Да и само название новой религии — «православие» — унаследовано от Праведной ведической веры, по которой русичи веками славили Правь, следовали Стезей Прави (Правды). И, несмотря на усилия константинопольских ставленников, древнейшая культура Руси не исчезла бесследно. Именно на рубеже I и II тыс. по Рождеству Христову окончательно сложился корпус древнерусских былин и сказок, легших в основу воспитания десятков поколений великороссов. И если в веках постепенно забывалось мифологическое содержание древнейших символов, то народ продолжал хранить и воспроизводить их изображения, не сомневаясь в священном значении этой изначальной национальной знаковой системы.

В заключение следует подчеркнуть, что мифология народа лежит в основе всей его духовной культуры и определяет ее своеобразие. При этом необходимо четко различать понятия *цивилизация* и *культура*. Если не в столь уж давние времена под цивилизацией понимался следующий за первобытным варварством этап развития культуры, то уже О. Шпенглер (1880–1936) противопоставлял цивилизацию как совокупность исключительно технико-механического культуры как царству органически-жизненного. Он утверждал также, что культура в ходе ее развития низводится до уровня цивилизации и вместе с ней движется навстречу своей гибели. Се-

годня под цивилизацией понимается лишь то, что делает комфортным существование человека. Но создание и использование комфорта (в принципе нивелирующего национальное своеобразие народов и упраздняющего их самобытные культурные традиции) отнимает у людей все больше сил и времени, лишая их внутренней потребности в культуре<sup>50</sup>. Вот почему во избежание соблазна обозначить всю многотысячелетнюю дохристианскую предысторию славянства термином «восточно-европейская цивилизация» следует говорить о сцементированной собственной мифологией и религией славяно-русской культуре.

Именно древнейшая мифология и религия славяно-россов, хотя не без издержек и конфликтов, но все же достаточно органично слившиеся с православным христианством, породили всю русскую культуру. И уже в античные времена мифология славянства качественно отличалась от греко-римской мифологии, ибо была лишена атропоморфизма. Божества греков, например, принимали человеческий облик для соблазнения смертных женщин, у которых потом рождались герои-полубоги. Славянские божества до этого не опускались. Они персонифицируют собой лишь высшие творящие принципы, материализующиеся в масштабных явлениях природы, но в человеческую жизнь не вмешиваются. Кроме этого, они являются Дедами людей, находятся с ними в прямом родстве и поэтому всегда приходят им на помощь. Недаром византийский историк Прокопий Кессарийский (ок. 500–565 гг.) в «Воине с готами» говорил о том, что «анты поклоняются единому Богу, Отцу всего живущего»<sup>51</sup>. Эта древнейшая религия, представляющая общество прямых потомков ариев как единую божественную семью со Старшим Родичем Сварогом во главе, веками объединяла Дажьбожьих внуков и прививала им ценнейшие духовные качества — нравственную стойкость, отвагу, свободолюбие. При этом ведическое мироощущение и миропонимание славян исключали рабство в любых его проявлениях, в то время как все «развитые» цивилизации Древнего Мира и Античности экономически базировались именно на нем. Культивируемый славяно-русским ведизмом высокий уровень духовности нес в себе неисчерпаемый заряд творческого вдохновения, которым отмечены все этапы развития русской культуры. А ее существеннейшей гранью явилась символика как древнейший метод выражения различных аспектов реальности, неуловимых для прочих средств.



## 2. Религиозная основа герба

**П**риоритет духовного, религиозно-нравственного начала не только определил основные черты русской культуры (и символики как ее составной части), но и позволил расставить необходимые акценты в определении различий между западноевропейской и великорусской геральдикой. Но еще задолго до их возникновения стали складываться внутренние отличительные характеристики романо-германского и славянского миров, основанные на неизбежном несходстве их собственных этнокультурных традиций, которые формировались в различных природно-климатических условиях при значительном расхождении исконных религиозных представлений<sup>1</sup>. И если основные различия в историко-географическом положении средневековых славян с их открытостью вторжениям из Великой Степи и заслоненных их землями романо-германцев хорошо известны читателю, то здесь нам необходимо обратить внимание на религиозный аспект несовпадения восточно- и западноевропейской суперэтнических традиций.

Религия есть мироощущение и мировоззрение, а также поведенческий стереотип, определенные верой в Бога — высшей сущности, наделенной всеми совершенствами. Религией обусловлено чувство связанности, зависимости и долженствования по отноше-

нию к этому Высшему творящему принципу, дающему духовную опору и достойного поклонения<sup>2</sup>. Таким образом, религия устанавливает связь между человеком, окружающими его явлениями и Высшим началом, которое равнозначно всеобъемлющей системе ценностей, прежде всего этических, а человек становится единственным пунктом, в котором и посредством которого первосущее само себя постигает и познает. Но человек при этом также есть сущее, в свободном решении которого Бог может осуществлять и освящать свою чистую сущность. В своем земном бытии, смысл которого заключается в принятии решений, человек обладает высшим достоинством соратника Бога, соучастника в его делах<sup>3</sup>. Но за этими общими принципами стоят особенности различных религий, обусловленные специфическими душевными и народно-психологическими особенностями, общей ментальностью исповедующих ту или иную религию людей.

Различия в исконном мироощущении славян и германцев отчетливо проявились уже в их древнейших религиозных представлениях. Если славяне сохранили в своей основе арийский ведизм, то верховное божество германцев Вотан (Один) в генезисе своем является хтоническим демоном, одновременно связанным с производительной силой земли и умерщвляющей потенцией преисподни, первоначально даже не входившим в сонм богов. Несмотря на единые индоевропейские корни этих основных европейских племенных групп, проявившиеся уже в глубокой древности духовные и психологические различия между ними очевидны. Но поскольку отыскивается все больше доказательств тому, что какая-то часть предков славян вообще никогда не покидала свою арийскую прародину — степную и лесостепную зоны Восточной Европы, а другая их часть, как и предки германцев, сложилась в ходе миграции по просторам Азии, появляется объяснение и различию в их социальном устройстве<sup>4</sup>. У германцев оказались сильны традиции кровного родства, а славяно-русы смогли перейти на качественно иной этап своей племенной организации, живя обширными родо-территориальными общинами. Об этом их обычае повествуют и документальные свидетельства поздней Античности: во время вторжения славян в балканские провинции Римской империи они требовали себе «много земли, потому что так привыкли жить».

Обилие земли (подчеркнем — своей *исконной* земли) и практическое отсутствие правовых и территориальных конфликтов между соплеменниками создавало предпосылки для появления у славян символики исключительно религиозной: культовой на племенном и смешанной — культовой и магически-заклинательной — на об-



щинном и личном уровнях. Именно религиозные символы (и руны в том числе) при необходимости могли выступать и в качестве территориальных символов, представляя собою эмблему не только живущего на собственной земле рода, но и его предводителя. Из этого можно сделать вывод, что они-то и были древнейшими родовыми знаками русского боярства и, вполне вероятно, местных дорюриковых князей. При возрастании роли дружины и ее вождя-князя, игравших ведущую роль в образовании предгосударственных племенных объединений славян, личная символика самого князя превратилась в необходимый атрибут власти, но ее религиозная основа продолжала сохраняться.

Если сегодня нам еще не удастся раскрыть истинный смысл древнейших геральдических «знамен» наших предков, то религиозность их происхождения и содержания уже не подлежит сомнению. И на личном, и на государственном уровнях символ отражал духовный мир древних русичей, ибо исходил непосредственно из него. Принятие христианства по сути ничего не изменило в этой ситуации, лишь привнесло в нее ряд новых элементов. Оставив на время вопрос о геральдичности изображений святых покровителей князя, его дружины и владений<sup>5</sup>, обратим внимание на главное отличительное свойство отечественной геральдики XII—XVII вв. Составляющие ее знаки и символы, не входящие в число церковных, тем не менее оставались религиозными, поскольку относились исключительно к дохристианской вере. Не в пример западноевропейской отличительной знаковости в виде абстрактных геометрических построений — геральдических фигур (это ли не сугубый прагматизм германцев!) — двоеверная Русь предпочла свою древнейшую, во многом даже архаичную, символику. Однако постепенное проникновение в ее жизнь понятия «герб», помимо усвоения целого ряда положительных системообразующих принципов геральдики<sup>6</sup>, уже в XVIII в. вылилось в подражательное подобие западноевропейского «канцелярского» (термин Ю. В. Арсеньева) герботворчества — как и прототип, лишенное духовного наполнения.

Во всех странах средневековой Европы и Малоазийского региона представление о государстве было сугубо персонифицированным и напрямую связывалось с личностью правителя — императора, короля, князя. Поэтому их собственная личная или родовая символика отождествлялась с государственной, но фактически становилась таковой только при условии преемственности и постоянства своих образно-знаковых компонентов<sup>7</sup>. А этим свойством в то время могли обладать лишь династические символы, свидетельствующие не только о преемственности властных функций в преде-

лах одного рода, но и в определенной мере воплотившие в себе национально-государственную идею. По мере распространения христианства и сама эта идея, и государственно-династические эмблемы<sup>8</sup>, и символы небесного покровительства и заступничества стали приобретать ярко выраженные церковные черты, поскольку развивались одновременно с религиозной символикой христианства.

Со времени окончательного формирования на Руси института наследственной княжеской власти все огромное пространство от Ладоги до Тьмутаракани и от Карпат до Оки и Верхней Волги находилось во власти одного лишь Рюрикова рода. При этом родо-вичи, следуя обычаю старшинства, переходили с одного княжения на другое и почитали первенство киевского князя как главы рода. Понятие «Русская земля» помимо начального летописного определения территории объединившихся племен полян, северян и руси, судя по церковной и светской литературе Киевского периода<sup>9</sup>, уже существовало в X–XII вв. как вполне оформившаяся духовно-нравственная категория. Однако оно ни тогда, ни много веков спустя так и не обрело своего однозначного геральдического воплощения<sup>10</sup>. Таковое могло возникнуть лишь при догмате единой национально-государственной идеи, но время ее еще не настало. В условиях множившейся удельной раздробленности востребованными оказались исключительно знаки собственности и княжеского достоинства, ибо функция отражения духовного родства всех православных русичей целиком перешла к религиозной символике. Она распространилась по всей территории Руси в различных формах церковного искусства, не знавшего границ удельных владений. Символика христианства пронизывала всю хлынувшую на Русь литературу, воспринятое от греков каменное зодчество, живопись и книжную миниатюру, декоративно-прикладное искусство.

Личная символика отдельных князей, бывшая в то время первичной формой символики государственной, едва ли не первой<sup>11</sup> подверглась христианизации. Как мы уже смогли убедиться на примере монет киевских князей, она совместила два, казалось бы, взаимоисключающих начала — изображения христианских святых и языческие в своей основе личные княжеские знаки. Но при этом не следует думать, что подобный симбиоз двух символических начал превалировал во всем объеме денежной массы Древнерусского государства. Для лишенной собственных рудных запасов монетного металла Восточной Европы серебро, поступавшее в виде монет из мусульманских стран, стало одним из главнейших предметов импорта. С начала XI в. приток дирхемов из Арабского халифата



Рис. 16. Печати древнерусских князей. Лицевая и оборотная стороны. X—начало XII в.

1 — Святослав Игоревич. Киев, до 972 г.; 2 — Изяслав Ярославич. Новгород, 1052—1054 гг.; 3 — Святослав Ярославич. Киев, 1073—1076 гг.; 4 — Вячеслав Ярославич. Смоленск, 1054—1057 гг.; 5 — Владимир Мономах. Переяславль, 1073—1076 гг. 6 — Олег Святославич. Тьмутаракань, до 1094 г.; 7 — митрополит Георгий. Киев, ок. 1078—1113 гг.; 8 — Ратибор; 9 — протопроедр Евстафий. Новгород, ок. 1088—1094 гг.; 10 — Святополк Изяславич. Киев, 1093—1113 гг.

прекратился, и им на смену пришел серебряный денарий германской, английской и скандинавской чеканки<sup>12</sup>. Вполне очевидно, что при такой распространенности запечатленных на импортных монетах чужеземных государственных символов златник Владимира Святославича и сребреники его потомков не могли переломить ситуацию. На своих печатях древнерусские князья далеко не всегда помещали собственные личные знаки, отдавая предпочтение изображению покровительствующих им святых. Таким образом, в начальный период становления государственной символики Руси национально-самобытными оставались лишь знаки Рюриковичей, растворившиеся в массе общехристианских и иностранных символов.

Но необходимость воплощения в символической форме идеи национальной государственности в условиях появления новых политических и культурных центров Руси осознавалось все отчетливее. Энергичным соперником Киева и Великого Новгорода стал молодой город Владимир — центр Залесской Северо-Восточной Руси. В основанном славянскими выходцами из земель смоленских кривичей лишь в X—XI вв. и укрепленном Владимиром Мономахом в 1108 г. городе уже зрела искра будущей великорусской государственности. Направленный против губительного удельного дробления союз горожан и крестьянства, славян и местных угро-финов (муромы, мери, веси) с сильной великокняжеской властью оказался опорой прогрессивной политики «владимирских самовластцев» (сыновей Юрия Долгорукого) Андрея Боголюбского (1111—1174) и Всеволода III Большое Гнездо (1154—1212), почвой блистательного расцвета культуры и искусства. Весьма характерно, что олицетворением этого союза стали не древние боярские твердыни Ростов и Суздаль, а новый торгово-ремесленный и религиозный центр. Именно здесь, в Северо-Восточной Руси, прошла большая часть пастырской деятельности митрополита Кирилла (1249—1281), первого из духовных владык Руси, покинувшего кафедральный Киев.

Выходец из юго-западных русских земель, Кирилл воочию мог убедиться в порочности политического курса на антимонольский союз с католичеством, проводимого выдвинувшим его князем Даниилом Романовичем Галицким. Симпатии митрополита были отданы Великому князю Владимирскому Александру Ярославичу (Невскому), давшему беспощадный отпор латинству на Неве и Чудском озере и установившему благотворный дипломатический контакт с Ордой. На имя митрополита Кирилла и был выдан правившим в 1266—1281 гг. ханом Менгу-Темиром ярлык русскому духовенству, обеспечивший все дальнейшее свободное развитие

православия на Руси<sup>13</sup>. И преемником Кирилла, константинопольским ставленником греком Максимом, митрополичья резиденция была окончательно перенесена в 1299 г. из Киева во Владимир<sup>14</sup>.

Оказавшись во главе богатой и обширной Северо-Восточной Руси, князья Мономахова корня уже не хотели довольствоваться своими геральдическими знаками, которые отличались от других знаков Рюриковичей лишь с помощью маловыразительной системы «отпятнышей»<sup>15</sup>. Для выражения активно проводившейся ими в жизнь государственной идеи требовался принципиально другой, новый символ, и он был найден. Лев, как и двуглавый орел, не был прямым заимствованием восточной или западноевропейской эмблемы. Он появился из глубин славянской мифологии<sup>16</sup>, но обрел новый смысл, новое звучание благодаря распространению христианства и, оставаясь в памятниках Владимиро-Суздальской Руси выразителем характерного для X–XIII вв. двоеверия<sup>17</sup>, декларировал незыблемость власти владими́ро-суздальской династии Мономашичей.

Но не следует воспринимать двоеверие некой компилятивной редакцией нового синтетического вероучения, в котором механически соединились отдельные фрагменты христианства и русского ведизма. Нет, двоеверие на Руси явилось длительным процессом, оказывавшим огромное влияние на формирование сознания десятков поколений<sup>18</sup>. Вполне возможно, что созданный им неоднозначный, многоплановый духовный мир русичей успешно способствовал сохранению ими яркого национального своеобразия, которого постепенно лишались другие христианские народы Европы. Уверовав в Спасителя, люди вместе с тем продолжали почитать своих прежних богов и мифологических героев, сохраняли сложившийся уклад жизни и свои вековые представления, в том числе и о божественной природе княжеской власти. Ведь глава патриархального славянского рода традиционно воплощал в своем лице и административно-судебную, и жреческую функции власти. Его образ мог прочно ассоциироваться с образом или символом божества, и недаром владимирский резчик XII в., изваявший фигуру царя Давида на фасаде Дмитровского собора, сопровождал ее надписью ДА БЪ — Дажьбог. С этих позиций легко объяснимо и обилие львов в белокаменных барельефах владими́ро-суздальских храмов — владыка животного мира все еще оставался в представлении современников звериной ипостасью солнечных Сварожичей.

Символическая параллель между псалмопевцем Давидом, возносимым в небо царственными птицами, окруженным примирившимися зверями и пророчествующим о Богоматери, и самим Андреем Боголюбским предельно ясно выражена в рельефах собора

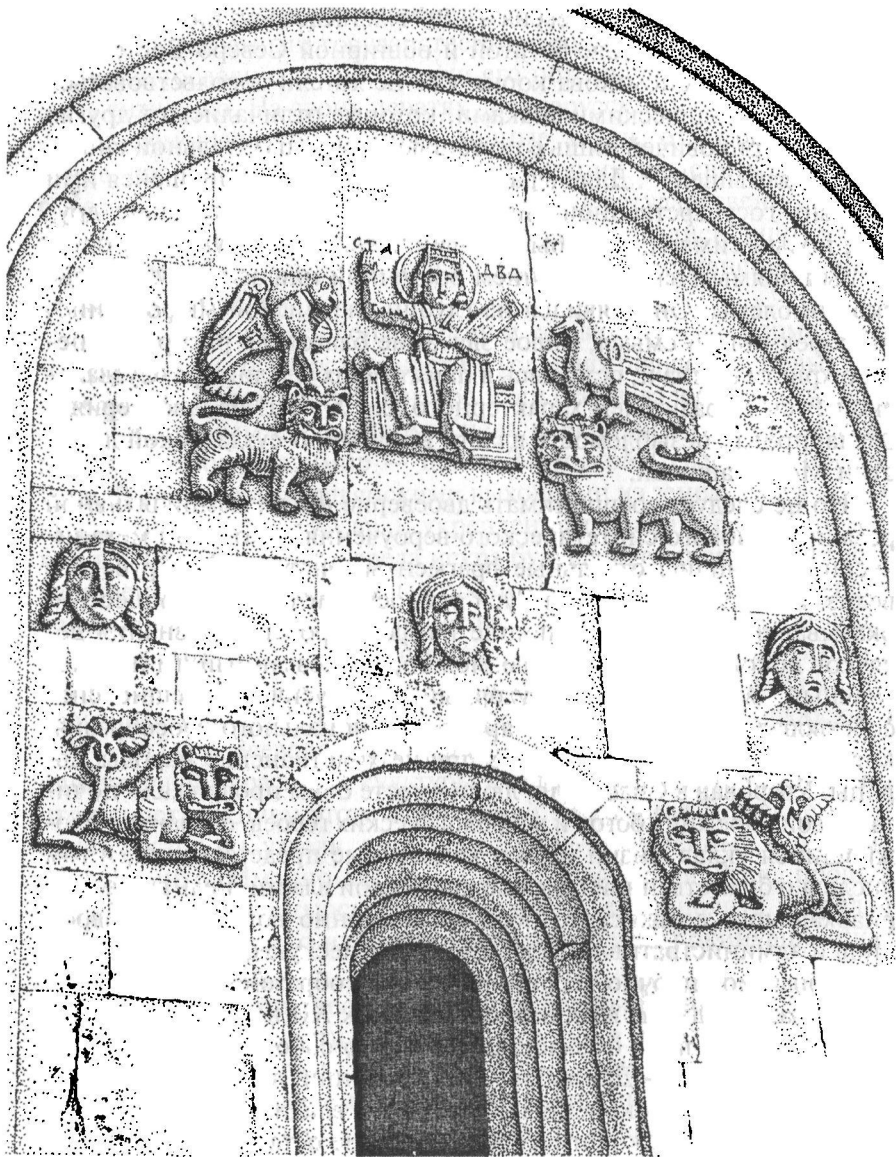


Рис. 17. Храм Покрова на Нерли. Фрагмент фасада (прорисовка автора).

Покрова на Нерли. Перевезя из поднепровского Вышгорода во Владимир одну из главных русских святынь — византийский образ Богородицы, князь Андрей переместил тем самым центр религиозного притяжения в Залесскую Русь, откуда и усмирал усобицы удельных князей. Согласно библейской традиции, и Давид, и Иосиф Обручник, и, следовательно, сам Иисус Христос происходили из колена Иудина, символом которого считался лев. Но упоминается лев и в некоторых псалмах Давидовых, где он символизирует противные христианскому учению человеческие пороки<sup>19</sup> Скульптурные композиции на фасадах собора Покрова Богородицы<sup>20</sup> с воистину геральдическим лаконизмом выражают органичную взаимосвязь символов-понятий князь (Давид-Андрей), *покровительство триединого Всевышнего в лице Богоматери* (верхний ряд женских масок) и *побежденную силу зла* (предстоящие престолу и лежащие в характерной позе львы). Эти понятия, по сути, и легли в основу зарождавшейся национально-государственной идеи «владимирских самовластцев».

Помимо храма Покрова князем Андреем Юрьевичем воздвигнуты храм Рождества Богородицы в Боголюбове и собор Успения Богородицы во Владимире. Этот собор был в 1185—1189 гг. укреплен и расширен Всеволодом Юрьевичем, десятилетие спустя построившим и Дмитровский собор в своей владимирской великокняжеской резиденции. Подчеркнутая декоративность светского по духу резного убранства этого храма, роднящая его с творениями «двоеверной» народной фантазии, продолжала отличать княжеское зодчество от строгого аскетизма монастырских храмов. Сын Всеволода III Ярослав на месте обветшавшей церкви Святого Георгия, сооруженной в Юрьеве-Польском его дедом Юрием Долгоруким, воздвиг в 1234 г. Георгиевский собор, «чюдно велми» украшенный и послуживший образцом для строительства первого каменного храма Москвы — Успенского собора 1326 г. В Георгиевском соборе по сравнению с предшествующими ему храмами в покрывающем все фасады резном белокаменном убранстве значительно возросло число христианских сюжетов, но «львиная» и иная — ведическая — символика продолжала оставаться зримым свидетельством двоеверия.

Нельзя пройти мимо того факта, что в пятах подпружных арок, несущих своды и центральный барабан церкви Покрова на Нерли, Успенского и Дмитровского соборов помещены фигуры лежащих львов. Не будучи непосредственным символом христианства и занимая в его символике далеко не первенствующее положение (символ евангелиста Марка и, по библейской традиции — колена Иудина), лев в данной своей ипостаси тяготеет именно к символике



геральдической. Вознесенный под церковные своды, он свидетельствует о власти и могуществе владимирских Мономашичей, закрепляясь в качестве их официальной, благословенной духовенством династической эмблемы. Да и всякого входящего в суздальский Богородице-Рождественский собор встретят те же львы на капителях портала и в клеймах Золотых врат. Примечательно также, что на створках врат в одном ряду со вполне геральдическими шествующими львами помещены наведенные золотом изображения грифонов, в образе которых мог подразумеваться Семаргл (др.-русск. Семарьгль — «семиглав») — одно из божеств дохристианского пантеона, родственное семиглавому Руевиту прибалтийских славян-лютичей.

Вероятно, при формировании великокняжеской эмблемы существенную роль играли обе составляющие религиозно-мифологического значения льва — это и царственная, даруемая Богом власть великих князей, и поверженное зло — даже не абстрактное, а наделенное многими человеческими характеристиками. Недаром у покорно лежащих, а нередко и как бы придавленных выступающими каменными плитами владими́ро-суздальских львов личины очеловечены, и каждая отличается индивидуальным выражением глаз и изгибом пасти. Пройдя «царственно-праотеческую» и «портретно-нравоучительную» стадии формирования символа, владими́ро-суздальский лев с пропущенным между задними лапами узорочным хвостом превратился, таким образом, в самобытную фигуру русской геральдики. Аналогичные фигуры в западноевропейских гербах, вполне возможно, прошли примерно такой же путь своего геральдического осмысления, но это ни в коей мере не означает, что они стали для Руси объектами культурного заимствования.

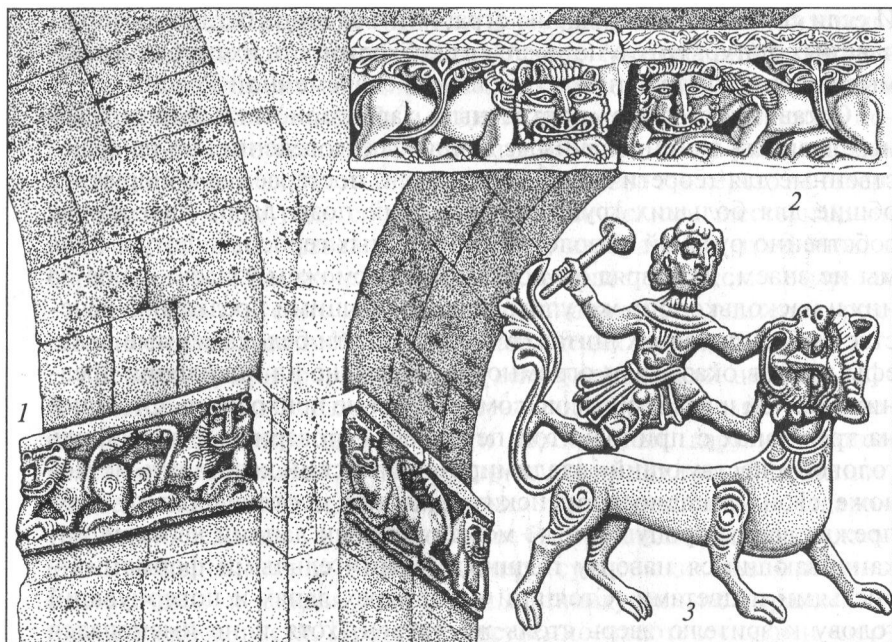
Геральдико-символический потенциал монументального и декоративно-прикладного искусства Владимиро-Суздальской Руси настолько велик и своеобразен, что требует отдельного комплексного исследования. Исходной предпосылкой, путеводной идеей такой работы может послужить скорое обретение древнерусским каменным зодчеством<sup>21</sup> собственного подхода к решению пространственно-композиционных и художественных задач как свидетельство самостоятельности мышления великокняжеских мастеров. Умея возводить по собственным меркам красоты и разума великолепные постройки, украшая их в удивительной пропорции щедрости и лаконизма, владими́ро-суздальские умельцы, безусловно, были не менее самостоятельны и в увековечивании своих исконных символов. Не будем забывать, что сложность и выразительность мировоззренческой символики свидетельствуют о глубине и жизнестойкости народных религиозно-культурных традиций, столь необходимых для рождения уникальных памятников мирового значения.

И если сейчас мы вынуждены ограничиться лишь беглым обзором львиных фигур, то это не умаляет необходимость их глубокого осмысления и воплощения в геральдике современной России.

Оставив в стороне «портретные» характеристики выразительных львиных личин, значимые для искусствоведения, но не существенные для теоретической геральдики, постараемся обнаружить общие для больших групп изображений позы львов как основу собственно русской типологизации данных гербовых фигур. Ведь мы не знаем, да и вряд ли когда-нибудь сможем узнать, какие из них и насколько широко употреблялись нашими предками в качестве эмблем на своих щитах. А в том, что эти белокаменные рельефы храмов оказывали огромное воздействие на поколения древних русичей и великороссов, сомневаться не приходится. Стоящий на трех лапах с приподнятой передней, с повернутой в профиль головой «шествующий» владими́ро-сузда́льский лев ничуть не моложе своих западноевропейских аналогов и отличается от них, прежде всего, пропущенным между задними лапами хвостом, заканчивающимся наверху пышными растительными формами — листьями и цветами. Стоящий на четырех лапах и повернувший голову к зрителю зверь столь же древен, хотя и не именовался никогда принятым в геральдике термином «леопардовый лев». А уж идущего льва, повернувшего назад навстречу атакующему его Перуну свою фронтально изображенную личину, не найти в геральдике Запада. И уж подавно нет в ней единой фигуры двух шествующих навстречу друг другу львов, объединенных общей, смотрящей на зрителя, личиной.

Типология лежащих львов не менее впечатляюща. Здесь и изготовившийся к прыжку, подкравшийся зверь на полусогнутых задних лапах, со сказочным хвостом, опустивший изображенную в профиль голову на прижатые к земле передние лапы. (Довольно примечательно, что западноевропейская геральдика прошла мимо столь выразительной воинственной позы царя зверей.) Здесь и мирно отдыхающие, но при этом не становящиеся менее грозными львы — и положившие личину *en face* на скрещенные в чисто человеческом жесте передние лапы, и приподнявшие верхнюю половину туловища на локтях таких же скрещенных перед грудью лап. И чем больше вглядываешься в эти живущие своей безмолвной таинственной жизнью изящно декорированные фигуры, тем сильнее убеждаешься в неисчерпаемом потенциале отечественной символики. Лишь удручающая неподготовленность нынешних геральдистов-практиков позволяет им не замечать этих шедевров.

Белокаменная резьба соборов XII—XIII вв. во Владимире, Суздале и Юрьеве-Польском, как мы убедились, изобилует различ-



**Рис. 18.** Владимиро-Суздальские львы.

1 — на капители подкупольного столба церкви Покрова на Нерли; 2 — на рельефе в пята подпружной арки Дмитриевского собора; 3 — сражение Перуна со львом — рельеф на фасаде Дмитриевского собора (прорисовка автора).

ными интерпретациями фигуры льва, но «на фасаде северного притвора (Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. — А. С.) над роскошным порталом красуется большой рельеф патрона первого строителя храма Юрия Долгорукого — Святого Георгия, в патрицианских одеждах и воинских доспехах, опирающегося на высокое копьё и миндалевидный щит с изображением эмблемы владимирской династии — вздыбленного барса»<sup>22</sup>. Это самое первое, датированное 1234 г., изображение династического герба правителей Владимирской державы<sup>23</sup> следует считать прямым предшественником герба Московского, который в свою очередь лег в основу государственного герба России. При этом следует особо подчеркнуть ни в чем не уступающее западноевропейским аналогам геральдическое совершенство гербовой фигуры в окаймленном орнаментом щите, имеющем самобытную и характерную преимущественно для Руси форму<sup>24</sup>.

При столь категоричном утверждении, что перед нами именно герб, а не случайно изображенная на щите родовая эмблема, необ-



Рис. 19. Святой Георгий с гербом Владимиро-Суздальских князей. Рельеф на фасаде Георгиевского собора. Юрьев-Польский, 1234 г. (прорисовка автора)

ходимо раскрыть содержание этих терминов. По А. Ф. Лосеву, в специальной работе определившему существенные характеристики и роль знаков и символов в их современном понимании, «эмблема есть символ специального назначения и поэтому обладающий характером условности или конвенционности»<sup>25</sup> (т. е. характер этого понятия покоится на чисто целесообразном соглашении ученых<sup>26</sup>). Эмблема — «точно фиксированный, конвенциональный, но, несмотря на свою условность, вполне общепризнанный знак как самого широкого, так и самого узкого значения»<sup>27</sup>. Родовая эмблема великокняжеской династии является символом достаточно определенным, обладающим исторически зафиксированной функциональностью, и в ней тем самым бесспорно заложены геральдические, государственно-правовые свойства. Это качество превращает ее в *герб*, и возможные споры могут в основном вестись вокруг графической формы самой эмблемы, соответствия этой формы общепринятому понятию «герб». Парадный щит с несомненной династической эмблемой Владимиро-Суздальских князей в руке святого Георгия являет собой именно герб Владимирской державы, и с этим трудно не согласиться.

Принципиальные расхождения в оценке сущности данного памятника — увековеченной в камне эмблемы или все же герба — имеют отнюдь не отвлеченное научное значение. Эта проблема чрезвычайно актуальна для нас, ибо от признания юрьев-польского рельефа изображением именно **герба** зависит весь дальнейший ход рассуждений о путях развития геральдики в нашем Отечестве, о ее внешних формах, внутреннем содержании и способах функционирования всей национально-государственной символики в целом. Напомним читателю, что геральдикой называется *учение о гербах*, состоящее из двух взаимосвязанных частей: 1) *теоретической геральдики (или гербоведения)*, исследующей правила составления и применения гербов; 2) *практической геральдики (или геральдического художества)*, реализующей эти правила в герботворчестве. Теоретическая геральдика опирается на весь опыт предшествующих веков, и от того, начнет ли наше гербоведение свой отсчет с XII—XIII вв. или же останется в своем нынешнем неразвитом состоянии, зависит весь знаковый, образный и смысловой строй российской геральдики наших дней. Древность основ национального гербоведения исключает необходимость заимствования чужеземных компонентов герба, поскольку выявляет самобытные, собственные принципы великорусской геральдики. Эта древность предопределяет всю логику развития геральдики великороссов как автохтонного явления в истории отечественной культуры, а также подлинные духовные истоки этого явления.

Знаменательным остается сам факт помещения великокняжеского династического герба в руке Георгия — святого покровителя владими́ро-суздальских Мономашичей, чье имя некоторые из них получили при крещении. Соединение в одном изображении святого воина-мученика и княжеского щита с гербом державы свидетельствует не только о почитаемости уже в XIII в. этого главного государственного символа, но и о его религиозной основе. Богоданность княжеской власти, являющейся могучей опорой православия на Руси, сообщает богоданность и самой династической эмблеме. Таким образом, отечественная геральдика с первых шагов заявила о себе как об актуальном способе знаково-образного отражения государственной идеи, а поскольку для этого ею были использованы национальные мифологические и религиозные образы, а также декларировались жизненно важные для народа принципы общественно-политического устройства, то она явилась знаково-символическим отражением именно великорусской национально-государственной идеи.

Если принять дату создания рельефов Георгиевского собора за исторически зафиксированное начало живого функционирования великорусской геральдики (хотя нет никаких оснований отрицать вероятность такого начала в еще более ранний период истории Руси), становится очевидной ее теснейшая связь с миром духовных ценностей и традиций русичей. Уже тогда великорусская геральдика заявила о своей существенной особенности — выявлении аксиологических характеристик общественно-политических явлений<sup>28</sup> при раскрытии их индивидуальных отличительных признаков. Именно это свойство освобождает ее от многих навязанных ей извне и отживших свой век формальных условностей и превращает в незаменимый инструмент символического отражения национально-государственной идеи сегодняшнего дня (лишь бы только была сама идея!). Определению этой закономерности нашей геральдики среди других ее самобытных свойств и предстоит заниматься научному великорусскому гербоведению, которое недопустимо сужать до тесных рамок «вспомогательной исторической дисциплины». Кстати, еще ни в одном гербоведческом исследовании, появлявшемся в советское и постсоветское время, не отражен традиционный свод правил составления гербов, являющийся, по сути, функцией все той же аксиологии. Ведь о гербах недостаточно писать, их еще надо и уметь создавать, но оставим увлекательные проблемы гербоведения для другой нашей книги.

Следует отметить, что общепринятое представление о *гербе* складывалось исключительно в процессе ознакомления с соответствующим феноменом западноевропейской культуры. Но первое,

что при этом бросается в глаза — обязательное размещение отличительной знаковости в поле щита, неразрывная связь эмблемы с этим полем<sup>29</sup>. Именно благодаря размещению этих специфических эмблем на вооружении, снаряжении и воинских атрибутах рыцарства данный знаковый комплекс получил характерное наименование в западноевропейских языках<sup>30</sup>. Но наследственный характер указанной родовой символики, являющийся одним из ее существенных свойств, отражен именно в славянских словах *герб*, *herb*, *erb*, *irb*, созвучных немецкому *Erbe*<sup>31</sup>. Следовательно, сегодня мы имеем некое обобщающее представление о предмете рассмотрения, наиболее кратко сформулированное А. П. Черныхом: «Герб — символический опознавательный-правовой знак, составленный и утвержденный по определенным правилам, служащий постоянным отличительным определителем лицу, роду, обществу или учреждению»<sup>32</sup>. В этом определении отдельно не оговорено значение гербовых цветов, не знаем мы их и в древнерусской эмблематике, поэтому и термин «герб» применительно к целому ряду древне- и великорусских родовых эмблем представляется, в принципе, конвенциональным, но с этимологической точки зрения — наиболее предпочтительным.



Рис. 20. Герб Владимирский из Титулярника царя Алексея Михайловича. 1672 г.

В XIV и последующих веках лев оставался одной из излюбленных эмблем в русской символике, олицетворяя притязания на царственную власть или свидетельствуя о таковой. Помимо раннемосковских, новгородских<sup>33</sup>, тверских, псковских монет и печатей «лютый зверь» присутствует и в резьбе тронов самодержцев Всея Руси, Великих князей Владимирских, Московских, Новгородских, Тверских и прочая, в шитье военных знамен. В память о державном значении эмблемы льва и знаменательном перенесении резиденции русских митрополитов из Киева во Владимир в первом гербовнике России — Титулярнике царя Алексея Михайловича — на гербе Владимирском восстающий (т. е. поднявшийся на задние лапы) лев изображен коронованным, несущим высокий святительский крест. Однако гербовым щитом 1234 г. в руках Святого Георгия отмечено не только утверждение на Руси нового понятия — *национально-государственная символика*. Это — первое, сохранившееся до наших дней материальное свидетельство существовавшего на нашей земле уже в XIII в. обычая помещать в поле щита родовую эмблему, иными словами — начальная точка отсчета русской геральдики в ее общепринятой западноевропейской аксиологичности, все еще лишенной поправок на собственно русские ценностные категории.

Вопрос о существовании в Древней Руси территориальных гербов<sup>34</sup> все еще не рассмотрен в едином контексте самобытного становления и развития нашей национальной геральдики. Внешними отличительными особенностями этого процесса выступают незначительное по сравнению с Западной Европой число обнаруженных древнерусских гербов и их своеобразная форма. В массе разнообразных личных эмблем (представленных главным образом на печатях) ими оказываются гербы отдельных представителей великокняжеских династий, стремившихся к воссоединению разобщенных княжеств и земель, построению централизованного национального государства. Успех в этом деле сопутствовал лишь поддержанным митрополитами князьям Владимирским и Московским, вследствие чего их гербы, изначально олицетворявшие собой соответствующую историческому моменту государственную идею, с полным основанием можно называть и национально-государственными гербами своего времени.

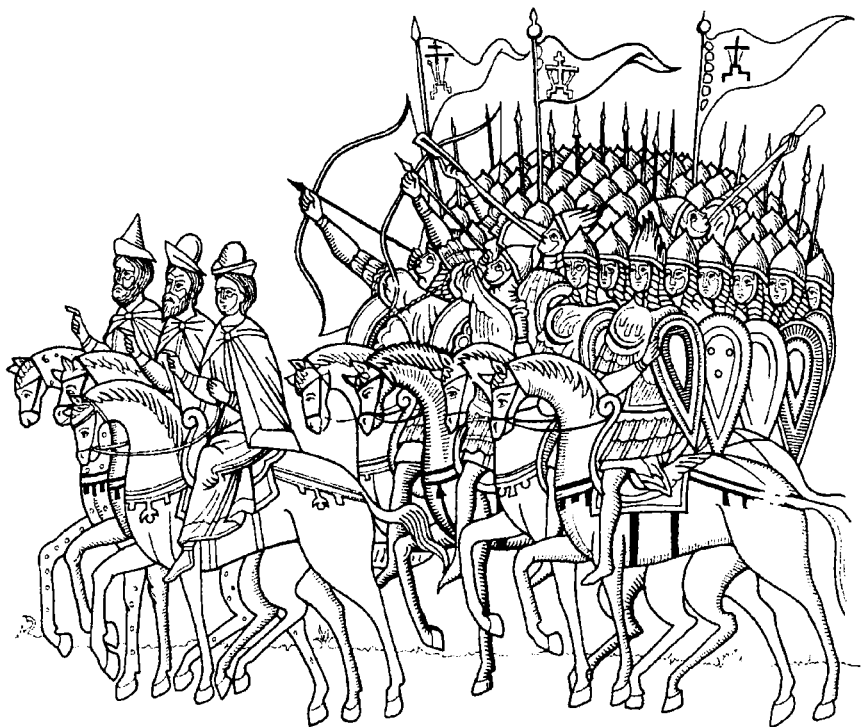
Но столь значительное явление, как национально-государственная символика, сопряженное в сознании современников с Промыслом Божиим, не могло возникнуть в атмосфере непонимания и неприятия нравственного и правового значения княжеских, посаднических и архипастырских «печатей» и «клейм» (о терминах «герб», «геральдика» в то время и речи не могло быть). По меньшей мере, приближенная к княжеским дворам верхушка военно-



служилого сословия, с детства воспитывавшаяся в ратных традициях, безусловно, знала и чтит эти наглядные атрибуты власти. Однако нет серьезных оснований сомневаться в знакомстве с ними и более широких слоев населения. Воинская символика в целом<sup>35</sup> издревле составляла заметную грань этнокультурной традиции каждого народа, и княжеско-дружинная отличительная знаковость Руси не могла быть исключением. Не рассматривая здесь религиозную составляющую этой символики, следует подчеркнуть неизбежность соединения в исторической ретроспективе личной или родовой эмблематики с древнейшим и повсеместно распространенным в Европе воинским обычаем раскраски щитов<sup>36</sup>.

Отдельно взятый цветной щит по существующей геральдической классификации уже мог являться *выжидательным щитом*<sup>37</sup>, т. е. простейшей разновидностью безвестного личного герба. Если даже он таковым и не являлся из-за отсутствия подобной традиции на Руси, то одинаковая раскраска всех щитов княжеской дружины уже представляла собой конкретный геральдический признак этого князя, что неоднократно было зафиксировано и в литературных, и в иконописных памятниках Древней Руси<sup>38</sup>. Изображение в поле цветного щита какой-либо эмблемы или орнамента, составленного, как правило, из структурированной череды повторяющихся знаков или символов, однозначно превращало его в гербовый. И то, что правовой аспект средневекового великорусского гербовладения остается практически неисследованной областью нашей истории и ахиллесовой пятой национального гербоведения<sup>39</sup>, не исключает самое возможность независимого существования этого гербовладения — вероятно, в несколько иных, нежели на Западе, формах<sup>40</sup>. Коль скоро в документах Поместного и иных приказов упомянуто множество разнообразных межевых знаков дворянских поместий, нет оснований отрицать вероятное наличие подобных им личных знаков собственности конца XV — начала XVIII в. Превращению этих личных знаков собственности в фамильные гербы могли препятствовать лишь особенности поместной системы, исключавшей продажу, обмен и наследование принадлежащих государству поместий. Но параллельно с поместной системой землепользования существовала и более древняя вотчинная система землевладения, в условиях которой родовая эмблематика или даже геральдика могли развиваться беспрепятственно.

Но и в том и в другом случае оставалась потребность (и возможность!) знакового отображения духовных принципов тех, кто брал в руки оружие для защиты своей земли и веры. Ведущая роль в этом ряду символов принадлежала, конечно, стягу. Зато щиты,



**Рис. 21а.** Дружина суздальцев. Фрагмент иконы «Битва новгородцев с суздальцами». *Новгород, XV в.* (прорисовка автора).

если только не служили единообразным отличительным признаком княжеской дружины, оставались привычными носителями индивидуальной охранительной символики — либо древнейшей родо-территориальной (если к тому времени она еще не забылась), либо какой-то иной — скорее всего, двоeverной. Но любые попытки реконструкции этой символики приводят к выводу о том, как же мало мы знаем о духовной культуре наших предков. И если сохранились записанные в XIX в. древние заговоры от беды горючей, стрелы каленой и вражьего меча, то где же их графические эквиваленты? Наша убежденность в существовании этих начертанных, а потому постоянно действующих воинских знаков-оберегов основывается на том, что обширный спектр охранительной символики еще раньше имел широкое распространение среди славянских племен, о чем свидетельствуют, например, отдельные височные кольца вятичей. И вполне допустимо, что эти защитные эмблемы на оружии не искоренялись православным духовенством,

поскольку в иконописи, особенно в иконах северных писем, вплоть до XVIII–XIX вв. в орнаментике *позема*<sup>41</sup> присутствуют многие древнейшие графемы — например, ромбовидные скошенноперекрещенные «знаки засеянного поля» и некоторые другие архаичные символы растительности и плодородия.

Предположение о широком распространении на Руси ярких расписных щитов, фигуры которых в большинстве своем все же не превратились к XVIII–XIX вв. в правовые (фамильно-сословные) символы дворянства, подтверждается не только некоторыми, пусть и немногочисленными, памятниками искусства, но и общим характером этого искусства, всей присущей ему декоративностью. Народная орнаментика проявляла себя как в крестьянском ткачестве и резном убранстве изб, так и в белокаменном великокняжеском зодчестве, в изделиях придворного и церковного декоративно-прикладного ремесла. Немаловажным доказательством устойчиво сохранявшегося в древнерусском общественном сознании если не геральдического, то «предгербового»<sup>42</sup> восприятия нецерковных символов явилось и совершенствование от века к веку национально-государственного герба. На смену одним образам приходили другие, видоизменялась стоящая за ними государственная идея, но генетическое родство составляющих герб эмблем с историей и мировоззрением народа оставалось нерушимым.

Итак, мы определили «ахиллесову пятю» нашей теоретической геральдики — отсутствие каких-либо сведений о правовой базе великорусского родового гербовладения в достаточно глубокой исторической ретроспективе. Но если не сохранились великокняжеские грамоты или иные документы, проливающие свет на волнующие нас проблемы, и нет даже каких-либо упоминаний о них, это отнюдь не означает отсутствия **обычая** пользоваться индивидуальной отличительной символикой. Более того, при тесной связи этой символики с религиозным самосознанием народа подобный правовой пробел может даже служить подтверждением распространенности такого обычая. Разве требовалось приговоренное боярами и утвержденное государем постановление о присутствии икон в домах православных русичей? Разве регулярное посещение церкви, соблюдение постов и праздников нуждалось в регламентировании этих норм поведения светской властью? Разве нечто привычное и само собой разумеющееся столь уж необходимо оформлять специальным законодательным актом? Другое дело — наследование родовых знаков собственности, являющееся сугубо юридической процедурой. О существовании в Древней Руси и Великом княжестве Московском подобных традиций мы действительно ничего не знаем. Но индивидуальная отличительная символика древнерус-

ских воинов тем не менее существовала, что подтверждается памятниками церковного искусства — иконами и фресками. Следовательно, в этой символикe превалировало духовное начало, одобренное Церковью и огражденное ею от каких-либо светских узаконений. И если бы на щитах размещались сугубо «языческие», противные христианству символы, след этого отыскался бы в «Словах» и «Поучениях». Но об отличительных знаках и символах русского воинства эти источники безмолвствуют, что лишний раз свидетельствует если и не о прямой церковной направленности, то, по меньшей мере, об идеологической нейтральности изображений на древнерусских щитах.

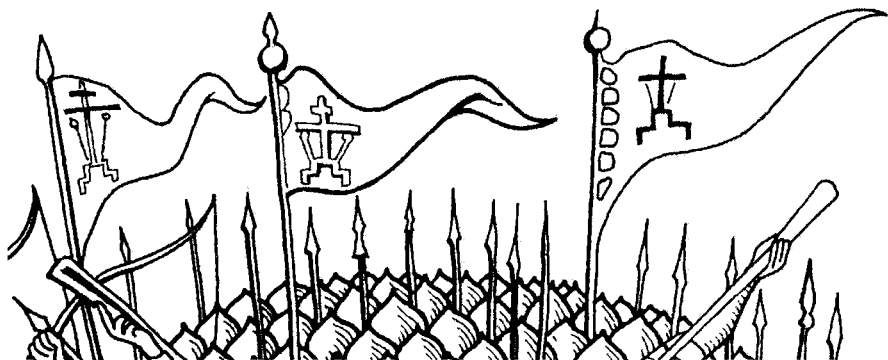
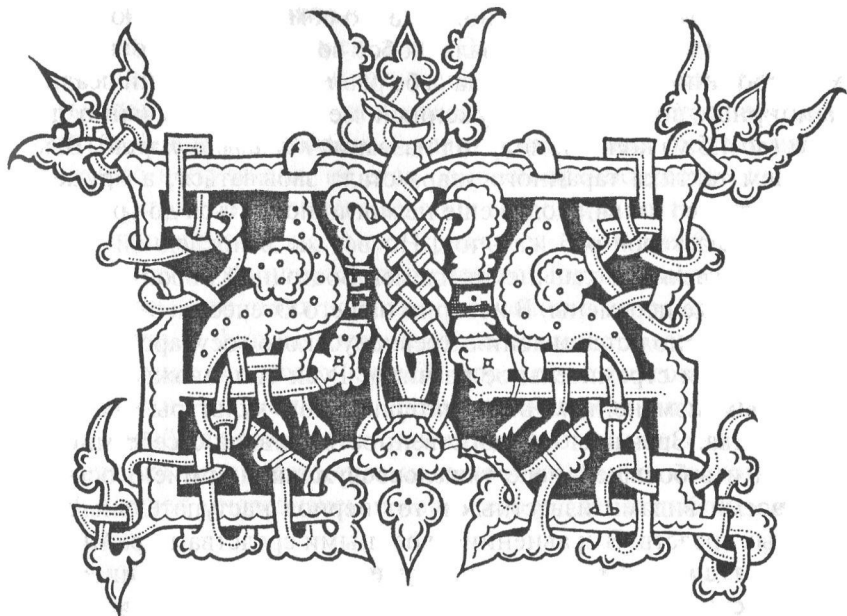


Рис. 21б. Стяги древнерусских дружин.


Сколько же было этих щитов с эмблематическими и формально-декоративными индивидуальными признаками? Сколь долговечны были эти персональные символы, переживали ли они короткий бранный век защитного вооружения, на котором изображались? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом, да и само слепое отыскивание прямого соответствия русских обычаев нормам западноевропейской геральдики уведет нас слишком далеко от исследуемой проблемы. Становится очевидным, что реально существовавшая в далеком прошлом воинская индивидуальная символика носила в основном духовный характер, ведь даже традиционный орнаментальный мотив в кайме русского щита скорее всего содержал если не православную, то более древнюю обережную закликательную символику. И не могло светское законодательство регулировать эту область применения разнообразных знаков и символов, относящихся исключительно к духовной сфере. Но, забегая далеко вперед, не грех задуматься

маться о таких «совпадениях» в истории отечественной геральдики, как, например, Раскол — никонианство — массовое проникновение на Русь сугубо светских обычаев польской и западнорусской родовой геральдики. Или — упразднение Петром I патриаршества и устройство им Герольдмейстерской Конторы. Или, наконец, последовавшее именно *после принятия Указа о вольности дворянства* издание первого тома Всеобщего гербовника дворянских родов Российской Империи.

Процесс становления личной (родовой), территориальной и даже национально-государственной символики Руси, начавшийся задолго до образования самого Древнерусского государства, стал активно протекать исключительно в рамках Православия — если не всегда в идеологических, то повсеместно в хронологических. Но поскольку именно Православие сформировало национальный характер великороссов, став по существу их ментальностью, то и великорусскую геральдику во всех ее исторических, теоретических и художественных проявлениях бессмысленно рассматривать в отрыве от него. Неуклонное проникновение западноевропейской позитивистской *цивилизации* в православную *культуру* Руси привело к открытому противоборству исконной и привнесенной ценностных парадигм, что в нашем конкретном случае обернулось вопросом о соответствии традиций великорусской символики правилам западноевропейской геральдики. Их примерное сходство наблюдается только там, где символика отражала близкие по содержанию процессы, имевшие место на Востоке и на Западе Европы. Во всем остальном наша символика, как в целом, так и в своих системных построениях, независима и самобытна. И слава Богу!



### 3. Становление образа герба

 образ вооруженного всадника, появившийся в европейской сфрагистике в XI в. и ставший в ней массовым явлением в XIII в. не был случайным. В X в. окончательно сложилась структура средневекового европейского войска, основу которого составляла тяжеловооруженная конница. Период X—XI вв. оказался наиболее важным в развитии европейских видов вооружения<sup>1</sup>. Но читатель (как, кстати, и многие из пишущих о геральдике специалистов) может оказаться зачарованным расхожим романтическим стереотипом «замки — рыцарские гербы — рыцарские доспехи» и считать Западную Европу родиной тяжелой конницы. Однако правда состоит в том, что задолго до франкских и немецких феодалов таранный удар практиковали облаченные в броню сарматские всадники на просторах южнорусских степей. Свою легендарную храбрость они успешно подкрепляли совершенствованием материальных средств, создав новый тип защитного вооружения и обогатив историю военного искусства разработкой тактики и стратегии прежде небывалой разновидности конного войска.

Себя и коней сарматы облекали в чешуйчатые панцири, сделанные из распиленных на пластинки конских копыт. Такой панцирь легко выдерживал прямые удары мечей и копий даже в ближ-

нем бою. Построенная клином в тесно сомкнутом строю, тяжелая панцирная конница прорывала любое воинское построение и при массированном ударе не знала себе равных. Сарматский всадник в панцирных доспехах, вооруженный мечом и необычайно длинным (до 4,5 м) копьем, получил название *катафрактарий*<sup>2</sup>. В дальнейшем тактика таранного удара стала забываться, а оружейное производство славян долго еще не могло подняться до уровня сарматских мастеров рубежа эпох. Но все же в последней четверти I тыс. н. э. в жизни славянских племен Восточной Европы произошли огромные перемены. В истории нашего Отечества это был героический период становления Древнерусского государства.

Бурное и стремительное развитие Руси сопровождалось качественным изменением всей материальной культуры восточного славянства. Зреющая государственность заявила о себе многотысячной и в большей мере **тяжеловооруженной** армией, оснащенной всеми видами известных в тот период наступательных и защитных средств. В сравнении с военными средствами ранних славян этот сдвиг в развитии вооружения можно расценивать как техническую революцию. На столетие раньше, чем в целом по Европе, на Руси в IX—X вв. сложился по существу новый комплекс боевых средств, который в течение последующих веков претерпевал лишь постепенные изменения. Именно тогда сформировалось то неповторимое своеобразие древнерусского военного дела, которое определило пути его развития на века вперед. Киевская держава была одной из немногих европейских стран, где несходство и разнообразие в составе и подборе вооружения оказались столь разительными и контрастными<sup>3</sup>.

Русь освоила западный меч и восточную саблю, европейское ланцетовидное копье и кочевническую пику, восточный чекан и меровингский скрамасакс, азиатский сфероконический шлем и каролингские шпоры<sup>4</sup>, ближневосточные булавы<sup>5</sup> и северные ланцетовидные стрелы. Некоторые из перечисленных орудий войны нашли на Руси вторую родину, и уже как русские вещи проникли на Запад. Древнерусским ратям приходилось воевать на севере и северо-западе с относительно малоподвижным европейским противником и на юго-востоке с быстрыми маневренными конными степняками. А поскольку в течение всех начальных веков существования Руси наиболее опасным участком борьбы был юг, влияние военного искусства кочевников при первых русских князьях было весьма ощутимо. Под «знамением» киевского князя его воины — славяне, варяги и финны — на просторах своей земли и в дальних восточных походах усвоили пику и саблю, чекан и слож-

ный лук, усовершенствовали принадлежности управления конем и весь комплекс защитных средств<sup>6</sup>. Однако, дабы не утратить скорость и маневренность конного строя, они не стали всемерно утяжелять свой доспех, как это повелось у западноевропейского рыцарства. Поэтому и таранный удар, эффективный против мало-подвижного неприятеля, не стал основой древнерусской кавалерийской тактики. В искусстве ведения войны русичи не переставали быть европейцами, но умели сражаться и как азиаты.

И повсюду от южнорусских степей до Нормандии власть принадлежала тем, кто стоял во главе сплоченного строя конников, и именно поэтому фигура вооруженного всадника оказалась вырезанной на печатях многих князей, королей, герцогов и ландграфов. Однако не только военно-политическая реальность, не только привычный для современников вид конного воина сделали фигуру всадника распространенным и почитаемым символом. Ведь каждый символ многозначен и корни его уходят в глубокие пласты истории.

Во многих европейских странах — прямых наследницах древних индоевропейских традиций, изображению всадника придавалось самостоятельное символическое значение<sup>7</sup>. Герой оседлал, подчинил своей воле и как бы слился в единое целое не просто с животным, а с культовым существом, носителем многих сакральных функций. Недаром в дохристианские времена знатных воинов хоронили вместе с боевым конем, которому приписывалась храбрость льва, зоркость орла, быстрота оленя, ловкость лисицы. А личный опыт подсказывал каждому воину, насколько конь чуток, предан и благороден. При устойчивости подобных представлений (и поныне не потерявших своей притягательности) образ всадника становился демонстрацией высокого, почти божественного, статуса изображенного воина.

Впервые в искусстве Северо-Восточной Руси образ всадника был запечатлен в конце XII в. на резных белокаменных фасадах Дмитровского собора, а в отечественной сфрагистике появился на княжеских печатях Мстислава Мстиславича Удалого и внуков Всеволода III Большое Гнездо — Всеволода Юрьевича и Александра Ярославича (Невского). Однако, вопреки сложившейся еще в XI в. западноевропейской традиции, на русских печатях изображался не сам владелец этого атрибута власти, а покровительствующий ему святой. Но уже на печатях Александра Ярославича образ небесного патрона его отца и деда святого Георгия постепенно стал сменяться «портретом» самого князя в короне и с обнаженным мечом в руке. Другая же группа его печатей пред-



ставляет совершенно новый сюжет — «чудо о змие»<sup>8</sup> — переосмысленную христианством древнюю героиню драконоборчества. На них изображен спешившийся и ведущий коня в поводу Феодор Стратилат, втыкающий копье в открытую пасть поверженного дракона (змия).



Рис. 22. Печати Александра Ярославича Невского. Лицевая и оборотная стороны (прорись по В. Л. Янину).

Крохотный московский удел достался младшему сыну Александра Невского Даниилу (1261–1303), в то время как старшие Александровичи княжили в Новгороде и Суздале. Династический великокняжеский лев, уже покинувший владимирскую символику при Александре Ярославиче, очень не скоро вернулся на печати его потомков — московских «скопидомов». Но в то же время постоянная борьба с Тверью за Владимирское Великое княжение и с Новгородом за власть над всей Северо-Западной Русью укрепляла Москву в роли исторической наследницы Владимира и инициировала возврат к древней эмблематике — владими́ро-суздальскому льву<sup>9</sup>. Тем не менее такой логичной на первый взгляд преемственности державной символики препятствовали зависимость от ордынских ханов и собственная инерция удельных традиций. Младшая по отношению к другим, новорожденная московская династия еще не обрела тогда достаточной военно-политической силы для притязаний на роль и значение могучих повелителей Русской земли из гнезда залесских Мономашичей. Убитый в Орде в 1325 г. князь Юрий Данилович и его младший брат Иван Данилович Ка-

лита (1282–1340) поместили на своих печатях изображения Спасителя и некоторых особо почитаемых ими небесных покровителей. И пребывавший с 1309 г. во Владимире и подолгу живший в Москве митрополит Петр формально не мог перенести в нее свою резиденцию, но все же был похоронен в спешно возводимшемся для него первом московском каменном Успенском соборе в 1326 г. Только ознаменованное этим событием перенесение религиозного центра в Москву, последовавшее затем получение Иваном Калитой ханского ярлыка на Великое княжение Владимирское (1328) и официальный переезд в Москву новопоставленного патриархом митрополита Феогноста (с 1328 по 1353 г.) окончательно закрепили духовный и политический авторитет за потомками святого Даниила Московского.

Симеон Иванович Гордый (1315–1351) также использовал религиозную тематику в своей печати, но обозначенный на ней титул уже свидетельствовал о ведущей роли московских князей в общерусском объединительном процессе: «Печать князя Великаго Симеона Всеа Руси». И на монетах брата его Ивана Ивановича Красного (1326–1359) уже появляется изображение пешего воина в остроконечном шлеме, вынудившего из ножен меч. Вполне вероятно, что здесь возобновлена ведущаяся от Александра Невского светская традиция изображения самого Великого князя с поднятым мечом в руке. Еще знаменательнее другой монетный чекан Великого князя Владимирского и Московского Ивана Ивановича: наступивший на хвост поверженного дракона человек занес над ним обнаженный меч. «...Во всех этих типах слишком много смысла и значения для того, чтобы приписать изменение рисунка вкусу и произволу денежника: как великий князь грозит поразить гидру, так через полстолетия мы увидим его поразившим ее тогда, когда враг действительно ослабнет и будет побежден», — так комментировал зарождение новой московской символики первый исследователь русской геральдики А. Б. Лакиер<sup>10</sup>.



Рис. 23. Монеты Ивана II Ивановича Красного. Лицевая и оборотная стороны (прорись по А. Б. Лакиеру).



**Рис. 24.** Феодор Стратилат. Фрагмент миниатюры «Федоровского Евангелия». Ярославль (Ростов?), 1321–1327 гг. (прорисовка автора).

Союзниками князей Московских в их противоборстве с Тверью выступили князья Ярославские. Дальновидный Иван Калита породнился с одним из них — Василием Давидовичем Грозные Очи (княжил с 1321 по 1344 г.), выдав за него свою дочь Евдокию. Служивший до 1321 г. в Орде князь Василий приобрел там значительные связи и пользовался известным уважением у ордынцев, именно от них получив свое прозвище. Не без его внушения ордынцы в 1325 г. казнили главного соперника Калиты — Великого князя Тверского и Владимирского Александра Михайловича<sup>11</sup>. К первым годам княжения Василия Давидовича относится создание в Ярославле (или Ростове?) замечательного памятника древнерусского книжного искусства — «Федоровского Евангелия», вероятно, названного так по миниатюре на его первом листе. Если не при дворе самого Калиты, то в окружении его родственника и союзника, не выражавшего претензий на Владимирское княжение, вновь возникла тема знаменитого рельефа на северном фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском — святой покровитель, на этот раз Феодор Стратилат, стоящий в патрицианских одеждах и броне и опирающийся на копьё и русский щит с *гербом Владимирским!*

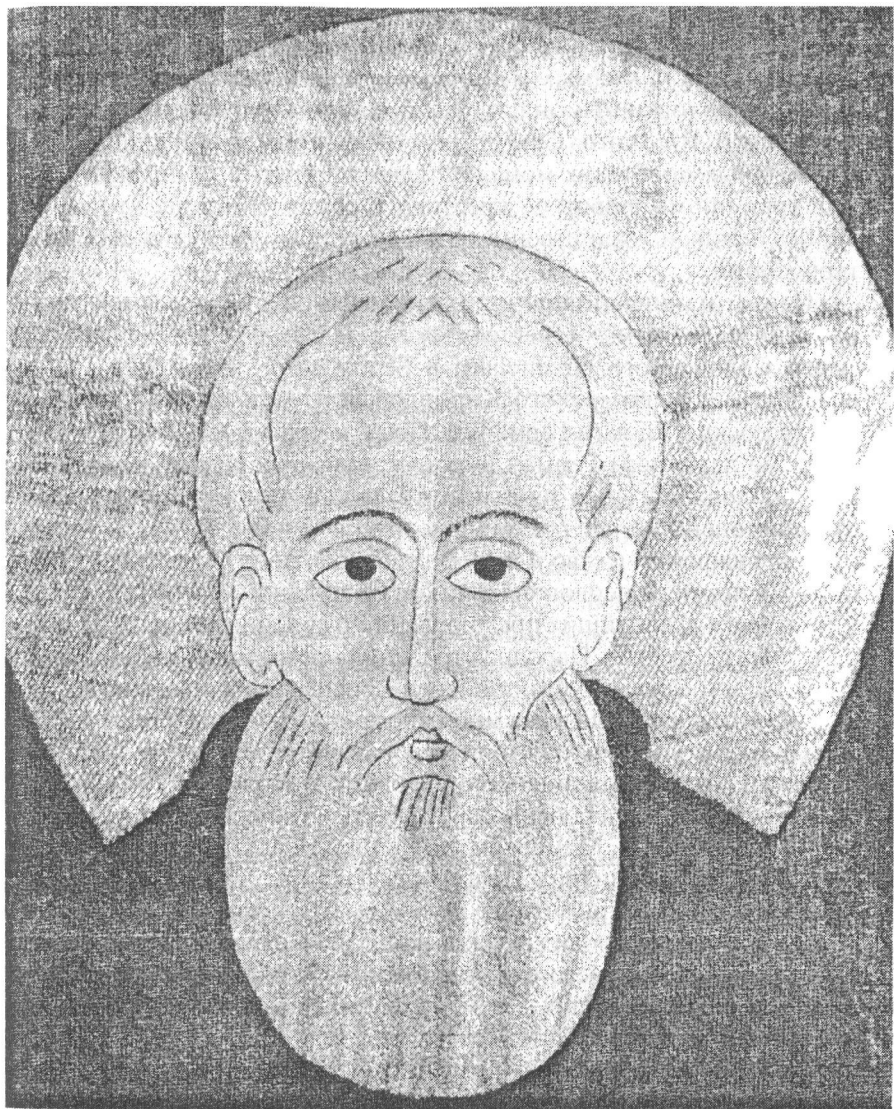
Но трудно заподозрить миниатюриста в излишнем религиозном рвении. На пергамене Евангелия запечатлен *князь*, и лишь нимб вокруг головы и отсутствие известной по лицевым летописным сводам княжеской шапки остаются традиционными иконографическими признаками святого. Зато его панцирь («бронь») детально передает все особенности дорогого княжеского доспеха XIV в. — кольчатого на груди, чешуйчатого на подоле, с длинными языкообразными пластинами на руках и поверху подола. Тяжелое защитное вооружение дополнено нагрудным «зерсалом», в составе холодного оружия копьё и меч<sup>12</sup>. А щит, завершающий боевую экипировку князя, безусловно, *гербовый*, отличающийся от своего юрьев-польского прототипа лишь стилистикой каймы и поворотом геральдической фигуры.

В броне, со знаменем и с круглым щитом в руках, в развеваемом плаще и с короной на голове изображен святой Дмитрий Солунский на первой печати (1371) Великого князя Дмитрия Ивановича (Донского, 1350—1389). На второй его духовной грамоте (1389) привешена аналогичная печать, лишь вооружение дополнено висящим на поясе мечом, да щит сердцеобразной формы украшен монограммой Х<sup>13</sup>. Таким образом, в великокняжеской символике последовательно отражалось крепнущее убеждение в том, что образ святого воина, в облике которого заметно преобла-

дали «портретные» княжеские черты, является наиболее полным воплощением в символе жизнестойкой и патриотичной общерусской государственной идеи. Как бы подводя итог длительной дипломатической и военной деятельности Великих князей Московских по освобождению Руси от татаро-монгольской зависимости, на одной из последних печатей Дмитрия Ивановича изображен князь с поднятым мечом в руке и скачущий на коне, под копытами которого — человеческая голова<sup>14</sup>.

На этом этапе развития национально-государственной символики, в становлении ее самостоятельной образности, отчетливо выявляется свойственная данному процессу закономерность — церковная тематика вела борьбу со светской, то преобладая, то отступая на второй план. В отличие от знаков князей VI—VIII вв. великокняжеская эмблематика зарождалась в русле христианских канонов. Символика Православия, направлявшего путь каждого русича от рождения до смерти, послужила той полноводной рекой, по которой поплыли немногочисленные лодки древнерусских гербов. На самых древних из дошедших до наших дней печатях Великих князей Киевских сохранились лики Спасителя и фигура Архангела Михаила, а полуязыческая эмблема «владимирских самовластцев» все же оставалась близка символике Псалтири и Евангелия. Авторитет Церкви в немалой степени прибавлял этим светским по своему функциональному применению эмблемам необходимую правовую значимость, да и сам митрополит неоднократно в русской истории оказывался фактическим главой государства. Из числа церковных иерархов XIV в. наиболее яркая судьба выпала отпрыску московского боярского рода митрополиту Алексию (с 1353 по 1379 г.) — святому Чудотворцу Московскому, ставшему государственным деятелем при Симеоне Ивановиче, опекуном великокняжеской власти при слабом Иване Ивановиче и **регентом** над его малолетним наследником Дмитрием<sup>15</sup>.

Ко времени княжения Дмитрия Ивановича облик великокняжеской эмблемы стал целиком зависеть от характера взаимоотношений Церкви и государства, от того, кому — князю или митрополиту — принадлежала высшая власть на Руси. Соединение в одной фигуре черт Дмитрия Солунского и воинственного великорусского князя исчерпывающе отразило взаимодействие Церкви с княжеской властью при митрополите Алексии, бывшем искренне озабоченным установлением на Руси духовного и политического единства. Но другим великим современником Дмитрия Ивановича был игумен Троицкого монастыря Сергей Радонежский (1321–1391), духовный и нравственный авторитет которого был необычайно



**Рис. 25.** Сергий Радонежский. Фрагмент шитого покрывала, *середина XV в.*

высок уже при жизни преподобного и остался таковым по сей день. Сергий не подвергал сомнению приоритет Церкви во всех делах земных и претворял этот принцип при введении общежитийного<sup>16</sup> монастырского устава и повсеместном распространении

таких монастырей. На необжитых еще землях Севера и Северо-Востока ученики преподобного основали новые твердыни Православия. Среди них самым известным и крупным оказался Белозерский Кирилловский монастырь, игравший ключевую роль в колонизации Русского Севера. Личный пример трудящейся на привольных просторах монашествующей братии привлекал в новые края промысловиков, крестьян и ремесленников, что становилось основой хозяйственного и культурного развития огромных территорий.

Одним из впечатляющих примеров этой православной колонизации малолюдных северных земель является освоение необитаемого Соловецкого архипелага в Белом море, начатое в 1429 г. выходцем из Белозерского Кирилловского монастыря Савватием и выгозерским иноком Германом. После кончины Савватия (1435 г., согласно летописи) Герман вместе с новгородским иноком Зосимой продолжили свое пустынножителство на Соловках, куда к ним постепенно стали стекаться и другие монахи. В 1452 г. Зосима принял священничество и игуменство, возглавив Соловецкую обитель. На примере первоначальников Соловецких можно убедиться в живучести древнейших представлений о двоичности истоков судьбоносных процессов. Народная традиция превратила Савватия и никогда не встречавшего его при жизни Зосиму в парных святых, каковыми они представлены на многочисленных иконах. Примечательно еще и то, что вопреки исторической действительности традиция парности затушевала значение сурового северянина Германа, на долю которого выпала основная тяжесть хозяйственных забот.

В «Сказании о Мамаевом побоище» повествуется о приезде Великого князя Дмитрия Ивановича накануне битвы с Мамаем в Троицкий монастырь, чтобы получить благословение преподобного. Сергей благословил русское воинство и отправил вместе с ним двух принявших от него схиму иноков — Александра Пересвета и Андрея Ослябю, павших затем на Куликовом поле. Впрочем, по мнению ряда современных исследователей, в 1380—1382 гг. отношения между князем и отказавшимся от митрополичьей кафедры Троицким игуменом были намного сложнее и противоречивее. За этим разногласием скрывался принципиальный вопрос — позиция Дмитрия Ивановича, стремившегося полностью подчинить себе русскую Церковь, не вызывала энтузиазма у преподобного<sup>17</sup>

На принципиальной несогласии преподобного Сергея с самодержавностью Московских государей необходимо остановиться подробнее, поскольку от разрешения этого конфликта целиком зависела идейная составляющая всей национально-государственной символики Руси. Духовный идеал вступил в противоречие с

прагматизмом реальной политики — расчетом, честолюбием и свободой кровопролития не только при защите внешних рубежей, но и при разрешении внутренних неурядиц. И решающее слово осталось за властью светской, все теснее сближавшейся с властью церковной путем оказываемого на нее влияния при выдвижении угодных князьям митрополитов. Примат духовного или светского начала в государственной символике Руси-России уже в конце XIV в. однозначно определился на века вперед, поскольку лиц, сравнимых по святости и нравственному авторитету с преподобным Сергием Радонежским и способных благодаря этим своим незаурядным свойствам воздействовать на самодержцев, русская история более не знала.

На печатях Василия I Дмитриевича (1371—1425), которому впервые за полтора века княжение было передано без санкций Орды, представлен практически весь спектр эмблем, уже употреблявшихся Великими князьями Владимирскими и Московскими: здесь и святой покровитель (Василий Кессарийский), и вооруженный копьем всадник, и всадник с поднятым вверх мечом. Причем в последнем случае «портретное» изображение на печати самого князя подчеркивается надписью: *Князь Великий Василий Дмитриевич*. Характерны также чеканы выпускавшихся в эти годы московских монет: здесь и всадник с копьем<sup>18</sup> (отсюда — «копейные деньги», «копейка»), и эмблематика льва<sup>19</sup> «Преемственность изображения барса и его переход с ранних рельефов владими́ро-суздальских соборов на московские монеты Василия Дмитриевича очевидны и не случайны. Эта преемственность отражала тенденцию Московского князя к закреплению за собой великокняжеского русского стола, к созданию непрерывной преемственности владения этим великокняжеским столом»<sup>20</sup>.

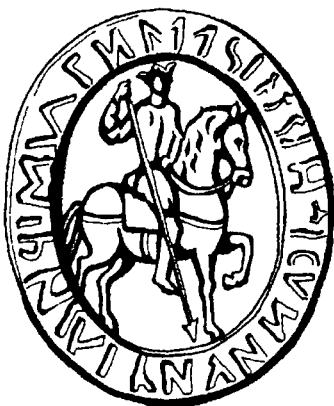


Рис. 26. Печать Василия I Дмитриевича, 1389 г. (прорись по А. Б. Лакиеру).



Множественность эмблем, которыми в разные годы своих княжений отдавали предпочтение Василий Дмитриевич и его сын Василий II Васильевич, свидетельствует о незавершенности в первой половине XV в. процесса установления единого символа Московской державы, т. е. ее герба. И если память об истоках становления великорусской *государственности* (следовало бы с позиций современных исторических знаний добавить — и *народности*) в эти годы прочно отождествлялась с эмблемой владимирского льва<sup>21</sup>, то динамичный рост Великой (Московской) Руси еще не обрел тогда своего однозначного символического выражения. Ведь сам этот процесс, характеризующийся постепенным освобождением от иноземной зависимости, борьбой с местным сепаратизмом и превращением политических оппонентов — удельных князей — из наследственных землевладельцев в высшее звено получающего землю лишь «в кормление» служилого сословия, был далек от своего завершения. При этом становится очевидным, что Великими князьями Московскими выискивалась эмблема именно общегосударственная, а не родовая, ибо стабильность наследования самого Великого княжения в роду прямых потомков святого Даниила Московского еще в XIV в. могла бы стать исходной причиной появления устойчивого династического символа.

В эмблематике Василия II Темного, принявшего титул *Государь Всея Руси*, центральное место занимает идея самодержавия Москвы. Главным типом чекана выбитых в годы его княжения московских монет оставалось «портретное» изображение скачущего вправо самого Великого князя<sup>22</sup>, колющего копьем змия. Необходимо особо отметить появление в первой половине XV в. этой логически завершенной композиции, которая объединила московского «ездеца-копейщика» прежних княжений с темой поверженного оружием змия («гидры»), появившегося еще в символике Ивана Ивановича Красного. Вполне допустимо, что самодержавной идеей навеяны и уже встречавшиеся в прошлом изображения человека с мечом и секирой в руках, а также всадника с поднятым мечом или сидящим на его руке соколом. Но самодержавность Москвы с еще большей отчетливостью проявилась в совершенно новых для московских денег изображениях: великий князь (судя по короне и одеянию) и некто, стоящий перед ним на коленях; сидящий на престоле великий князь со скипетром и державою в руках; бегущий грифон, а под ним лежащий человек и ряде других<sup>23</sup>.

В качестве печатей за долгие годы княжения Василия II Васильевича нередко использовались геммы — полудрагоценные камни с вырезанными на них изображениями управляемой Фебом (?)

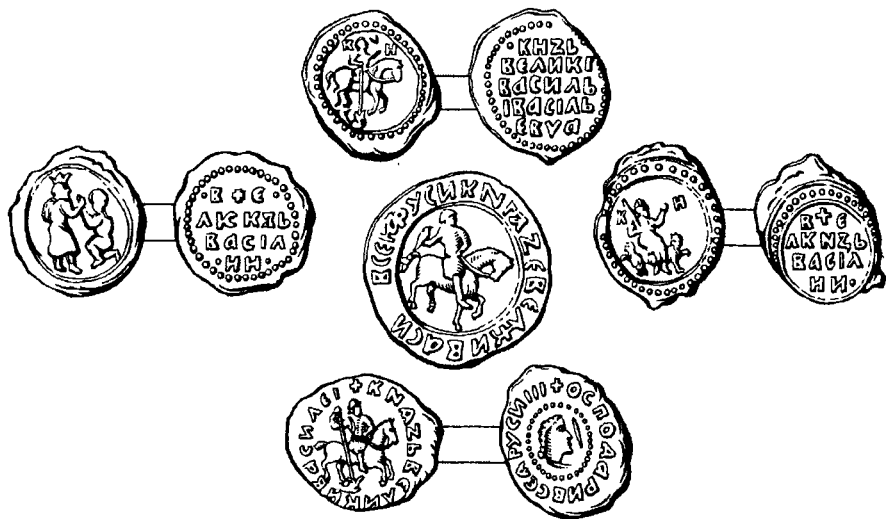


Рис. 27. Печать (в центре) и монеты Василия II Васильевича Темного. Лицевая и оборотная стороны (прорись по А. Б. Лакиеру).

квадриги, со львом, пожирающим змея, а также с обращенной влево женской головой в зубчатом венке. Однако сохранилась и становившаяся уже традиционной для Московских князей печать с изображением всадника, едущего влево с копьем в правой руке. Геммы, сходные с отцовскими, употреблял в качестве печатей и Иван III Васильевич (1440—1505). И на его монетах повторялась эмблема предков: скачущий всадник с поднятым мечом, в то время как другой тип всадника — поражающего копьем дракона — перешел на печати его шурина, Великого князя Тверского Михаила Борисовича<sup>24</sup>. Но после присоединения к Московскому централизованному государству Тверского княжества и некоторых других земель всадник в доспехах и развевающемся плаще, колющий копьем распростертого под копытами его коня змия, вернулся на печать Государя Всея Руси Ивана III и уже никогда больше не покидал государственную символику России.

Более того — он превратился в *герб* государей Московских, поскольку с лицевой стороны печати, на которой он был изображен<sup>25</sup>, навсегда исчезла надпись «печать великого князя», но появился полный титул *Божью милостию господарь Всея Руси Великий князь*, однозначно идентифицирующий окруженное этим титулом изображение с личностью его обладателя. Обратная сторона печати сохранила продолжение полного титула: *и великы (князь) Влад(имерский) и*



**Рис. 28.** Государственная символика Руси конца XV в.

*Вверху* — монета. Лицевая и оборотная стороны (прорись по А. Б. Лакиеру).

*Внизу* — печать Ивана III Васильевича. Лицевая и оборотная стороны (прорись автора).

*Моск(овский) и Нов(городский) и Пск(овский) и Тве(рский) и Уго(рский) и Вят(ский) и Перм(ский) и Бол(гарский).* В кольцо с этой надписью заключено изображение не просто знакомой уже по предыдущему рассказу двуглавой птицы, а коронованного орла. И если относительно владимирского льва мы выражали давно вызревшую убежденность в том, что он явился первым государственным гербом в истории нашего Отечества, и подкрепляем это утверждение гербоведческим анализом сохранившихся изображений, то в отношении орла на печати Ивана III все исследователи единодушны: это герб<sup>26</sup>. Нам лишь остается подчеркнуть, что герб этот, несмотря на противоречащие друг другу суждения о его происхождении, не менее самобытен, нежели его владимирский предшественник.

Итак, двуглавый орел покинул периферию монументального и декоративно-прикладного искусства Древней Руси и перелетел на великокняжескую печать. Почему на смену образу царя зверей был избран образ царя птиц? Что же, помимо внешних (опять-таки условных) форм геральдической птицы, заставляет нас говорить именно об орле? Какое вынесенное из мифологии и древней истории значение имел орел одноглавый и что прибавила ему двуглавость? Оказывается, истоки образа и символа орла следует искать там же, где обнаружен и первый русский государственный герб — в монументально-декоративном искусстве владимиросудальской земли.

Символ птицы в различных своих стилистических интерпретациях остается одним из базовых элементов символики в целом, пережившим за тысячелетия своего существования несколько этапов переосмысления. Величаво плывущее по небу солнце еще в палеолите отождествлялось с парящей птицей, графически обозначаемой условной крестообразной фигурой. В ассирийской клинописи понятие «птица» передавалось знаком креста. Представление о тождестве креста и птицы запечатлено в произведениях прикладного искусства разных эпох и народов. Сравнение солнца с птицей характерно не только для Ригvedы, но и для эпического наследия славян и германцев. Не счесть фольклорных сюжетов Руси, героями которых являются птицы — утки, гуси-лебеди, вороны, соколы и принимающие их облик иные персонажи сказаний. Почитанию птиц сопутствовала и вековечная мечта человека о способности летать в бесконечном пространстве. Видимо, именно она породила древнеславянский сонм женских божеств — Вил или Русалок, соединивших в своем облике девичью голову, руки и грудь с туловищем птицы. Здесь и Сестреницы, и Водяницы, и Полевицы, и Перуницы, и Дажьдевицы — память о большинстве из них уже угасла, но Русалии — празднования проводов весны и встречи Русалок — оставили неизгладимый след в обычаях и в искусстве великороссов.

Отдельную страницу в истории развития национальной символики представляют древнерусские ритуальные (русальные) браслеты, насыщенные изображениями птиц, русалок и орнаментальных идеограмм солнца, воды, корней и растений. В них воплощены славянские представления о цикличности процесса пробуждения и расцвета природы, праздничность мировосприятия русского народа. Весьма характерно, что в одном ряду с крылатыми вилами-русалками появляется и мужской персонаж в птичьем облике — божество растительности и корней Переплут. Таким образом, птица и ее мифологические производные трактуются символами куда



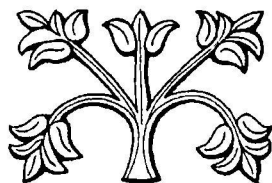
1



2



3



**Рис. 29.** Древнерусские орнаментальные изображения (по Б. А. Рыбакову).

*Вверху, в середине, внизу слева* — ритуальные серебряные браслеты, XII в.: 1 — с изображениями птиц; 2, 3 — русалок и символов-идеограмм воды, корней, растений и Древа жизни.

*Внизу справа* — Древо жизни на фасадах Дмитровского собора.

более емкими, комплексными, нежели простое свидетельство о затаенном желании человека освободиться от уз земного тяготения. Крылатость здесь символизирует едва ли не самый важный творящий принцип Вселенной — закон продолжения жизни и человеческой (женщина), и растительной (корни, побеги). Но как многие тысячелетия назад на смену женскому началу в образе Великой Богини пришли мужские божества-демиурги, так и здесь — в осененной символикой крыльев условной картине мира первенство стало переходить к мужскому персонажу. И если при домонгольских Рюриковичах предпочтение (рассудочно или интуитивно?) отдавалось атакующему соколу-рерику, то складывающаяся общественно-политическая обстановка в Великом княжестве Московском диктовала уже иное осмысление символики птицы.

Христианский автор конца IV — начала V в. Иероним сравнивал крест Иисуса Христа с птицей, в православной символике за голубем утвердилось значение символа Духа Святого. Поэтому неудивительно, что в белокаменных рельефах, ковром покрывающих все находящиеся над аркатурным поясом плоскости фасадов Дмитровского собора во Владимире, фигуры птиц лишь незначительно уступают по многочисленности изображениям львов и растительных символов. О значении львов уже говорилось. Символы растительности на стенах собора не менее многозначны: это «двоверное» отображение прекрасной, праздничной и жизнеутверждающей стороны всего земного царства — того уровня бытия, который уготован Творцом душе в ее телесной оболочке. Так неужели птицы здесь выполняют лишь декоративную функцию, даже если они сопровождают изображения святых или замещают собою львов в однотипных композициях (например, между колонками аркатурных поясов)? Разумеется, нет — это символы столь же значительные, многоплановые и почитаемые, как и изображения царя зверей и Древа жизни. Обилие символов-идеограмм Древа жизни — и несколько приближенных по своему начертанию к естественным формам деревьев, и представляющих собой стилизованную кириллическую букву Ж («живете» — живите!) далеко не случайно. Но оба типа этих символов настолько геральдичны, настолько полно соответствуют характеру русского геральдического стиля, что о них нельзя не упомянуть в контексте развития современного российского герботворчества.

Как нам представляется, основная идея всей белокаменной резьбы Дмитровского собора сводится к установлению гармоничного равновесия между укоренившейся за предыдущие тысячелетия «языческой» картиной мира и христианством. Благожелательная символика жизни покрывает все плоскости фасадов, в равной

мере окружая и заключая в себе изображения многочисленных святых, львов и птиц. А в каждой закомаре (повторяющем очертания свода полукруглом завершении участка стены между двумя пилястрами) этот ковер из рельефных символов увенчивается композицией, навеянной Ветхим или Новым Заветом. Если принять разнообразных львов художественным воплощением династической эмблемы «владимирских самовластцев», то птицы в этой композиции становятся выразителями пронизывающих все и вся действующих принципов Творца, святые угодники и преподобные Которого глядят на нас со всех ярусов многофигурной резьбы. Таким образом, символ птицы приблизительно с теми же семантическими функциями, что и на русальных браслетах, в декоре Дмитровского собора несколько преобразился и, вполне возможно, в представлениях того времени приобрел христианское звучание.

Обращает на себя внимание характерная поза этих птиц. Они шествуют по земле подобно львам, но, независимо от положения крыльев — приподнятых параллельно туловищу или распростертых, в любой момент готовы устремиться ввысь. А взлетев, поднимают в небесные выси солнечного Даждьбога<sup>27</sup>, пусть даже называемого по-новому царем Александром Македонским или царем Давидом. Солнечная сущность птиц русской мифологии, уже начиная с конца XII в., прочно связывается с титулом «царь», равно как лев — звериная ипостась Даждьбога<sup>28</sup>, превратился в символ Владимирской великокняжеской династии. Но как сопутствующий богам и царям лев сам оказывался царем зверей, так и солнечные птицы, выше которых взлететь уже никто из смертных не сможет, по аналогии с царством пернатых стали называться орлами. Орел в качестве символа царского достоинства существовал одновременно со львом, святыми воинами и светскими всадниками, поочередно служившими эмблемами великокняжеской власти, и терпеливо дожидался того времени, когда его востребует политическая реальность Всея Руси.

Со второго десятилетия XV в. претензии на царский титул неотступно сопровождали политическую деятельность Великих князей Московских. Уже в конце XIV — начале XV в. было составлено «Слово о житьи и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича, царя руськаго». Использовался царский титул и в «Повести о хождении на Флорентийский собор 1437 г.»<sup>29</sup> Окончательное признание за Московскими самодержцами равного цесарскому царского достоинства зависело, разумеется, от внешних обстоятельств, но внутривластная борьба за единовластие на территориях Всея Руси могла выдвинуть орла в ряд наиболее употребляемых эмблем. Типологически эта царственная птица еще оставалась

в рамках древнерусской традиции, т. е. изображалась в профиль, шествующей с поднятыми крыльями, но новгородские печати XV в. неоспоримо свидетельствуют о ее имени: ОРЕЛЪ. Эмблематика новгородских печатей наглядно отражает влияние Московских (на-много реже — Тверских и Литовских) Великих князей на политическую ориентацию этой теряющей самостоятельность средневековой республики. Именно в те периоды, когда власть князей Московской династии оказывала наиболее ошутимое воздействие на Новгород, его печати украшались орлами и львами — «лютыми зверями рыкучими».

В то же время нельзя отрицать и влияние культурных традиций древнего оплота вечевого самоуправления на формирование геральдического стиля молодого Московского государства. Широкое распространение декоративно-прикладного ремесла на Руси, в котором мастерам Великого Новгорода принадлежала видная роль, способствовало внедрению самобытно стилизованных фигур зверей и птиц в повседневный быт великороссов. Можно даже сказать, что геральдический стиль, обуславливающий специфичность изображаемых в гербе фигур, прививался на Руси не посредством самих гербов, а сложился помимо них — настолько близкими к общепринятым требованиям геральдики оказались воплощенные в декоративных украшениях персонажи и орнаменты. В форме звериных или птичьих голов вырезались навершия для рукоятей конских плеток и посохов, детали боевых луков. Стилизованные звери и птицы украшали костяные гребни, расчески, накладные пластины для одежды и сумок. Излюбленными персонажами этих произведений являлись «люты звери» и драконы — грозные охранители микромира людей Средневековья. Упругие контуры этих шествующих (согласно геральдической терминологии) чудищ подчеркивались выразительными рельефными валиками, большое внимание уделялось изображению клыков (зубов) и когтей — геральдическому *вооружению* звериных фигур. Помимо характерного для славянских земель плетеного орнамента, новгородцами широко использовался и *глазковый*, в основе которого лежит архаичная солнечная символика. В русском народном искусстве, кстати, глазковый орнамент дожил до наших дней в холмогорской резьбе по кости.

Нельзя ли предположить, что в Новгороде — на периферии своего влияния — претендовавшие на царский титул Великие князья Московские апробировали новую царскую символику, не принося ее в круг утвердившихся за ними эмблем? Ведь попытка самих новгородцев заявить с помощью этого самодержавного сим-





**Рис. 30.** Типология геральдических фигур Великого Новгорода.

1 — накладная бляха. Резная кость, 2-я половина XIII в. (прорисовка автора); 2— 5 — печати. Лицевая и оборотная стороны, XV в. (прорись по В. Л. Янину).

вола о своей тающей буквально на глазах самостоятельности представляется маловероятной. Но служил ли Новгород своеобразным «полигоном» или нет, при Василии II Васильевиче (согласно новейшим изысканиям — уже в годы правления Ивана III)<sup>30</sup> в самой Москве стала чеканиться мелкая медная монета — пуло, с фронтально изображенным одноглавым коронованным орлом. Нетрудно обнаружить в отказе от профильного изображения «солнечной птицы» непосредственное влияние Западной Европы, с монетами и печатями которой московские дьяки наверняка были хорошо знакомы. Нельзя исключить также участие в изготовлении чекана этой монеты иноземного мастера. Но появление подобного одноглавого орла в русской национальной государственной символике оказалось всего лишь кратким эпизодом, свидетельствующим о поиске нужного символа при не сформировавшихся еще собственных геральдических обычаях. Тем не менее этот символ уже существовал здесь, на Руси, и в X—XII, и в XIII, и в XIV вв. — древняя двуглавая птица нуждалась только в наделении ее новым символическим значением. И царственность ее образа была подчеркнута не

в конце XV в. при дворе Ивана III, а за сто лет до этого — вспомним косяную подвеску XIV в. из Новгорода. Трехлучевая «царская» корона меж главами орла на новгородском изображении указывает на то, что перед нами уже не персонаж древней мифологии, а *двуглавый орел*, и честь возвести его в ранг российского государственного символа выпала Ивану III Васильевичу, Государю Всея Руси<sup>31</sup>. Игнорирование глубочайших историко-культурных корней национальной символики, самого понятия *этнокультурная традиция* привело к тому, что теории американца Г. Алефа (Софья Палеолог привезла Ивану III изображение двуглавого орла из Мореи, откуда сама была родом) и немца М. Хелльманна (Иван III заимствовал двуглавого орла с печати императоров Священной Римской империи) в современной сфрагистической литературе становятся общепризнанными<sup>32</sup>. Но насколько бесспорны выводы зарубежных и некоторых отечественных историков о византийских имперских корнях двуглавого орла на печати Ивана III, если в самой Византии этот символ практически не имел имперского геральдического значения? Даже при идентичности изображений орла на привезенных из Мореи (бывшей балканской провинции Византийской империи) вещах Софьи Палеолог и на великокняжеской печати 1497 г. целесообразно говорить лишь о том, что форма морейского орла была просто скопирована московским резчиком. Ибо не «по чину» было бы Государю Всея Руси брать себе в качестве эмблемы вселенского православного царства династический символ каких-то захудалых морейских деспотов — не то униатов, не то и вовсе католиков. Не поэтому ли на всех пулах Москвы, Твери, Новгорода и Пскова, с которых в конце XV в. началось целенаправленное создание общерусской денежной системы, выбиты однотипные двуглавые орлы, внешне ничем не отличающиеся от тех, что украшали княжеские плащи Бориса и Глеба на фреске собора Спаса на Ковалеве?

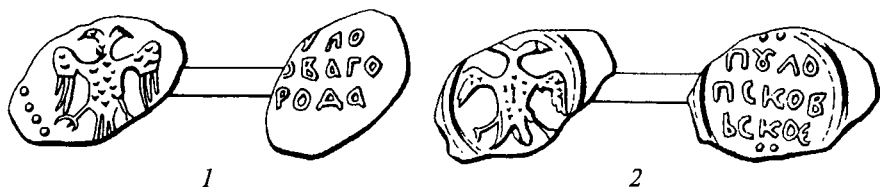


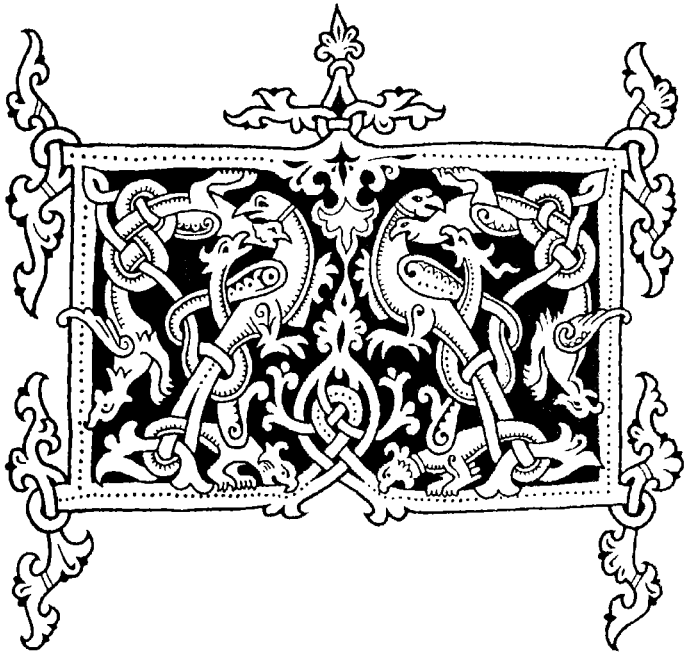
Рис. 31. Изображение двуглавого орла. Пулы, *конец XV в.*

1 — Новгорода; 2 — Пскова (прорись по П. Г. Гайдукову).

Печатью Ивана III завершился поиск образного строя российского государственного герба, но не его окончательное формирование

ние. За 250 лет, прошедших с момента увековечения в камне первого русского государственного символа — герба Владимиро-Суздальской державы, возникло новое государство великороссов и, принимая положения историко-философской концепции Л. Н. Гумилева, можно сказать, что возник и окреп сам великорусский этнос. Молодые московиты целиком переняли все культурное наследие Древней Руси. Внешне смена этнических эпох ничем себя не проявила, если только не замечать сущностного отличия великороссов от древних славяно-русов: на смену общинно-вечевому укладу с выборным или приглашенным князем во главе пришла унаследованная от монгольских сюзеренов дисциплинированность и приверженность централизованной форме правления<sup>33</sup>. Боровшиеся между собой за власть над Всея Русью княжеские династии и породили ту множественность эмблем, в которой обрелал свою образную и геральдическую завершенность московский «ездец-копейщик и змееборец».

Владимирский лев возник в века двоеверия и остался в истории символом не только северо-восточной ветви Мономашичей<sup>34</sup>, но и самого двоеверия: в нем сосуществовали и боролись между собой представления и языческой, и христианской мифологии. В то же время укрепление Православной Церкви и ее неоспоримое лидерство в объединении враждовавших между собой земель и княжеств так и не смогло повлиять на образный строй национально-государственной символики. Теологическая и теократическая составляющая государственной власти ни при Великих князьях Московских, ни в дальнейшем — при царях и самодержцах Всея Руси (за редким исключением) не находила своего полного отражения в главном символе государства. Княжеская самодержавная эмблема изначально мыслилась светской, персонифицированной, и, видимо, только поэтому откровенно иносказательного и многозначного двуглавого орла Иван III Васильевич не стал объединять с «портретным» изображением князя-змееборца, а оставил на оборотной стороне своей печати. Но при этом важно подчеркнуть, что государственная символика Руси рождалась в лоне символики национальной — если не в строго сюжетных своих компонентах, то в обобщенных образах. Трудный этап становления Великорусского государства, сопровождавшийся борьбой за избавление от иноземной зависимости, может послужить примером России нынешней — государственная символика не противопоставлялась общенародной (т. е. христианско-мифологической), но служила ярким выражением объединительной национально-государственной идеи. Эта символика могла постепенно видоизменяться в художественно-стилистическом отношении, но оставалась устойчивой к воздействию внешних недоброжелателей и внутренних сторонников изживших себя политических форм<sup>35</sup>.



#### 4. Царский символ

**Ч**исло мифов, формирующих символическое значение двуглавого орла, не уступает числу научных гипотез о причинах его появления в гербе России. Но, обосновывая здесь ранние сроки появления символов парности, в том числе и двуглавой птицы, в ряду наиболее распространенных и почитаемых нехристианских символов Древней Руси, необходимо указать на две главнейшие из этих гипотез. Обе они строятся на отрицании, а скорее всего — непризнании распространенности на Руси двуглавой птицы как одного из наиболее впечатляющих символов парности, олицетворявших извечно существовавший диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Исходной предпосылкой каждой из подобных версий является в принципе убогая и набившая оскомину проповедь того, что Россия-де всегда все заимствует: князей — из северогерманских земель, государственное устройство — из западноевропейских королевств, письменность — у Византии, а эмблематику — с миру по нитке. Норманнисты всех сортов и рангов, со времен бироновщины, убеждающие нас в преимуществе культуры Запада и отсчитывающие историю Руси от первой летописной даты, все никак не уймутся...

Византийская версия напрашивалась сама собой, но в целом сводилась к весьма поверхностной констатации *заимствования Россией, оказавшейся со второй половины XV в. наследницей Византийской империи, ее государственной символики*. Но вопрос о наследовании как таковом достаточно неоднозначен, ибо при ответе на него следует исходить из запечатленного в русской книжности конца XV — начала XVI в.<sup>1</sup> отношения просвещенных русских людей к Византии: она предала истинную веру (на Лионском соборе 1274 г. и Феррарско-Флорентийском соборе 1439 г.<sup>2</sup>), за что была наказана гибелью вследствие вторжения турок в 1453 г. Не государственность одряхлевшей и агонизировавшей с 20-х гг. XIV в. («Внук против деда» — война Андроника III против Андроника II) малоазийской державы наследовала Московская Русь, а значение всемирного центра истинной веры — Православия. Эта преемственность, поднимавшая Русскую державу на уровень решения **становящихся вселенскими** национальных проблем, и оказалась решающим фактором при формировании векового герба нашего Отечества.

Внешне вполне привлекательная версия о *заимствовании Русью двуглавого орла из средневековой символики стран Западной Европы* опирается на многочисленные примеры использования этой эмблемы на монетах и печатях целого ряда западноевропейских стран. Но бессмысленно вдаваться в поиски умозрительных параллелей и аналогий вместо того, чтобы ответить на один-единственный вопрос: могла ли православная Русь, не раз уже воевавшая с латинянами (орденскими немцами и шведами) и болезненно реагировавшая на притеснение православия в Литве, воспринять враждебную ее отеческой вере символику? Разумеется, нет. И как всерьез можно прислушиваться к немецкому исследователю М. Хелльманну<sup>3</sup>, видящему первоисточником российского двуглавого орла печать 1442 г. германского короля и императора Священной Римской империи Фридриха III (1415–1493), когда еще Василий II Васильевич Темный объявил еретиком и заточил в Чудовом монастыре митрополита Исидора за подписание им Флорентийской унии? Впрочем, при оправдании данной версии не лишены основания замечания ряда исследователей о том, что Московскими князьями постоянно предпринимались дипломатические усилия по признанию равенства их титула с цесарским. Но тогда при чем здесь двуглавый орел, если уже в договоре 1417 г. с Немецким орденом<sup>4</sup> Великий князь Василий I Дмитриевич назван «императором русским»? Как видим, в этой версии вопросов оказывается куда больше, чем ответов. Поэтому оставим ее и вернемся к Византии.

Выше уже упоминалось, что в Византийской империи двуглавый орел вплоть до конца XIII в. не имел геральдического значения, будучи многократно изображаемым в пределах одной плоскости знаком-оберегом, семантически родственным восточной традиции Варагна — Анки — Рух<sup>5</sup>. При этом обе противонаправленные головы помещались на одной шее, т. е. орел был, строго говоря, не двуглавым, а сдвоенноголовым (нем. *doppelkopf*<sup>6</sup>). Распространение этого образа началось в Византии с конца X в. что обусловлено появлением на службе у императоров (не позднее 988 г.) русо-варяжских дружин. Единичные же изображения двуглавой птицы, возникшие в раннесредневековой геральдике Европы благодаря дружинному искусству, незадолго перед тем послужили основой формирования знаков Рюриковичей как эмблем («предгербов») персонифицированной княжеской власти. Исчезнув к началу XI в. из искусства народов Балтийского субрегиона, двуглавый орел оставил свой след в княжеской символике, монументальном и декоративно-прикладном искусстве Древней Руси, и лишь к концу XIII в. завершилась стабилизация его смысла и изображения в Византийской империи. Сын отлученного от церкви Михаила Палеолога Андроник II в 1293 г. употребил на своем хрисовуле (торжественной грамоте императора) изображение двуглавого орла, получившего лишь в данном случае статус государственной эмблемы<sup>7</sup>

Но было бы неверным расценивать превращение в императорскую эмблему дружинного знака княжеской власти, некогда занесенного в Византию варягами, процессом сугубо внутренним, ромейским. Будучи еще в XII в. религиозной эмблемой на знаменах патриарха и Патмосского монастыря, с начала XIII в. двуглавый орел использовался императорами Латинской империи<sup>8</sup> уже в качестве светского символа. В то время, когда на монетах Маргариты Фландрской (1240–1280) чеканился двуглавый орел, на византийских монетах и печатях его не было. А с 1327 г. в Византии утвердился новый герб — *Basileus*, крест с четырьмя инициалами «В» в межкрестиях. Лишь при последних Палеологах двуглавый орел в различной иконографии встречается в миниатюрах, причем изображенный *золотым под тремя коронами в красном поле* — в русском лицевом списке второй половины XVI в. жития Сергия Радонежского. Иными словами, двуглавый орел так и не стал гербом Византии ни при династии Комнинов (1081–1185), когда он превратился в отличительный признак принадлежности к императорскому двору, ни во времена правления Палеологов (1261–1453)<sup>9</sup>

Возвращаясь к русской государственной символике времен Ивана III Васильевича, необходимо вспомнить рукописный Титу-

лярник 1489 г., древнейший из ныне известных, — собрание образцов и правил сношений государей Всея Руси с монархами других государств. Лишь при царе Алексее Михайловиче появилась более полная и подробная версия этого дипломатического сборника. Помимо всех надлежащих случаев употребления *большой* и *малой* двусторонних печатей, различающихся по величине изображения и полноте титула, в Титулярнике 1672 г. упоминаются издавна бывшие в употреблении печати *воротная* (которую носили на шнурке, надетом на ворот, она же — *походная* 1489 г.?) и *кормленая*, или *кормчая*. На последней вокруг изображения, означенного «человек на коне с копьем колет змия», помещался государев титул<sup>10</sup>. Едва ли походная печать 1489 г. содержала то же изображение, что воротная 1672 г. — московский герб на груди двуглавого орла. Скорее она при более простом дипломатическом обиходе XV в. предназначалась для скрепления внутренних актов и предшествовала печати кормчей. А это косвенно свидетельствует о том, что грамотам на землю, имущество и «кормление» вполне приличествовала эмблема князей Московских, а двуглавый орел при Иване III и Василии III предназначался для представительства Государей Всея Руси, прежде всего во внешних сношениях.

И при Василии III Ивановиче, так и не получившем церковного венчания на власть, двуглавый орел по-прежнему оставался на оборотной стороне его печати. В годы правления Василия III (с 1505 по 1533) положение Государя Всея Руси оставалось весьма шекотливым, поскольку он, как старший сын Ивана III от его второго брака (с Софьей Палеолог), был приближен отцом уже после того, как прямой наследник престола Дмитрий-внук оказался венчанным на Великое княжение в 1489 г. Князь Дмитрий Иванович (1488—1509), сын соправителя Ивана III Ивана Ивановича Молодого (1458—1490) и внук Марии Тверской, в 1499 г. одиннадцатилет от роду попал в немилость к деду и в 1502 г. был заточен в одну из кремлевских темниц. Несмотря на царский титул, употребленный в договоре 1514 г. со Священной Римской империей, а также заслугу присоединения Пскова и Смоленска, оставшийся без венчания на самодержавие государь Василий III был вынужден пользоваться такими же печатями, что и его отец<sup>11</sup>.

Но даже при досадных особенностях своего положения Василий III олицетворял собой державу, ощутившую свою мощь при объединении обширных земель и избавлении от татаро-монгольской зависимости — державу, переживавшую подъем национального самосознания. Поэтому одно из трех произведений, составляющих так называемый «Филофеев цикл», и является посланием старца Филофея<sup>12</sup> самому Великому князю. Другое — «Послание»





нельзя самовольно отделиться от патриарха, хотя и униата. Напрасно ожидая возвращения императора и патриарха — важнейших представителей церковного авторитета — в лоно истинного православия, государь лишь в 1448 г. решился на самостоятельное поставление русским митрополитом рязанского архиепископа Ионы, а после его кончины в 1461 г. — ростовского архиепископа Феодосия. И с этого момента фактически оформилась автокефалия Русской Православной Церкви, пусть еще и не утвержденная формально. Несмотря на то что константинопольские патриархи и сумели после краха Византии убедить христианский мир в своем отказе от унии и приверженности Православию, дерзновенный поступок Василия Темного отразил общее отношение великороссов к греческой церкви. Объяснение создавшейся тогда ситуации мы находим в «Слове» Симеона, священноинока Суздальского<sup>13</sup>, развивающем следующие идеи: а) Русское Православие есть большее и высшее, нежели греческое; б) русский народ призван занять первенствующее положение в православном мире вместо греков; в) русский государь должен заступить в православной Церкви место византийского императора, осуществлявшего патронат над всеми православными христианами. Таким образом, давалось религиозное обоснование правомерности (по сути, уже подготовленной всем ходом исторических событий) принятия Государями Всея Руси титула «царь», первые попытки обладания которым отмечены еще при княжении Дмитрия Ивановича Донского.

Русские люди видели в титуле «царь» нечто большее, нежели аналог «самодержца, автократора». Уже утвердившийся титул «Государь и Великий князь Всея Руси» целиком и полностью отражал самодержавную роль наследственного главы государства в военно-политической и экономической областях управления страной. Но значение российского самодержца, после падения наказанной Богом Византии и некоторых других православных государств, стало простираться и на область духовную. Он становился не просто властелином крупной европейской державы, но ревнителем и хранителем вселенского Православия. В религиозном сознании людей XV—XVI вв. происходило осмысление нового положения России во всемирной истории, новой роли страны и ее самодержца, оказавшихся единственным оплотом истинной веры. Древнерусские книжники — как духовные, так и светские — пророчествовали о великом будущем России и выработали несколько «идеалов-образов», воплощенных в мистические формулы и объединенных общей теорией «Москва — Третий Рим»<sup>14</sup>.

Основой этих формул «Москва — Новый Царьград», «Москва — Новый град Константина» и, наконец, «Москва — Третий

Рим» послужило древнее учение о *странствующих царствах*, восходящее в христианской традиции к библейской книге пророка Даниила. Согласно его пророчеству, в земной истории человечества будет всего четыре царства, наделенные особой Господней Благодатью, но и четвертое падет под натиском сил Антихриста. Лишь после этого будет создано вечное царство Божие, «...которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»<sup>15</sup>. И книга пророка Даниила, и толкования на нее Ипполита Римского, Ефрема Сирина, Козьмы Индикоплова и некоторые другие были хорошо известны на Руси. В конце XV в. появился также перевод Третьей книги Ездры, содержащей аналогичные пророчества, а также несколько важнейших для русской общественной мысли произведений — предшественников «Филофеева цикла». Так, в «Русском Хронографе» 1512 г. выражена глубокая скорбь по павшим православным «благочестивым царствам» и с гордостью утверждено: «Наша же Российская земля растет и млает и возвышается...

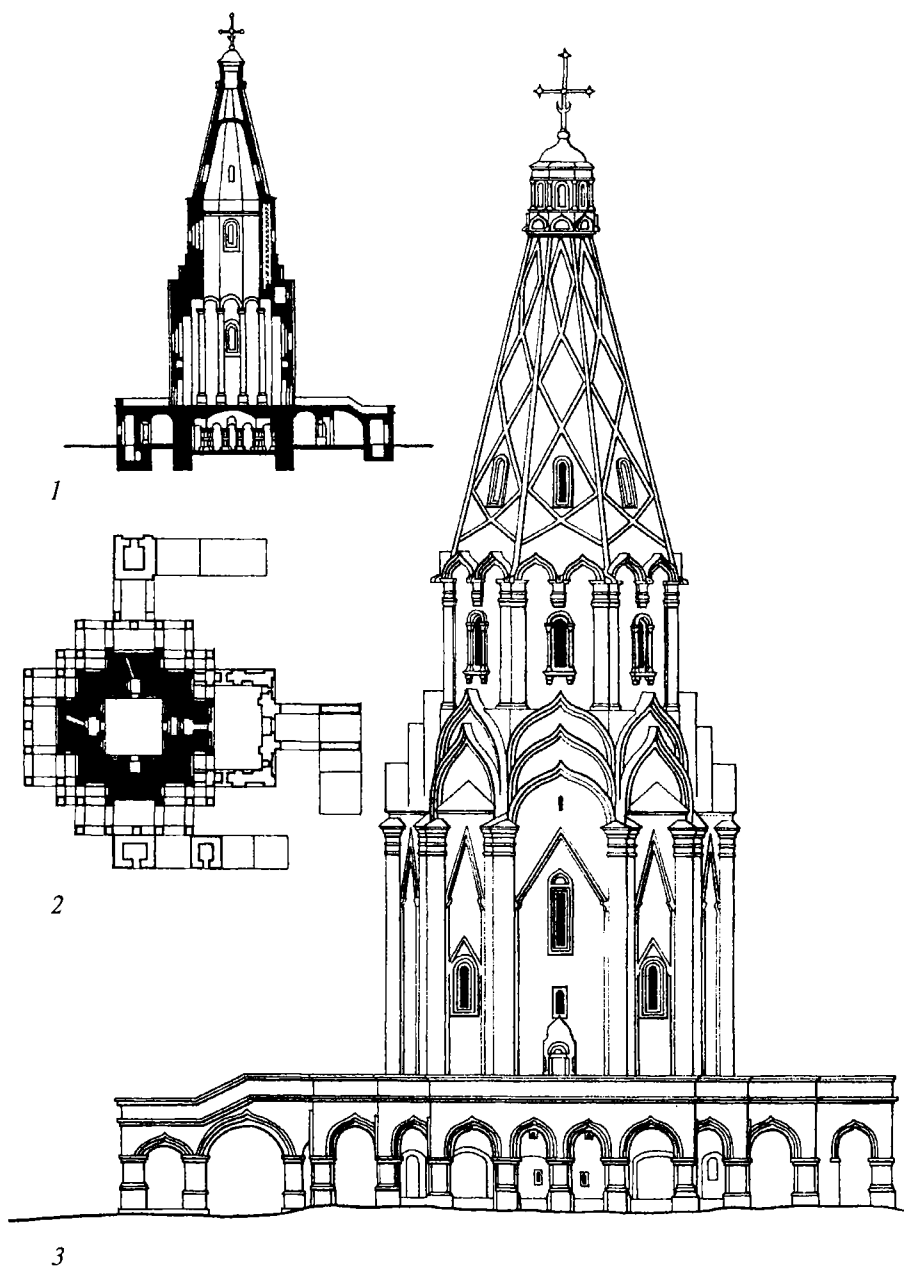
Если в западноевропейской христианской литературе образ «Рима» — скорее художественная аллегория, нежели религиозно-мистический символ, некий обобщенный принцип гражданского общества (одним из граждан которого стал и Иисус Христос), то на Востоке это — царство последних дней перед Вторым пришествием, Святое Царство Иисуса Христа, перемещающийся центр истинного христианства, существующий до самого конца истории. «Рим», или «Ромейское царство», в концепции старца Филофея не связывается ни с древней Римской империей, ни с Византией, ни с какими-то другими государственно-политическими границами. Это — «неразрушимое и недвижимое» царство истинного христианского Духа, правой Веры: «Яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчьским книгам, т. е. Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Старец Филофей придал образу Рима весьма своеобразное, по сути — национальное звучание, впервые связав ассоциировавшийся с католической традицией Рим с Московским государством. Приписывая апостолу Павлу слова «Рим — весь мир», он объединил понятия «сохранение чистоты апостольской Церкви — Московская Русь — весь мир»<sup>16</sup>.

Теория «Третьего Рима», в целом воспринятая и поддержанная приближенными к власти слоями духовенства и дворянства, практически становилась политической программой России XVI и последующих веков. Вследствие этого появилась необходимость в

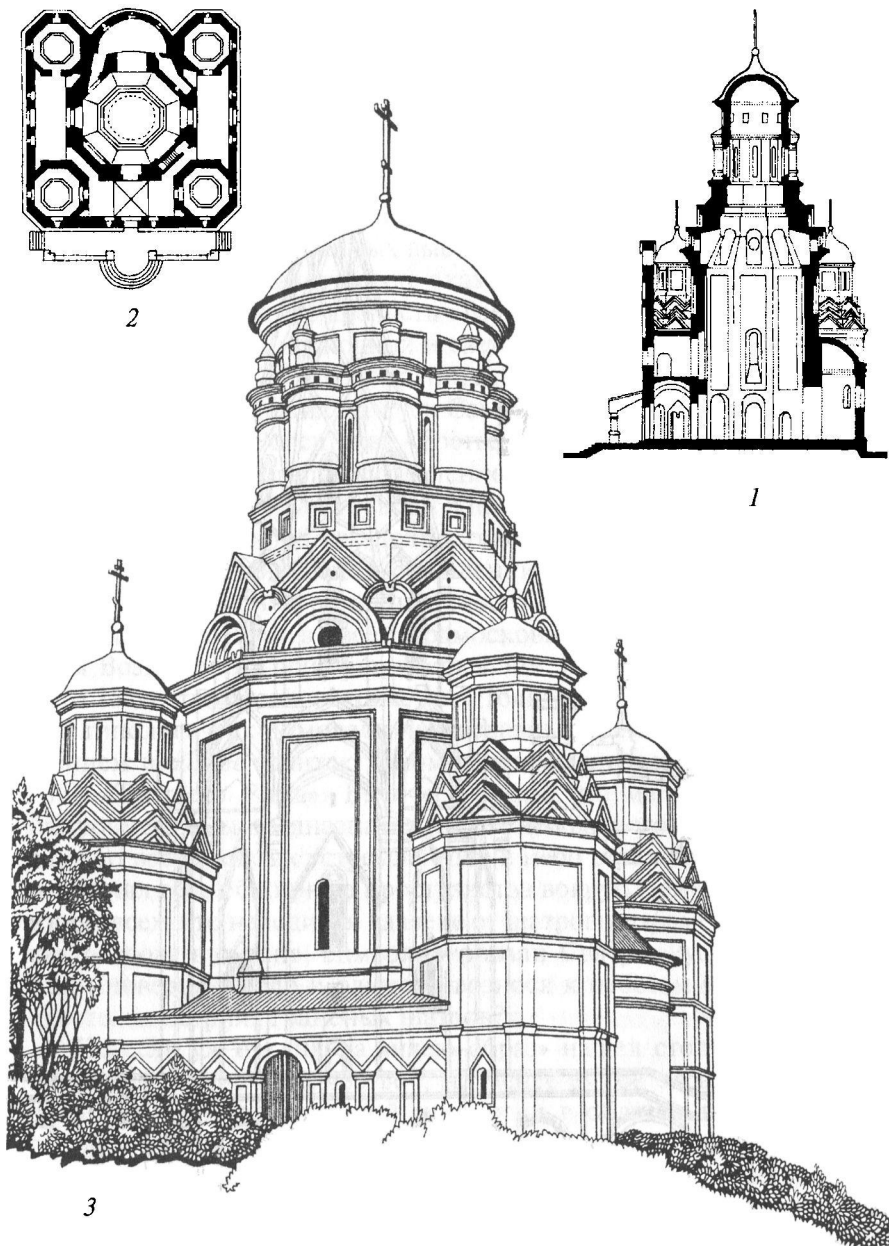
официальном принятии нового формуляра титулования Великих князей Московских, отныне становящихся «царями и самодержцами». К тому же оба эти титула оказались во второй половине XV в. свободными: с 1453 г. не существовало более византийских «самодержцев» (дословный перевод греч. *autokrator*), а «царями» на Руси называли владык Золотой Орды лишь до 1480 г. По мнению авторов «Филофеева цикла», повелитель «Третьего Рима» должен стать обладателем самых высших земных титулов, поскольку в этом священном качестве он оказывается выше всех остальных светских государей. Но крепость «Третьего Рима» не мыслилась вне прочного единства церковной и светской власти, ибо *царь и самодержец Всея Руси* — это исполнитель высшей, мистической миссии, которую возложил на Русь Сам Господь. Несмотря на то что идеальный образ России как «Третьего Рима» при всем своем своеобразии не пользовался в отдаленной перспективе подавляющим авторитетом, в XVI—XVII вв. он в полной мере обосновывал величие нашего Отечества как полностью самостоятельного и в политическом, и в религиозном отношении государства.

В ознаменование рождения своего сына и наследника Ивана Василий III воздвиг в своей подмосковной усадьбе Коломенское храм Вознесения Господня, открывший эпоху шатрового церковного зодчества Московской Руси. Появление принципиально новой типологической модели православных храмов явилось воплощением в *образе* архитектурном *образа* религиозно-политического — «Третьего Рима». Величественные, но малые по площади шатровые храмы предназначались для небольшого числа молящихся, в то время как их устремленный в небо стремительный силуэт подчинял себе обширные пространства вокруг, приковывал к себе взоры всех, кто находился вдалеке от шатровых храмов. Не они ли, как острова в океане, символизировали Святую Русь<sup>17</sup> в окружении иноверия, гордо и одиноко вознося к небесам православные кресты на остриях граненых шатров?

Но если уж отклик на «идею-образ» нашел столь впечатляющее воплощение в зодчестве<sup>18</sup>, не менее емкое отражение новой религиозно-государственной идеологии в области национально-государственной символики оказывалось неизбежным. Столь же неизбежным оказывалось и повсеместное распространение этой символики, близкой психологии поддерживающих трон духовного и служилого сословий, наглядно повествующей о новой миссии России и ее самодержца. Архитектурный символ своего времени, шатровый храм явил новую грань своей функциональности — он воспринимался монументальным алтарем для собиравшейся вокруг него большой массы простого народа<sup>19</sup>. А новый царский ге-



**Рис. 33.** Церковь Вознесения Господня в Коломенском. 1532 г.  
 1 — разрез; 2 — план наземного уровня; 3 — восточный фасад.



**Рис. 34.** Церковь Иоанна Предтечи в селе Дьяково под Москвой. 1547 г.  
 1 — разрез; 2 — план наземного уровня; 3 — южный фасад.

ральдический символ, помимо сфрагистики и монетного дела, традиционно должен был распространяться и в воинской символике. Но, как мы убедимся в дальнейшем, перенесения царственного двуглавого орла на воинские стяги еще не произошло — формы отражения новой религиозно-государственной идеологии оказывались сложными и неоднозначными.

Последовательно возвращаясь к русской архитектуре в контексте развития национальных знаковых систем, невозможно обойти вниманием расположенную рядом с Коломенским церковью Иоанна Предтечи в селе Дьяково. Она была воздвигнута в честь установления на Руси единой царской власти<sup>20</sup> в 1547 г. — ко времени принятия Иваном IV Васильевичем царского титула. По мнению многих искусствоведов, в этом храме запечатлен символический образ «града небесного» — установленной Господом иерархичности всего сущего, поэтапно растущего ввысь и в стройном порядке соединенного воедино по Воле Божией, выразителем которой становится вселенский православный царь. Существуют все основания предполагать церковь в Дьякове первой постройкой гениальных зодчих Бармы и Постника (по другой версии — зодчего Бармы Постника), предвещающей вершину их (его) творчества — храм Василия Блаженного в Москве. Вполне очевидно, что столь разительное изменение всей знаковости царских построек было рассчитано на утверждение новых религиозно-государственных принципов в сознании народа, прежде всего — дворянских и посадских слоев стольного града, служивших опорой Ивану IV в его борьбе с оппозиционным боярством. Той же цели должна была послужить и новая государственная символика, в формировании которой существенную роль, помимо произведений «Филофеева цикла», сыграло «Сказание о князьях Владимирских».

По свидетельству немецкого путешественника С. Герберштейна, посетившего Московскую Русь в годы правления Василия III, подданные Великого князя уже тогда считали: ...Воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией». Неудивительно, что «Сказание...» появилось в обстановке возрастающего политического значения России при всеобщем распространении среди населения страны указанных умонастроений. Поэтому за обеими легендами, составляющими его основу, скрывается не историческая реальность, а точно сформулированная национальная идея своего времени. По *первой легенде* все Рюриковичи, и следовательно Великие князья Московские, ведут свое происхождение от римского императора Августа<sup>21</sup>. Однако это утверждение может оказаться и не столь баснословным, учитывая возможное знакомство русских книжников XVI в. с не до-

шедшими до наших дней древними преданиями и летописями<sup>22</sup>. *Вторая легенда* доказывает, что царский венец, бармы (драгоценные оплечья царских одежд), золотая цепь, крест от Древа Распятия и принадлежавшая Августу сердоликовая шкатулка некогда были собственностью византийского императора Константина Мономаха и перешли к Великим князьям Владимирским и Московским через его внука — Владимира Мономаха. Таким образом, московским самодержцам принадлежат наследственные права как на мистический «Первый Рим», ибо они ведут свой род от Августа, так и на «Второй Рим» — поскольку владеют императорскими регалиями Константина Мономаха.

Легендами о князьях Владимирских государи Всея Руси перехватывали инициативу у западноевропейских монархов и их государств, также издавна претендовавших на «римское» религиозно-мистическое наследие. Кроме того, удревление генеалогии российских самодержцев на восемь с лишним веков диктовало Западу рассмотрение истории Руси в качестве неотъемлемой части общемировой истории, в которой ей принадлежит самое достойное место. «Сказание о князьях Владимирских» сразу же после его создания превратилось в настоящий катализатор общественно-политической жизни России. Оно использовалось в дипломатических и династических спорах, послужило вступительной статьей и к «Государеву родословцу», и к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г. Да и сам Иван Васильевич Грозный постоянно использовал аргументы «Сказания...» в своих религиозно-философских произведениях<sup>23</sup>.

Итак, формирование и приятие имперской по сути идеологической программы «Москва — Третий Рим» отразило осознание всеми социальными слоями великороссов богоизбранности собственного государства во главе со вселенским православным царем — выразителем Божией воли. Провозглашенная в Москве собором епископов в 1448 г. автокефалия Русской Церкви усиливала горделивую уверенность народа в богоданности его миссии по сохранению истинной веры на земле. Именно вобравшее в себя эти духовные постулаты религиозное сознание Руси явилось решающим фактором образования ее государственных символов. Бессмысленно изучать процесс становления российской геральдики вне проникновения в мистико-созерцательное миропонимание наших предков, к тому же рассматривать этот процесс с позиций глобализации информационных полей, формирующих сознание современное, преимущественно атеистическое. Исходя из признания глубокой (истинной или только приличествующей положению — не суть важно) религиозности государей Московских, во всех своих начинаниях опиравшихся на православную Церковь, становит-

ся легко объяснимым значение двуглавости коронованного<sup>24</sup> орла Ивана III и Василия III. Эта царственная птица, известная в окружении Рюриковичей с X в., украшавшая их одеяния на храмовых фресках, олицетворяла двойственную сущность власти на Руси — мирской и церковной, государственной и духовной.

Сконцентрированное выражение идеи «Третьего Рима» обрело свою графическую форму в гербе России, и мы сегодня можем достаточно точно определить время окончательного соединения в одном изображении всех геральдико-смысловых компонентов этого главного символа страны. Вскоре после победного завершения Казанского похода (1552 г.) в Москве была написана огромная (394×144 см) парадная икона «Благословенно воинство Царя Небесного», или «Церковь воинствующая». Большую часть горизонтальной иконной доски занимает разделившееся на три потока торжественное шествие пеших и конных воинов, идущих от горящей крепости (символизирующей покоренную Казань) к небесному граду Иерусалиму, олицетворяющему стольную Москву. Весьма показателен способ изображения конных полков, когда все внимание уделено исключительно всадникам, за соприкасающимися фигурами которых скрыты головы и шеи коней. Смысл иконы сложен и многозначен<sup>25</sup> — это и прославление первого русского царя Ивана IV Васильевича (чье портретное изображение верхом на коне помещено среди пешей рати), и победа Православия, и торжество христианской державы, и утверждение идеи великорусского самодержавия, наследующего величие Византии и Древнего Рима. Но слава победителя и его, приравненного к чину святых, воинства подчеркнута не только общей символичностью этого нетрадиционного сюжета, но и целым рядом конкретных деталей изображения.

Икона являет нам парадную сторону русской воинской символики середины XVI в., представленной двумя своими основными компонентами — стягами и гербовыми изображениями на разнообразных и многочисленных щитах. Анализ исторической достоверности изображенного начнем со стягов, сохранивших еще характерную для Древней Руси вытянутую треугольную форму. На трех стягах алые полотнища традиционно украшены золотыми православными крестами на Голгофе, с орудиями страстей Господних, заключенными в черные кольца, и лишь на четвертом, также алом, вокруг этого символа кольцо золотое. Тот факт, что на хранящихся в Оружейной палате знаменах стрелецких и солдатских полков, созданных уже в XVII в. геральдические клейма помещены в точно таких же кольцах, указывает на прямое родство традиций построения знамен реальных<sup>26</sup> и иконописных. Иными



словами, изображение на иконе воинских стягов скорее всего соответствует исторической действительности. Тогда подобный тип стягов явился переходным этапом между древнерусскими треугольными полотнищами небольших размеров и прямоугольными знаменами XVII в., многие из которых были к тому же обшиты широкой цветной каймой. Ее предтечей можно считать *внутреннюю тонкую (нитяную) кайму*<sup>27</sup>, золотящуюся на иконописных стягах, где она помещена параллельно древку и верхнему горизонтальному краю полотнища, оканчивающегося длинной косицей.

Ключевым доказательством достоверности изображенных на иконе вексиллологических и геральдических реалий середины XVI в. нам представляется фигура знаменосца, скачущего во главе нижнего от зрителя конного полка. Мы видим не причисленного к сонму святых воина в стереотипных иконографических одеяниях, а вполне конкретного ратника в **стеганом тегиле**<sup>28</sup>, пусть весьма условно изображенном. При сопоставлении этого факта с очевидным отсутствием изображений других характерных для того времени доспехов — *байдан, куяков, бахтерцов, юшманов* и конских *чалдаров*<sup>29</sup>, более того — при сопоставлении даже с относительной немногочисленностью традиционных для иконописания золоченых пластинчатых или чешуйчатых доспехов, можно сделать следующий вывод. Несмотря на сложную теологическую составляющую сюжета он достаточно прост: перед нами картина одновременно эпохальная и хроникальная. Победное возвращение царских полков со Средней Волги в Москву происходило глубокой осенью 1552 г., когда теплая одежда оказывалась куда нужнее брони. Недаром у следующего за знаменосцем всадника из-под алого плаща выглядывает короткий хитон (тельник) из горностаевого меха<sup>30</sup>, и подобных ему **меховых** разноцветных одеяний можно насчитать достаточно много. Поэтому-то тегилей в данном примере представляет как раз теплое сезонное, а не боевое облачение воина. И пусть такие «документально-хроникальные» оказии не сразу бросаются в глаза, затерявшись в массе иконографических стереотипов, они далеко не случайны.

К свидетельствам достоверности изображенного на иконе можно отнести типологию древкового оружия, седел и щитов. У сотен поднятых над полками копий тщательно выписаны их массивные стальные наконечники — и узкие *четырёхгранные* (особенно в строю пешей рати), и *ромбовидные, лавролистные* и *широкие клиновидные* — именно такие, какие (на основании археологических данных) применялись русскими воинами XV—XVII вв. Низкая и отлогая задняя лука русских седел не стесняла столь необходимый при скоротечных стычках со степняками поворот всадника в седле, что

также полностью соответствует исторической действительности. И наконец, при ярком разнообразии многочисленных щитов, в том числе и небольших по размеру кулачных<sup>31</sup>, нельзя пройти мимо одной малозаметной, но существенной детали — *бахромы*, свисающей с нижних краев («венцов») некоторых из них. Казалось бы, ну что могут добавить к торжественной многофигурности и красочности всей композиции эти маловыразительные ряды темных штришков? Мы убеждены: они придают ей дополнительную достоверность. К сожалению, на сегодняшний день о бахроме боевых щитов на Руси практически ничего не известно, и образцы подобного украшения можно встретить лишь на немногих из сохранившихся парадных щитов<sup>32</sup>. Но обнаружение этой характерной принадлежности национального боевого убранства заставляет шире взглянуть на подлинные традиции отечественной геральдики.

Опираясь на вышеназванные особенности иконы «Благословенно воинство Царя Небесного», мы можем вполне обоснованно полагаться на историческую достоверность представленных на ней гербовых щитов. Прежде всего, их форма и размеры полностью соответствуют известным на Руси образцам этой все еще актуальной в середине XVI в. принадлежности защитного вооружения. Круглые, треугольные, трапециевидные и миндалевидные («русские») щиты на всем протяжении XIII–XVI вв. уверенно сосуществовали в отечественном военном обиходе, причем предпочтение, отдаваемое какому-нибудь одному из этих типов, носило лишь временный характер. Изображения всех указанных типов щитов встречаются в миниатюрах древнерусских богослужебных книг и лицевых летописных сводов, на клеймах целого ряда житийных икон, что подтверждает стабильность их формы. Весьма показательным является отсутствие у русского воинства не только фантастических, но и реально существовавших асимметричных вырезных западноевропейских тарчей, безусловно известных на Руси вследствие постоянных военных конфликтов с ливонскими немцами и польско-литовскими недругами. Этот факт, как и традиционная для иконописи трактовка русских доспехов, свидетельствует об отсутствии зарубежного влияния на изображение воинов Ивана Грозного, что исключает и саму мысль о возможности перенесения рисунка их гербовых эмблем из какого-нибудь западноевропейского источника в композицию иконы. Здесь мы впервые сталкиваемся с удивительным разнообразием этих эмблем, подтверждающим (вопреки сложившимся представлениям) существование самобытного **геральдического обычая** в Московской Руси уже в XVI в.<sup>33</sup>.

Признание факта существования, по крайней мере с конца XV в., устойчивого геральдического обычая в московских княжес-

ко-боярских и дворянских кругах не только отодвигает в глубь веков начальный этап зарождения и развития отечественной геральдики в целом, но и позволяет рассматривать появление и эволюцию государственного герба России в естественных условиях этого общенационального процесса. Читатель вполне согласится с тем, что никем еще до сих пор не опровергнутая версия о начале широкого распространения гербов в нашей стране лишь со второй половины XVII в. плохо согласуется с бесспорным фактом окончательного выбора основных эмблем государственного герба уже ко времени Ивана III. Некритичное согласие с указанной версией означало бы, что государев герб в качестве непонятной диковинки влачил одинокое существование с 1470—1490 гг. вплоть до появления Титулярника царя Алексея Михайловича (1672 г.) или даже до создания Петром I Герольдмейстерской конторы в 1722 г. Но нет же — на двух десятках щитов в колоннах «Церкви воинствующей» помещены однозначно распознаваемые гербовые эмблемы, геральдическое совершенство которых ни в чем не уступает их западноевропейским современникам. Детальное рассмотрение этих уникальных русских гербов (пусть даже «предгербов») далеко выходит за рамки нашей темы<sup>34</sup>, однако в сохраненном иконописью представительном ряду орнаментальных, геометрических и зооморфных гербовых фигур оказались и два сдвоенноголовых некоронованных орла — один золотой, другой — черный. Иконография этих птиц близка изображениям на печатях Ивана III и Василия III, лишь более удлинённые пропорции фигур позволяют им лучше вписываться в поле гербового щита. Едущий на коне в окружении пешей рати Иван IV Васильевич держит в руках удлинённый крест, в то время как на щитах «пешцев» помещены разнообразные, еще не разгаданные нашей наукой индивидуальные (родовые?) эмблемы. Но нигде в представленной на иконе воинской символике не просматривается изображение московского «ездеца», что может лишней раз свидетельствовать о сугубо светском характере этой эмблемы, в то время как символика стягов и различные эмблемы на щитах самим своим присутствием на иконе признавались священными.

Наличие изображений двуглавого орла на щитах русских воинов однозначно свидетельствует об уже распространившемся на Руси особом отношении к этому символу. Одно только включение этой царственной фигуры в русскую воинскую символику придает ей по геральдическим меркам статус *герба* независимо от использования ее на государственных печатях. Но как сам государственный герб вобрал в себя миропонимание великороссов XV—XVI вв. так и толкование его смысла оставалось в рамках религиозных тра-



Рис. 35. Фрагмент иконы «Благословенно воинство Царя Небесного». Москва, 1550-е гг. (прорисовка автора).

дий своего времени. Двуглавие коронованного орла, следуя логике развития русской религиозно-философской мысли, могло символизировать Россию и «Ромейское царство» — неразрывно связанные между собой реальное государство и уготованную Божиим Промыслом духовную миссию единственного хранителя и защитника истинной веры до конца истории. Не оттого ли вплоть до XVII в. полотнища стягов были отданы исключительно священным образам и символам, которые уступили место геральдическим клеймам лишь при усилении светского начала государственной власти? И не потому ли родовая геральдика православного воинства, предводительствуемого самим Архистратигом Михаилом<sup>35</sup>, увековечена именно иконой, а не каким-либо гражданским законодательным актом?

И при отце, и при деде Ивана IV Васильевича изображения сакрального двуглавого символа и поражающего змия конного копейщика существовали порознь, хотя и на одной печати. В начале 1560-х гг. первый русский царь произвел своеобразную реформу официальной сфрагистики, в результате которой образовался устойчивый тип особой *государственной печати*. «Того же



Рис. 36. Печать Ивана IV Васильевича. 1562 г. Лицевая и оборотная стороны.

году (1562. — А. С.) февраля в 3 день царь и великий князь печать старую меньшую, что была при отце его великом князе Василии Ивановиче, переменял, а учинил печать новую складную: орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоеглавной, а среди его инърог»<sup>36</sup>. Скрепляющая договор с Данией от 7 августа 1562 г. государственная печать положила начало устойчивой традиции государственной символики, продолженной всеми преемниками Ивана Грозного — Федором Ивановичем, Борисом Годуновым, Дмитрием Самозванцем, Василием Шуйским, Михаилом Федоровичем Романовым и Алексеем Михайловичем. Двуглавый орел стал основной фигурой государственных печатей всех царствований XVI—XVII вв., занимая и лицевую, и оборотную стороны. Он помещался в центре концентрических кругов, образованных начертанием полного титула царствующего российского самодержца.

Но важнейшей особенностью государственной печати 1562 г., явившей миру окончательную композиционную модель существующего по сей день герба России, оказалось помещение московской великокняжеской эмблемы в картуше на груди двуглавого орла. Произошло не просто механическое воссоединение двух сторон печатей Ивана III, Василия III и первых лет царствования самого



Ивана IV Васильевича — завершился очередной этап автономного процесса становления и развития отечественной геральдики. Традиция изображения династической эмблемы, как нам уже известно, существовала на Руси уже в XIII в. (герб Владимирской державы), а размещение сакральной фигуры на груди парящей птицы и вовсе принадлежит к культурной традиции народов Подунавья и Северного Причерноморья первых веков нашей эры<sup>37</sup> Сама форма картуша с московским великокняжеским гербом свидетельствует о несомненном знакомстве резчика печати с европейской геральдикой того времени. Однако единая комплексная фигура, состоящая из коронованного двуглавого орла и этого картуша, приобрела собственное оригинальное значение, качественно отличающееся от отдельно взятых и механически суммированных значений этих объединенных символов. Данное смысловое свойство новообразованного герба позволяет увидеть в его ставшей классической композиции отражение русской иконописной традиции, абсолютно независимой от западноевропейского геральдического опыта.

Отдельно взятый коронованный двуглавый орел в русской редакции конца XV — начала XVI в. символизировал огосударственное вселенское православие во главе с царем — исполнителем Воли Божией. Герб Московского великокняжеского рода оставался всего лишь династическим символом, одним из многих в средневековой Европе. Но именно помещение этого символа на груди орла явилось буквальным графическим воплощением религиозно-философской мо-

дели «Москва — Третий Рим». Сам же двуглавый орел — издревле известный на Руси — благодаря несомой им московской символике приобрел ярко выраженное национальное звучание, отличающее его от двуглавых символов иных государств. Да и великокняжеская эмблема соответственно преобразилась — она стала перерастать в герб благословенного града, стольное значение которого изначально (с 1326 г.) было освящено собором Успения Богородицы — небесной защитницы Земли Русской<sup>38</sup>. И в иконографии образа Богоматери, на наш взгляд, лежит разгадка появления московского гербового картуша на груди не менее значимой гербовой фигуры.

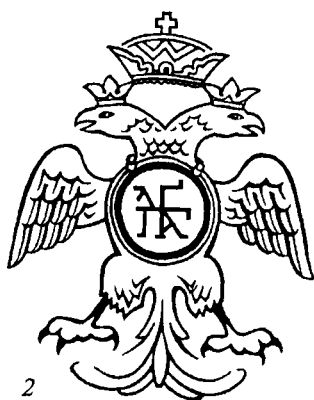


**Рис. 37.** Запрестольная икона Богоматерь Знамение. Москва., XVI в. (прорисовка автора).

Изображение Богоматери в позе Оранты — с воздетыми в молении руками и с образом Младенца Христа на груди, относится к древнейшим и наиболее почитаемым образам как на Руси, так и в других странах Византийского мира. Впервые подобные изображения появились в настенных росписях римских катакомб на рубеже IV–V вв., где Богоматерь была представлена стоящей в полный рост. Для Руси наиболее характерным стало поясное изображение Богоматери, и здесь данный иконографический вариант получил наименование *иконы Знамение* (др.-русск. — чудо, пророческий знак). В 1170 г. новгородская икона Знамение помогла одержать победу над войском суздальцев<sup>39</sup>, и с тех пор подобные ей запрестольные выносные иконы Знамение считаются заступницами от нашествия врагов. Не менее известна и икона начала XIII в. «Богоматерь Великая Панагия» (хранящаяся ныне в Третьяковской галерее), иконография которой восходит к древним византийским образцам. На Великой Панагии, как и на многих иконах Знамение, поясное изображение Младенца Христа заключено в *круг славы (мандорлу)*, светящийся на груди Богородицы. В отличие от наиболее распространенного и любимого на Руси иконографического типа *Умиление*, когда припавший к щеке Богородицы Младенец сидит на ее правой руке, тип Знамение основывается на зримом символизме христианского догмата. Он означает неизреченное нисхождение на землю Господа и воплощение Его от Приснодевы и Духа Святого. Самостоятельность священного образа Эммануила (Иисуса Христа во младенчестве) подчеркнута изображением Его внутри особой символической фигуры — круга славы. Но вместе с тем Младенец составляет сокровенную сущность Богородицы, отчего круг славы располагается на ее груди, в области сердца. Недаром и в западноевропейской геральдике щиты небольшого размера с наиболее значимой символикой, расположенные в центре основного гербового щита, получили со временем название *Herzschilde — сердцевые щиты*. Смысловое единство *Herzschild* и щита на груди священной царственной птицы позволяет и его называть *сердцевым* — вместилищем важнейшей эмблемы.

Как явствует из приведенного рисунка родовой эмблемы Палеологов, не совсем справедливо называемой в научной литературе «гербом»<sup>40</sup>, на груди увенчанного тремя коронами византийского орла помещен диск с греческой монограммой императорской фамилии. Возникновение подобного наложения меньшей по размеру эмблемы на более крупную объясняется активным проникновением композиционных приемов иконописания в светскую





1

2

Рис. 38. Иконографические корни сердцевидного щита на груди двуглавого орла.

1 — фрагмент иконы Великая Панагия. Ярославль, начало XIII в. (прорисовка автора); 2 — родовой знак Палологов. XV в. (по В. И. Лавренову).

символику. Область сердца царственной птицы, с XII—XIII вв. служившей отличительным знаком принадлежности к высшей аристократии, оказывалась единственно достойным местом размещения родовой эмблемы-монограммы базилевсов. Послужило ли это изображение образцом для Ивана IV Васильевича (если, конечно, оно вообще проникло на Русь к XVI в.), или мы столкнулись здесь с двумя независимо друг от друга проистекавшими процессами переосмысления привычного в те времена иконографического типа, не столь важно. Гораздо важнее подчеркнуть наличие *сердцевого щита* на груди гербового орла, а также превращение его в *картуш*, что свидетельствует о достаточно высоком уровне геральдических знаний при дворе русского царя. Герб, как уже говорилось выше, рождается лишь в кругу осведомленных о существовании геральдики людей, только заинтересованность в увековечении средствами геральдики могучей национально-государственной идеи обеспечивает живучесть такого герба при неизбежной динамике его частичных модернизаций. И по тому, как происходило становление московской (а фактически — общенациональной) великокняжеской эмблемы, как часто в различных землях Руси вспоминался державный владимирский лев, сколь явственно в ходе наших изысканий обнаруживается присутствие отличительных знаков и эмблем на щитах русских воинов, можно с достаточной уверенностью говорить о древних корнях и распространенности в Московской Руси самобытных традиций воинской и государственной символики.

Разумеется, эти обычаи наших предков не были прямым аналогом геральдических традиций Западной Европы, постепенное знакомство с которыми сближало отечественную символику с внешними формами (но не правовой основой) европейских гербов. Одним из таких заимствований оказался картуш, став на период с XVI по XVIII в. единственным типом как великорусских, так и иных гербовых щитов. Зафиксированная в памятниках культуры хронология его распространения в России весьма показательна, ибо свидетельствует о тенденции заимствования преимущественно внешних декоративных форм, нежели базовых принципов семантики и функциональных особенностей привлекших внимание иноземных образцов.

В Западной Европе картуш стал основой герба вскоре после того, как вышли из боевого употребления рыцарские щиты. Не повторяя форму этой древнейшей детали защитного вооружения, картуш на новом этапе развития геральдики продолжил уже сложившуюся к тому времени традицию — в его поле перешли все гербовые фигуры из поля боевого щита. Уже с XIII—XIV вв. тяже-

лый щит удлинённых пропорций резко уменьшился в размерах, оставаясь защитой лишь для левой стороны груди, плеча и руки. Дальнейшее усовершенствование боевого доспеха привело к тому, что маленький щиток — *тарч*, крепящийся с помощью ремня на левом плече всадника и высвобождающий его держащую поводья левую руку, стал приобретать сложную асимметричную форму. Затем при утяжелении цельнокованых «готических» лат, окончательно утратив боевую значимость, кожаный тарч стал попросту привязываться к пластинам турнирного доспеха, превратившись в мишень для удара копьем на ристалище. Эти кожаные налатные тарчи, разлохмаченные ударами турнирных копий, давали пищу художественной фантазии современников. Ей мы обязаны трактовкой гербового картуша в виде куска пергамента замысловатой формы, надорванные концы которого скручены наподобие волют в архитектурном декоре<sup>41</sup>.

Одновременно с утратой щитом своего значения на полях сражений и постепенным усложнением турнирного ритуала появился *щит геральдический* — красочный, декоративный аналог боевого рыцарского тарча, предъявлявший индивидуальную или родовую символику участника турнира. Оруженосцы или пажи, несущие и охраняющие это произведение уже не оружейников, а художников, послужили в позднейшей геральдике Запада и России прототипом *щитодержателей* (щитодержцев). Навечно отделившись от своего боевого предшественника, условный геральдический тарч стал объёмным материальным воплощением гербового изображения, известного по *Wappenrolle* — «гербовым свиткам» XIV в. и целиком перешел в зависимость от современной ему художественной моды. В XVI, XVII и XVIII вв. эта мода диктовала ему форму картуша.

Но детальное знакомство московских людей XVI в. с западноевропейской геральдикой отнюдь не исчерпывается заимствованием формы картуша для помещения в нем ездока-копейщика на груди двуглавого орла. Историкам давно известны княжеские *печатники*, летописные сведения о которых восходят к первой половине XIII в. Значение этих приближенных к власти должностных лиц трудно переоценить, поскольку именно они следили за состоянием грамот и прикладывали к ним соответствующую печать, что расценивалось как акт личного подтверждения князем данного документа. Несмотря на то что печатникам нередко приходилось хранить казну, участвовать в государственном совете и военных походах, основной их обязанностью оставалось приложение княжеской печати к различным грамотам, отпискам, судебным актам и другим бумагам, а также сбор установленной за это по-

шлины<sup>42</sup>. Известны имена многих печатников, игравших видную роль при дворах великих князей и царей Всея Руси. Сохранились сведения и о *Печатном приказе*, однако до сих пор никто еще не рассматривал герольдмейстерский аспект их деятельности. Но бережение собственно великокняжеской печати и дипломатическая переписка с иностранными государями обязывала печатников тонко разбираться в вопросах символики, что и доказано геральдическим уровнем увековеченной в печатях Ивана IV Васильевича государственной символики России. В предстоящих исследованиях истории великорусской геральдики должна быть освещена именно герольдмейстерская деятельность печатников Ивана Грозного — Ивана Михайловича Висковатова, Романа Васильевича Олферьева, Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых, имевших самое непосредственное отношение к появлению новых царских печатей и, следовательно, к выработке их символики.

Только глубоким познанием геральдических правил и традиций можно объяснить особенности рисунка печати царского наместника в Ливонии, появившейся в 1564 г. Весьма прискорбно, что никогда прежде не уделялось внимания очевидным свидетельствам герольдмейстерской зрелости ее создателей. Но признание



Рис. 39. Печать царского наместника в Ливонии. 1564 г.

этого факта расходилось бы с насаждаемой версией о поздних (с конца XVII в.) началах отечественной геральдики, да и гербоведческая подготовка многих публикаторов оставляет желать лучшего. Знакомый уже по предыдущей гербовой печати 1562 г. двуглавый орел с картушем на груди опирается обеими лапами на о п р о к и н у т ы е гербовые щиты («клейна») побежденных к тому времени в ходе Ливонской войны (1558—1583) магистра Ливонского (под правой лапой) и епископа Дерптского (Юрьевского — под левой)<sup>43</sup>. Обычай выставлять на всеобщее обозрение перевернутый щит рыцаря, бежавшего с поля боя, был широко распространен в средневековой Западной Европе. Связь герба с живой личностью его владельца представлялась настолько естественной, что за нарушение правил рыцарской чести палач мог отрубить угол щита виновного, нередко в гербы запятнавших себя бесчестным поступком вводились бесхвостые фигуры о п о з о р е н н ы х зверей. Широкое распространение получил и обычай «похорон герба», когда в могилу последнего представителя угасшего рыцарского рода опускали его расколотый шлем и гербовый щит<sup>44</sup>.

Вполне очевидно, что создатели рисунка наместнической печати 1564 г. были достаточно осведомлены о всех этих традициях — без знания подобных тонкостей геральдического художества было бы просто невозможно в столь лаконичной форме запечатлеть победу российского самодержавия над конкретными феодальными властителями. При этом гербовые эмблемы побежденных военных противников — магистра и бискупа — опозорены не были, они сохранили достойное положение. Принять изображение опрокинутых щитов случайностью или ошибкой резчика означало бы представить игрою случая всю тщательно продуманную символику печати. Дополнительным свидетельством глубоко продуманного использования каждого знакового элемента этой печати становится помещенный между коронованными главами российского орла православный крест «на Голгофе». Сопровожденный кириллическими инициалами ІС ХС, он возвещает грядущее торжество истинной веры в «дединах и отчинах» государя Всея Руси, некогда захваченных латинянами. Но не только этим ограничивается функция священного символа. Вспомним, что именно крест «на Голгофе», нередко с орудиями Страстей Господних, постоянно изображался на древнерусских стягах. Возможно, в представлении современников он выступал в роли единого символа православного воинства. Впервые появившись в межглавии орла в ситуации, когда успех политический (к сожалению, недолгий) был достигнут именно военным путем, традиционный воинский символ Руси недвусмысленно дополнил герб Державы-победительницы.

Царские печатники в полной мере владели геральдическими знаниями своего времени и для создания «клеин» Ивана IV Васильевича им незачем было приглашать иноземных мастеров. Достаточным подтверждением этого факта, помимо вышеприведенного анализа рисунка печати 1564 г., послужит сравнение «государевых клеин» с западнорусскими гербами последней трети XVI в. Они также облечены в форму уже усвоенного москвичами гербового картуша, но содержат немалое количество уникальных гербовых эмблем — уже упоминавшихся выше прямых наследниц древних родо-территориальных знаков славянских племен. Именно такая эмблема сохранялась в гербе западнорусского рода Рагоз, к которому принадлежал первопечатник Иван Федоров. На сегодняшний день это старейший из обнаруженных герб русского дворянина, оставившего яркий след в истории России<sup>45</sup>.

Происхождение мастера, сыгравшего исключительную роль в становлении книгопечатания на Руси, в Великом княжестве Литовском и на Украине, оставалось неизвестным до тех пор, пока в 1935 г. блестящий русский геральдист В. К. Лукомский не подтвердил выдвинутую еще в первой половине XIX в. гипотезу о принадлежности И. Федорова к старинному дворянскому роду Рагоз по рождению или по приписке<sup>46</sup>. Но изданный в 1564 г. московский Апостол еще не был отмечен гербом первопечатника, появившимся лишь во львовском издании этой книги. Заключенный в причудливый картуш, родовой знак Рагоз, предположительно восходящий к древнейшим символам шествующей или плывущей птицы<sup>47</sup>, совместно с помещенным в таком же картуше средневековым гербом Львова включен в издательский знак «Иоанна Федоровича друкаря москвитина». Отсутствие короны над дворянским гербом И. Федорова объясняется существовавшим в те времена во всех русских землях запретом на занятие ремеслом дворян, живших в городах. Угроза потери дворянских привилегий была существенна, однако свое письмо курфюрсту Августу Саксонскому москвитин Иван Федорович скрепил собственной гербовой печатью с дворянской короной достоинства<sup>48</sup>.

Львовский Апостол довольно точно воспроизводит московское издание, однако имеет и целый ряд отличий. Помимо издательского знака, в этой книге помещен герб Григория Александровича Ходкевича — православного вельможи Великого княжества Литовского, ставшего меценатом Ивана Федорова и Петра Мстиславца после их отъезда из Москвы. В этом гербе сошлись во едино и древнейший славянский родо-территориальный знак<sup>49</sup>, и литовская великокняжеская эмблема «Погоня», и две другие геральдические эмблемы. Последние (возникающий над мурованной

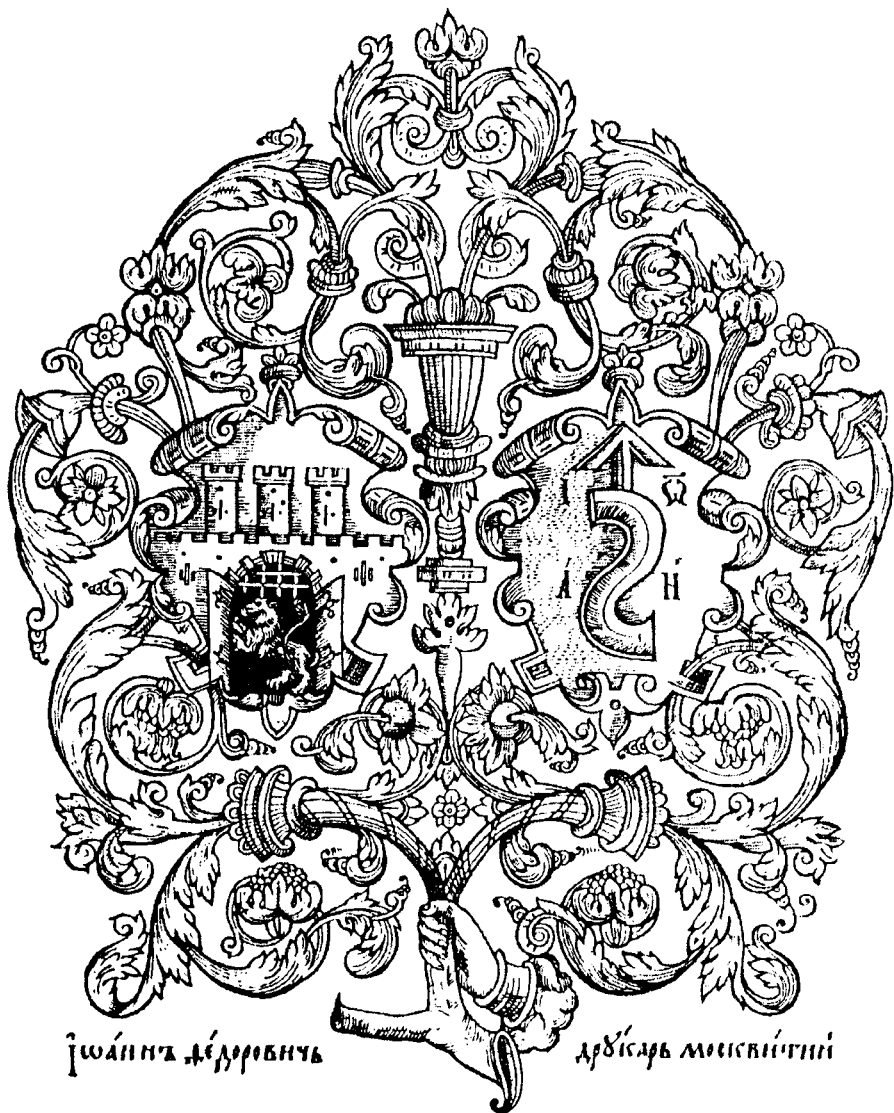


Рис. 40. Издательский знак Ивана Федорова из его Апостола. Львов, 1574 г.



Рис. 41. Герб Григория Ходкевича из Учительного Евангелия. Львов, 1569 г.

стенной лев и сопровождаемое оторванными плодами парящее стропило), как и четверочастное деление *рассеченного и пересеченного* гербового поля, имеют явное западноевропейское происхождение. Ему же обязан своим присутствием в гербе Г. А. Ходкевича условный геральдический шлем с едва намеченным клейнодом (нашлемником) — фигура достаточно непривычная для русского гравера. Зато неформальная трактовка гербового картуша с надорванными и закрученными краями оказалась стилистически близкой обрамлению из фантастических растительных форм — не столько выполняющему чуждую славянским традициям роль *намета*<sup>50</sup>, сколько усиливающему декоративно-художественную привлекательность барочного герба.



Из Львова «друкарь москвитин Иоанн Федорович» переехал в Острог — резиденцию князя Константина Константиновича Острожского, воеводы Киевского, соратника Г. А. Ходкевича в борьбе с унией на Украине. Там первопечатник переиздал свой львовский «Букварь» — первую русскую печатную книгу светского содержания. В ней, как и во всех изданных в Остроге книгах, помещен герб князя Острожского. Сложной формы *вырезной гербовый щит с элементами картуша* рассечен и пересечен. В первой четверти — поражающий змия конный святой Георгий как вероятное следствие бытовавшей вплоть до XIX в. легенды о происхождении Гедимины от рода Рюрика, но скорее — знак родства Гедиминовичей и Рюриковичей (Ольгерд Гедиминович был женат на Марии Тверской, дочери Великого князя Тверского Александра Михайловича — прямого потомка Юрия Долгорукого, чьим небесным патроном был святой Георгий). Во второй четверти гербового щита — великокняжеская литовская «Погоня» как свидетельство происхождения князей Острожских от Федора Даниловича, сына Вондата (в крещении — Даниила?) и внука Великого князя Литовского Кейстута Гедиминовича<sup>51</sup>. В третьей четверти помещен сам родовой герб Острожских, состоящий из двух польских гербовых эмблем Огоньчик и Лелива<sup>52</sup>, в четвертой же четверти находится еще один древний комбинированный родо-территориальный знак<sup>53</sup>.

Как явствует из сложного состава помещенных в княжеском щите гербовых эмблем, имеющих древнее и средневековое общерусское происхождение<sup>54</sup>, западноевропейское влияние на формирование русских гербов сказывалось прежде всего на их внешней форме и числе составных частей. Возникший на Западе не позднее XIV — начала XV в. и проникший на русскую землю через Польшу обычай деления поля гербового щита для помещения в нем нескольких самостоятельных гербовых эмблем был живо воспринят русско-литовской аристократией. Таким образом становилось возможным представить в своем гербе значительный объем геральдически выраженной информации о связях своих родов с великокняжескими и царскими династиями, о происхождении и числе своих земельных владений, о наследственных претензиях и т.д. То же влияние побуждало представителей западнорусского дворянства увенчивать свои гербовые щиты типичными для геральдики XVI—XVII вв. решетчатыми шлемами — общепринятыми в германоязычных странах свидетельствами рыцарского достоинства, форма которых отражала совершенно чуждый православной части Литвы и Украине, не говоря уже о Руси, турнирный обычай — состязание на булавах<sup>55</sup>. Не рассматривая далее другие случаи типографского воспроизведения русских и русско-литовских гербов



последней трети XVI в. подчеркнем главное: полностью соответствующее общественно-политическим задачам и внешним формам своего времени, последовательное развитие русской геральдики подтверждалось *опубликованием* в церковных и светских книгах *родовых гербов русских православных людей*, пусть и принадлежавших к сформировавшемуся на территории польско-литовского государства западнорусскому дворянству. Независимо от меры воздействия на их жизнь культурных традиций Западной Европы и Польши они целиком принадлежали русскому православному миру, отстаивая его духовную самобытность в борьбе с католицизмом и унией.

Мы уверенно относим указанные гербы к явлениям русской православной культуры, поскольку отношение к ним если и не самих владельцев, то окружающих резко отличалось от характерного для западноевропейских стран. Когда Запад уже уверенно видел в родовом гербе традиционный правовой знак привилегированного сословия, Русь (православная Литва, Украина и Великороссия) воспринимала его своеобразным свидетельством подвигов на *бранном и духовном* поприще. При этом сами гербовые фигуры выступали порой в качестве наглядных свидетельств трудов, побед и страданий отмеченных гербами героев, будучи скорее воплощением поэтических образов, нежели условными изображениями со строго очерченными геральдическими функциями. И сейчас трудно определить — в какие конкретные формы могло бы вылиться это явление общерусской культуры, будь оно ограждено от постоянного влияния более прагматичной модели западноевропейской геральдики. Одно остается несомненным — сколь бы наивным с позиций сегодняшнего дня ни показался поэтический подход к гербам соотечественников и единоверцев, в нем сокрыто многое из того, что может обеспечить самобытной отечественной геральдике путь к всеобщему пониманию и признанию. Ведь ставшие уже в XVII в. массовым явлением подробные стихотворные толкования западно- и великорусских гербов в подражание Западу сменились в конце XVIII в. сухой и неуклюжей прозаической констатацией уже изображенного. И из этих описаний исчезли и красота, и одухотворенность<sup>56</sup>.

Но вернемся к царской символике — печати 1562 г. Ивана IV Васильевича. На оборотной ее стороне грудь гербового двуглавого орла также накрыта картушем, как и на лицевой стороне, но вместо ездоца-копейщика в нем изображен «инрог» — единорог. За неожиданным появлением этого на первый взгляд неведомого Руси символа скрывается обширная, загадочная и во многом еще неисследованная история.

Изображение единорога в качестве почитаемого священного образа впервые появилось в долине Инда в III тыс. до н. э., а символика этого удивительного зверя отражена в «Атхарваведе» (в мифе о потопе, во время которого первопредок людей Ману привязал свой корабль к его рогу) и в «Махабхарате». В этих ранних традициях единорогу принадлежало тело быка, и лишь в более поздних появилось тело лошади или козла. Но с самого своего появления единорога отличал наиболее характерный признак — наличие одного длинного рога прямо на лбу. В процессе расселения индоевропейских племен на просторах Евразии мифы о единороге были перенесены на Ближний Восток и в Европу<sup>57</sup>, где продолжали подвергаться дальнейшему переосмыслению. В Ветхом Завете под единорогом понимался персонаж, имя которого в переводе с древнееврейского языка означает «лютый зверь». И в греческой (Ктесий, Аристотель), и в римской (Плиний Старший) традициях единорог рассматривался как реально существующий зверь, чьей родиной считалась Индия (или Африка). Древняя символика единорога пополнила сборник христианской зоомифологии II–III вв. — «Физиолог», проникший на Русь греческий текст которого был расширен под влиянием Козьмы Индикоплова — византийского писателя VI в.<sup>58</sup> Еще одним христианским источником сведений о единороге послужила средневековая притча, приписывавшаяся преподобному Варлааму Пустыннику и изложенная Иоанном Дамаскиным. В Киевской Псалтири 1397 г. содержится миниатюра, иллюстрирующая стихи Псалма СХLIII, 3–4, и большой пояснительный текст к ней. Концовка этого текста, служащая своеобразной подписью к миниатюре, гласит: «инорог оубо образ есть смерти; пропасть же есть миръ съи исполнен всячьских зол и смертоносных сети; змиа разоумеваи страшноую адовоу оутробу; 4 аспиды от 4 бо стоухии съставление човекоу»<sup>59</sup>

Согласно греческому тексту «Физиолога», единорог («быстроногий зверь с одним рогом, исполненный злой волей против людей») рассматривается как символ чистоты и девственности. Приручить его могла только чистая дева, поэтому в католической традиции уже с XI в. единорог стал символом Девы Марии, мистическим символом вочеловечения Иисуса Христа. В западной церкви он использовался как аллегория Благовещения, входил в атрибутику Девы Марии — изображался лежащим у ее ног и положившим голову ей на колени. Но не эта трактовка символики единорога побудила глубоко религиозного царя Ивана Васильевича использовать его изображение на своей печати, более того — именно его известная религиозность позволяет обнаружить совершенно иной смысл данного символа. И дело здесь даже не во взаимном

анафемировании церковей, окончательно разделившихся еще в 1045 г., а в личности самого Ивана Васильевича, в понимании им роли вселенского православного царя.

Грозный царь полагал исполнение Помазанником Божиим своих обязанностей служением Господу, в коем различал четыре формы: отшельничество, монашество, священническую власть и царское правление. Следует здесь напомнить, что в православном мирозерцании *страх Божий* напрямую ассоциировался с одним из возможных путей спасения, отчего служение Господу в форме царского правления представлялось Ивану Васильевичу в «страхе, и запрещении, и обуздании, и конечнейшем запрещении по безумию злейших человек лукавых»<sup>60</sup>. Мистическая суть царской власти как разновидности иноческого подвига виделась Грозному не столько в свете отшельнического учения Нила Сорского (к чему старалась подвигнуть его «Избранная рада»), сколько согласно древнему киево-печерскому уставу. Для спасения души следовало истязать плоть, а под «плотью» Руси царь понимал всех людей ее, спасение которых вверено было ему Господом и осуществлять его он должен был страхом Божиим. По сути, вся программа действий Ивана Васильевича сводилась к тому, чтобы страхом Божиим обратить людей к истине и свету, а значит спасти их души<sup>61</sup>.

Вот почему первое из известных древнерусских изображений единорога в Псалтири 1397 г. относится к текстам, указывающим направление поиска значения этого символа на царских печатях. В иллюстрированном этой миниатюрой псалме Давида, в частности, говорится: «Господи! Что есть человек, что ты знаешь о нем, и, Сын человеческий, что обращаешь на него внимание? Человек подобен дуновению; дни его — как уклоняющаяся тень». Так стоило ли сожалеть об эфемерной по краткости жизни человеческой, безумно растрачиваемой в грехе и забвении бессмертной души? Мог ли выполняющий Божию волю православный царь допустить погибель мира сего? Подобало ли ему в отшельничестве, в уходе от мира оставить без пастыря и судии народ свой? Вспыльчивой, страстной и противоречивой натуре Грозного был свойствен максимализм — казни и опричнина оказывались его внешним проявлением, но максималистское мироощущение царя как *меча и слова Божия* нуждалось в оправдании соответствующим символом. Современников удивляла богословская начитанность Ивана Васильевича, по сей день будоражат умы легенды о его таинственно исчезнувшей библиотеке, поэтому нет ничего удивительного в том, что требуемый ему символизм был найден в творениях наиболее мистичного из евангелистов — Иоанна Богослова. Именно в Евангелии от Иоанна берет начало христианское учение о предвечно

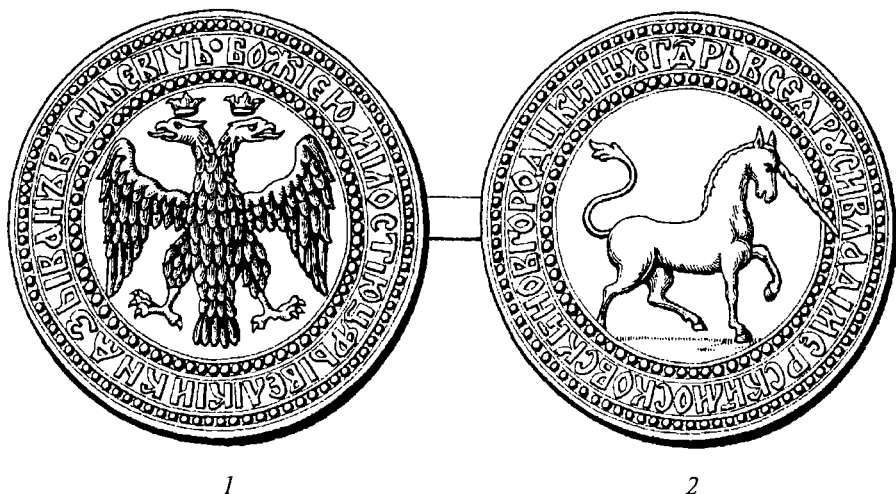


Рис. 43. Печать Ивана IV Васильевича с изображением.

1 — двуглавого орла на лицевой стороне; 2 — единорога на оборотной стороне (прорись по А. Б. Лакиеру).

существовавшем логосе как обрешем плоть Слове Бога, в неразгаданном до конца «Откровении» скрыты тайны будущего. Теология, литература и иконография всегда подчеркивали девственность Иоанна Богослова, его особую аскетическую «освященность» и просветленность, делающие его более других лично близким Иисусу Христу и пригодным для восприятия и возвещения особенно глубоких тайн веры<sup>62</sup>.

Так чей же образ в христианской традиции, сложившейся под сильным влиянием не только Павла, но и Иоанна Богослова, был исполнен злой волей против людей, многозначен как зверь Апокалипсиса (чье число есть знамение и Христа, и Антихриста) и укротим лишь аскетическим (иноческим) девственничеством? Какова в этих координатах эмблема меча и слова Божия? Избрав единорога выразителем этих традиционных представлений, Иван Грозный придал новому символу царской власти собственное, весьма сложное значение. Образ возвышенный и воинственный, как сам идеал богоданной власти русского самодержца, единорог не имел ничего общего с символикой опричнины — и введенной, и упраздненной под его сенью. Если опричникам надлежало иметь притороченные к седлу собачью голову и метлу<sup>63</sup> — символы весьма сомнительные и низменные, — то благородная чистота единорога приличествовала не только царскому гербу, но и царскому



Рис. 44. Герб графов Шуваловых. XIX в. (прорисовка автора по П. Н. Петрову).

оружию. В последних битвах за Ливонию в русском войске появились пушки с единорогом на стволах, первая из которых была в 1577 г. отлита знаменитым мастером Андреем Чоховым. С тех пор возник обычай, существовавший до XVIII–XIX вв. называть артиллерийские орудия «инрогами» или «единорогами».

Графу Петру Ивановичу Шувалову (1710–1762), фактическому главе правительства Елизаветы Петровны и организатору русской армии в Семилетней войне, принадлежит разработка «единорога» (1757 г.) — гладкоствольной гаубицы, сопровождавшей в бою пехоту и просуществовавшей в войсках до середины XIX в., когда ей на смену пришли нарезные орудия. Неудивительно, что фигура единорога вошла и в герб Шуваловых (созданный уже после 1746 г. — даты возведения Петра и Александра Ивановичей в

графское достоинство). Здесь она употреблена трижды — и в самом гербовом щите, и в качестве щитодержателя<sup>64</sup>, и в форме *возникающей фигуры в клейноде*<sup>65</sup> правого шлема над графской короной. Жаль, что процесс создания русских дворянских гербов XVIII—XIX вв. практически не исследован и поэтому выглядит «канцелярским» (термин Ю. В. Арсеньева) сочинительством, формальным тасованием немецких геральдических стереотипов. Мы не знаем, существовал ли единорог в качестве родовой эмблемы костромских дворян Шуваловых (известных уже с XVI в.), однако можем предположить, что будь его появление непосредственно связано с изображением знаменитой гаубицы, в гербе была бы помещена именно она наряду с отличительными гербовыми фигурами лейб-кампанейцев. Как раз эти фигуры свидетельствуют об участии братьев Шуваловых во дворцовом перевороте в ночь на 25 ноября 1741 г., приведшего на престол цесаревну Елизавету Петровну, хотя и занимают в гербе почетное, но не основное место. По логике составления гербов, эти отличительные знаки оказались присоединенными к более древней родовой эмблеме Шуваловых уже при массовом учреждении гербов Лейб-кампании в 1740—1750-х гг.<sup>66</sup>

Было бы неверным представлять появление единорога в российской символике событием внезапным, обусловленным лишь мистико-религиозными исканиями царя Ивана Васильевича Грозного. Генезис символа продолжается века и тысячелетия, и Русь задолго до перевода греческого «Физиолога» знала Индрика-зверя, «всем зверям отца», восходящего к индоевропейской ведической традиции персонажа «Голубиной книги». Культ солнечного бога войны, грома и молний Индры — «самодержца», «вседержителя», «царя всех богов и всей вселенной»<sup>67</sup>, вероятно, возник еще в нерасчлененной массе индоевропейских племен, но наибольшего развития достиг у ариев Индии. Совершенно очевидно, что Индра играл важную роль и в духовной жизни предков славян, но со временем оказался вытесненным солнечными Сварожичами, заняв место среди лунных богов — Дыевичей. Функции громовержца и покровителя дружины отошли к Перуну Сварожичу, а образ могучего воина Индры смешался с образом его волшебного коня, называемого в русской традиции Единорогом, и уже в христианское время превратился в козлоподобного Индрика-зверя «Голубиной книги». Борьба Единорога и Льва, символизирующая противостояние Индры и других Дыевичей со Сварожичами, стала одним из распространенных сюжетов русского народного искусства<sup>68</sup>, и нельзя исключить вероятности знакомства с этим сюжетом Ивана Грозного и его печатников. Кроме того, борьба Льва с Единорогом изображена на печати верейского князя Василия Михайло-





Рис. 45. Единорог и Лев сражаются у Мирового Древа. Блюдо, XVI в. (из собрания Великоустюжского музея) (прорисовка автора).

вича, привешенной к его договорной грамоте с Иваном III от 4 апреля 1482 г.<sup>69</sup>. Древний культ Индры нашел также свое отражение и в славянских языках — слова *jedrǔ*, *ядренный* по сей день означают «обладающий силой особого свойства»<sup>70</sup>.

Противостояние зверей у корней Мирового Древа также является излюбленным сюжетом древнерусского искусства. Такой сценой, например, дополнены уже известная нам композиция «Сладость сего мира», среди прочих наведенная золотом в клейме Васильевских врат из Софийского собора в Великом Новгороде. Огромные медные врата с драгоценными изображениями на них были созданы в 1331–1336 гг. по заказу новгородского архиепископа Василия. Но после учиненного опричниками кровавого погрома увезены из Новгорода в Александровскую слободу, где и поныне украшают построенный в 1513 г. Троицкий собор<sup>71</sup>. Свидетельством чрезвычайно многообразной символики Руси — возможно, унаследованной ею от арктических предков арийских народов, — служит изображение и на другом клейме этих врат. Крылатый ко-

ронованный Китоврас, иконографически родственный кентаврам Дмитровского собора во Владимире, лишний раз доказывает независимость происхождения многих русских образов от византийских апокрифов — переведенных с греческого лишь в конце XV в.<sup>72</sup>, а также иных зарубежных источников. Русский апокрифический Китоврас, хотя и «не ходил путем кривым, но — только прямым», сумел перехитрить, обвести вокруг пальца библейского царя Соломона. Огромный человеко-конь Васильевских врат размахивает маленькой человеческой фигуркой с короной на голове, а подпись гласит: «(К)итоврасъ мече братомъ своимъ Сол(о)монъ на обетованую землю за словъ...» (окончание скрыто)<sup>73</sup>

На этом можно завершить рассказ о единороге — древнеарийском зооморфном символе, сохраненном народной памятью вместе с кентаврами и другими мифическими персонажами и принятом Иваном Грозным в качестве эмблемы царской власти. Довольно натянутыми выглядят предположения некоторых исследователей о том, что предстоящие двуглавному орлу лев и единорог на резной спинке царского трона («стула» 1561(?) г. из моржовой кости) перекочевали туда из герба Британского королевства, хотя и оказались в нем в качестве щитодержателей не ранее 1603 г. Почему целые поколения отечественных снобов от науки пытаются доказать *обязательность* заимствования Русью любых новшеств, особенно в области государ-



Рис. 46. Борьба Льва и Единорога. Роспись коробы. Великий Устюг. XVII в. (прорисовка автора).

ственной символики и геральдики? А разве для трансформации в национальную геральдику и государственную символику известного каждому русичу молитвенного принципа *предстояния* (Деисус в церковном искусстве и религиозном быту, парные рожаницы, птицы и звери в народном искусстве) непременно требовалось иноземное вмешательство? Переосмысление древнего сюжета предстояния Мировому Древу или Матери Сырой Земле звериных ипостасей дохристианских богов привнесло в уже сложившуюся и широко распространенную композицию новое содержание: лев и единорог по сторонам герба Российского государства — двуглавого орла — стали означать преемственность самодержавной власти от князей Владимирских и обретение русскими государями нового, Богом ниспосланного качества — царской власти, реализуемой как в административно-политической, так и в духовной сфере.

В основе этих настойчивых заблуждений может лежать и объективная причина — слабое знакомство некоторых исследователей геральдики с историей искусства. Ведь первичной материальной средой, вбирающей в себя возникающие на базе мифологических и религиозных представлений зрительные образы, является изобразительное искусство. Именно в нем воплощается визуализация устной или письменной информации, фантазия и талант художников превращают умозрительные образы в очевидные. Геральдическое искусство, оставаясь неотъемлемой частью этого всеобъемлющего целого, использует все его достижения, но вынуждено соотноситься с канонами гербоведения. Правила составления гербов строго избирательно относятся ко всему многообразию образов изобразительного искусства, путем освобождения от всего несущественного доводя некоторые из них до лаконизма графических символов. Эти же правила содержат и каноническое значение каждого изображенного образа, позволяющее ему вступить в сложные смысловые связи с другими компонентами герба. Отсутствие познаний в области теоретической геральдики у печатников первого русского царя куда естественнее обращает поиск истоков избранных ими образов к своему национальному изобразительному искусству, нежели к отсутствующим в то время на Руси западноевропейским гербовникам. Вопрос о вероятности заимствования столь сложен и неоднозначен, что чисто геральдические по форме фрагменты орнаментации серебряной братины начала XVII в. из собрания Оружейной палаты<sup>74</sup> кому-то тоже могут показаться весьма далекими от русских традиций. Но стоит лишь вспомнить стилистику гербов в книгах Ивана Федорова первопечатника, как сложные по форме вырезные щиты, внутри которых помещены двуглавый орел с картушем на груди и предстоящие такому же

картушу вздыбленные Единорог и Лев перестают выглядеть чем-то совершенно незнакомым, особенно при наличии вписанной в картуши вязи кириллических букв. Отстаиваемая нами версия самостоятельного генезиса отечественной геральдики учитывает изменяющуюся от века к веку стилистику русских гербов и здесь, как и в других случаях, отыскивает их самобытную основу. Независимое от влияния западных прототипов оригинальное мышление русских «геральдистов» XVI в. — царских печатников как возможных составителей изображений новых государственных символов — нам предстоит затронуть и при рассмотрении *Большой государственной печати* царя Ивана Васильевича Грозного.

Несмотря на неудачный исход Ливонской войны и других попыток расширения пределов Российского государства на западе, приращение его территории за счет восточных земель шло при Иване Грозном невиданными темпами. Вслед за Казанским пало и Астраханское ханство, а организованный соляными магнатами Строгановыми поход за Урал Ермака Тимофеевича положил начало присоединению Сибири и ее колонизации великороссами. Обладание множеством как исконных, так и вновь приобретенных княжеств и царств соответственно отражалось и на титуле царя Ивана IV Васильевича: «Божию милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич Всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и иных, и всея Сибирские земли и Северные страны Повелитель, и государь земли Вифлянской и иных»<sup>75</sup>. Характерно, что отдельными пунктами данного титула указываются не реально находившиеся под властью царя приграничные земли, например «Вифлянские» (Ливонские), а выражаются неослабевающие претензии на них, составившие, таким образом, долгосрочную внешнеполитическую программу Российского государства.

Трудно оспаривать значение полного титула российского самодержца во внешней политике — в условиях, когда иноземные государства всячески стремились принизить его, сводя к существовавшему еще в XV в. титулу «Великий князь Московский». Тем самым они умаляли значение России и не желали признавать русского царя равным по силе и значению повелителям Священной Римской империи и ряду других могучих европейских монархов. Своеобразным ответом зарубежным оппонентам явилась создан-



Рис. 47. Круг славы с медальонами. Обратная сторона панагии из Благовещенского собора Московского Кремля. Начало XVI в. (прорисовка автора).

ная около 1577 г. и употреблявшаяся только в сфере внешних сношений, последняя и самая крупная из печатей Ивана Грозного, которую принято называть *Большой государственной*. Наполнение конкретным содержанием полного царского титула на этой печати осуществлялось с помощью эмблем (или «предгербов») большинства подвластных русскому царю земель, что оказалось новшеством в отечественной сфрагистике. Сам же принцип размещения земельных гербов вокруг средника был известен в Западной Европе с начала XV в. Печати такого типа принадлежали императору (с 1410 г.) Священной Римской империи Сигизмунду I, затем королям Польши и Великого княжества Литовского, королям Датским. Но в то же время мы не стали бы вслед за рядом отечественных и зарубежных исследователей однозначно относить композицию Большой государственной печати Ивана IV Васильевича к повторению этого уже известного в Европе принципа, поскольку и сам вселенский православный государь, и его геральдисты-печатники имели перед глазами совершенно иные образцы, не столько предназначавшиеся для формального подражания, сколько для воплощения в светские формы изобразительных канонов отеческой духовности.

Утверждение о прямом заимствовании иностранных образцов, основанное на композиционном сходстве русской и западноевропейских печатей, не учитывает содержательной стороны всей великорусской символики в целом, а в данном случае — государственных символов Великороссии. Не станем забывать, что и двуглавый орел, и поражающий дракона всадник, и единорог воспринимались людьми XVI в., прежде всего, символами **религиозными**, и все другие окружающие их изображения должны были соответствовать православным канонам. Древнерусская символика рождалась исключительно в религиозном сознании наших предков, и с этих позиций следует признать правоту Н. А. Соболевой, считающей, что «таким образом, в общей идее композиции печати может звучать следующий мотив: вступление нехристиан под эгиду верховного, главенствующего, Божьего закона. Возможен вариант некоторого разграничения: эмблемами могут быть представлены не только неверные, но и христиане-еретики (волк), а могут быть и подлинные христиане (голубь). Все они собраны под сенью крыл Господа Бога, которого избрали прибежищем и защитой. Эта идея неоднократно повторяется в Псалтири»<sup>76</sup>. Композиционные истоки размещения медальонов вокруг средников, как и самого кольца, где они расположены, следует искать прежде всего в церковной символике Руси и самом ее языке. Понятие «круг» остается одним из древнейших, что подтверждается многотысячным возрастом соответствующих графем, служивших символом

Неба или Небесной богини еще в культах неолита. Поэтому и древнерусское слово *кругъ* относится к старейшим пластам нашего языка, а понятия *кругъ морьскыи*, *кругъ лоуны*, *кругъ небесныи* связаны с дохристианской картиной мира древних славян. Под влиянием христианской космографии Козьмы Индикоплова (VI в.) эти понятия приобрели лишь новую окраску, но их временная или геометрическая сущность не претерпела изменений: «отпаде от небесного круга и от англского светоносиа», «кругъ святыи паскы» и т.п. Разумеется, и древнерусское нарицательное *кругъомь*, соответствующее современному «вокруг», содержало уже в себе самом зародыш подобной композиционной идеи<sup>77</sup>. А слова Евангелий о собравшихся *вокруг* Спасителя учениках, вмещающих Ему сильных мира сего и простых людях исключают и саму мысль о необходимости заимствования такого пространственно-композиционного понятия у кого-либо. Но и само число медальонов на каждой стороне Большой государственной печати говорит о многом. Земельные эмблемы, или, согласно Н. А. Соболевой, духовные символы отдельных земель, образуют кольцо из 12(!) круглых медальонов — по числу Апостолов, а данный сюжет был уже достаточно распространен в древнерусском декоративно-прикладном искусстве XV–XVI вв.<sup>78</sup>

В средниках лицевой и оборотной сторон Большой государственной печати помещены двуглавые орлы, иконография которых полностью совпадает с печатью 1562 г. за исключением одного: здесь орлы увенчаны одной-единственной короной с венчающим ее православным крестом вместо двух небольших коронок, парящих над головами царственных птиц на всех более ранних печатях. Иностранцам исследователям<sup>79</sup> эта единичная корона представляется достаточным свидетельством серьезного западноевропейского влияния на рисунок русской печати, поскольку именно так было на печатях германского императора и польского короля. Но ими, видимо, не принимается во внимание сама типологическая модель этой увенчанной крупным крестом короны, в которой они распознают исключительно знак монаршего достоинства. А в России XVI в. как, впрочем, и во всей остальной Европе, еще не сложилась система *корон достоинства*<sup>80</sup>, и традиционный в древнерусском изобразительном искусстве трехлепестковый венец служил лишь символом царской власти, но ни в коем случае не повторял форму реально существовавших царских регалий. Соединение царского венца с восьмиконечным православным крестом превращало его в символ более емкий и конкретный — такая корона могла означать только власть вселенского православного царя, самодержавие которого соединило в себе светскую и церковную сферы власти. Подчиненная роль русских митрополитов<sup>81</sup> при Ива-

не Грозном получила соответствующее отражение в Большой государственной печати — впервые с конца XV в. обе орлиные головы оказались лишенными корон, все значение которых обратилось в корону царскую. Следовательно, дело здесь не в повторении западноевропейских аналогов, а в непосредственном геральдико-сфрагистическом отражении реалий российской действительности.

Да и как можно говорить о каком-либо заимствовании композиционных приемов цесарской и польской королевской печати, когда над короной православного царя помещен самостоятельный медальон — тринадцатый в охватывающем орла кольцо. Крест на



Рис. 48. Большая государственная печать царя Ивана IV Васильевича. Лицевая сторона. 1577 (?) г. (по А. Б. Лакиеру).



«Голгофе» с орудиями Страстей Господних и «адамовой головой» у его основания окружен надписью: «Древо даруеть древнее достояние». Несмотря на ряд авторитетных толкований этой эмблемы, подчас взаимоисключающих, наиболее близким к ее подлинному смыслу представляется следующее: помещенная над царской короной эмблема выражает религиозную и общественно-политическую идею, ставшую национально-государственной идеей России уже во времена Ивана III и Василия III — концепцию «Москва — Третий Рим». Это изображение в печати Ивана IV Грозного стало предтечей *девизов*, украсивших и дополнивших гербы владетельных династий последующих веков. Девиз — устремление, сконцентрированная в нескольких знаках программа действий и ее нравственный критерий — уже не мог повлиять на форму и смысловое содержание *короны достоинства*, поэтому и приобрел в дальнейшем совершенно иную, нежели символ земной власти, графическую форму. Однако в сложном организме герба (а в Большой государственной печати Грозного впервые представлен именно *полный государственный герб* каждая его составная часть несет собственную смысловую нагрузку. И здесь мы обнаруживаем впервые появившуюся как в отечественной, так и во всей европейской геральдике оригинальную форму комплексного девиза, состоящего из текста и многозначного символа — великорусского девиза, преисполненного величественного смысла.

Не углубляясь в семантику символа горы с прямоугольными уступами, относящую нас к древнеегипетской пирамиде Джосера и зиккуратам Месопотамии, остановимся на главном: дохристианское значение креста на такой горе соответствовало понятию «центр земли», «пуп мира»<sup>82</sup>. Христианство же привнесло в архаичную символику собственное содержание, объявив сакральным центром гору Голгофу (греч. «череп») под Иерусалимом — место распятия на животворящем кресте Иисуса Христа. Несмотря на то что иерусалимский холм имел схожую с верхней частью черепа округлую форму, что и отразилось в его названии, тысячелетняя традиция обусловила ступенчатое изображение «горы в центре всех земель». Символ креста на ступенчатой «Голгофе» в значении искупительной жертвы, мученичества и победы начиная с XV в. стал основной эмблемой на стягах русских полков<sup>83</sup>, но еще раньше данная разновидность креста получила большое распространение в символике Новгорода, особенно во владычных печатях и декоре церквей. На протяжении XIII—XIV вв. вечевая республика являлась крупнейшим государственным образованием Руси и сохраняла политическую независимость от Москвы, что дает основание для трактовки этого символа как «центра земли русской». Объединение многих русских и инородческих земель и сосредоточение всего

объема самодержавной власти в руках православного царя, распространение этой власти за существующие границы государства и ее религиозно-мистический аспект превращали животворящий крест, «древо живоносное» в символ вселенской миссии Москвы — Третьего Рима. Центр истинной веры, всего христианского мира переместился на Русь, становясь ее неотъемлемым достоянием (можно было бы добавить — и ее Голгофой). В утверждении этого принципа и заключалась суть всей политики Ивана Грозного. Эта идея и составила содержание девиза в его государственном гербе.

Земельные эмблемы в двенадцати медальонах на лицевой стороне печати расположены в такой последовательности (по часовой стрелке): «Печать царства Казаньскаго, Печать Псковская, Печать Великаго княжества Тверского, Печать Пермская, Печать Болгарская, Печать Черниговская, Печать Новагорода Низовския земли, Печать Вятцкая, Печать Югорская, Печать Великаго княжества Смоленскаго, Печать царства Остороханскаго и Печать наместника Великаго Новагорода». На оборотной стороне: «Печать Полотцкая, Печать Ярославская, Печать Удорская, Печать Кондинская, Печать арфибископа Рижскаго, Печать города Кеси, Печать маистра Лифлянскаго земли, Печать Сибирская, Печать Обдорская, Печать Белоозерская, Печать Ростовская и Печать Рязанская». Их последовательность вторит полному титулу царя, награвированному во внутренних и внешних кольцевых строках.

В дальнейшем нам еще предстоит сравнить число и содержание этих эмблем с земельными гербами на несохранившейся российской государственной печати конца XVII в., известной лишь по рисунку в дневнике австрийского дипломата Иоганна Корба. Здесь же обратим внимание на эмблему завоеванного русскими войсками в 1563 г. Полоцка. Перед нами древний знак, сохранившийся до XVI в. геометризм именных эмблем Рюриковичей и явно восходящий к общеславянским родо-территориальным знакам, но не вошедший в перечень самобытных «знамен» польской геральдики А. Б. Лакиера. Весьма поучительна для геральдики наших дней этическая сторона включения этого знака в Большую государственную печать: возможно, известный москвичам еще с XIV в. по литовским монетам и уже в XVI в. — по монетам последних польских королей из династии Ягеллонов, он остался неизменным и при переходе в геральдику отечественную. Устойчивое представление о единстве всех православных русских земель, символика которых не должна зависеть от переменчивости политических судеб, наглядно проявилась в незаурядном памятнике великорусской сфрагистики.

Еще в начале XX в. известным геральдистом, хранителем Оружейной палаты С. Н. Тройницким был поднят вопрос о том, разби-

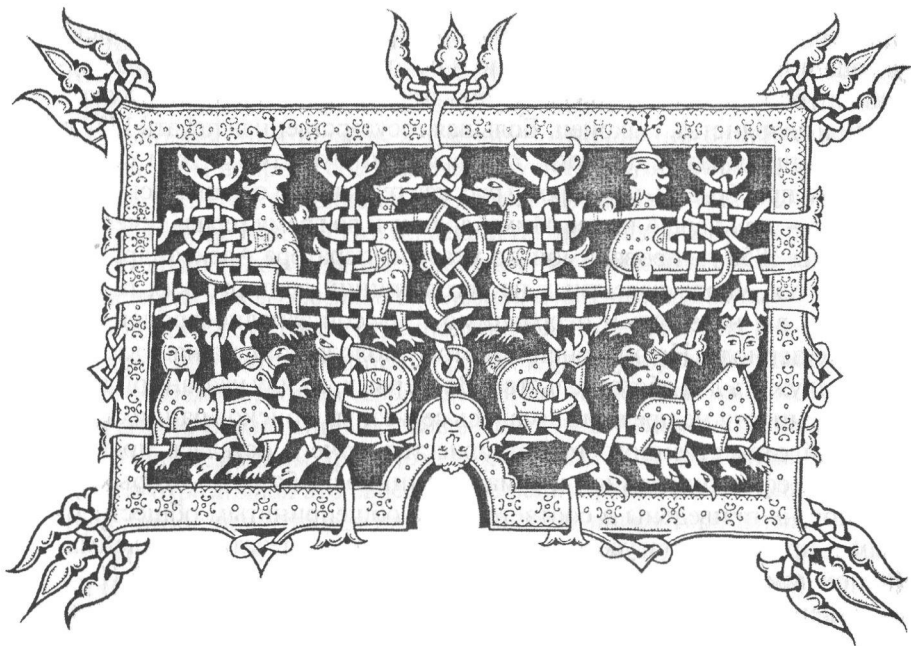
рался ли в этих эмблемах создатель печати 1577 г. И по сей день ответ на него труден в связи с тем, что некоторые из земельных эмблем (например, новгородская) могли иметь древние корни и собственный путь развития; иные, по всей вероятности, были сочинены специально для этой печати, а третьи — откровенно ошибочны. Но в самом этом вопросе содержится ощущение существования уже в то время развитой российской нецерковной символики, включающей и геральдику. Как мы уже показали на предыдущих примерах, вне ее не могло возникнуть столь яркое явление русской сфрагистики. Когда *история отечественной геральдики* будет исследована, начиная от ее подлинных истоков (предположительно — VI–X вв.), и при этом введены соответствующие поправки к формулировкам понятий *русская эмблема* и *русский герб*, ответ на поставленный вопрос появится сам собой. Важно лишь не забывать, что как нельзя мерить своеобразие Руси немецким аршином, так не подлежит подобному измерению и отразившая это своеобразие великорусская геральдика, которую автор предпочитает называть *любомудрием гербовным*.

Произошедшие от слов *herald* (ист. англ. «глашатай») или *heer-alt* (старонем. «старый воин, ветеран») слова *Heraldik* (нем.), *heraldry* (англ.) явились знаковым отражением правил и обычаев, во многом не свойственным Руси. Ни крестовые походы, ни пышные турниры, где оттачивалась отличительная символика рыцарства, не были ей знакомы. На русской земле никогда не существовало той формы феодализма, которая в нашем сознании прочно ассоциируется с образами «феод — замок — герб». Отличительная символика великороссов унаследовала традиции древнеславянских предков и восходит к сакральным родо-территориальным знакам, впоследствии вытесненным персональными символами божественных («языческих» и христианских) патронов. Поэтому словосочетание «великорусская геральдика» следует признать достаточно противоречивым и по форме, и по содержанию, поскольку нашему национальному истолкованию понятия *геральдика* необходимо отыскать собственное русское обозначение. Как познание Божественных законов бытия природы и человека было принято на Руси называть *любомудрием*, а не философией, так и великорусскую геральдику (и историческую, и современную) можно было бы величать *гербомудрием* или *любомудрием гербовным*.

Завершая очерк возникновения царственного символа, ставшего вековым гербом Российской державы, остается обратить внимание на общее состояние великорусской геральдики во второй половине XVI в. Вопреки установившемуся мнению о поздних и несамостоятельных началах отечественного герботворчества читатель смог познакомиться с фактами его самобытного развития по меньшей мере

на протяжении всех лет царствования Ивана Грозного. Мы привели примеры не только широкого распространения в русском войске украшенных эмблемами щитов, но и некоторые наиболее яркие случаи опубликования родовых гербов православной западнорусской знати и дворянства. Наконец, Большая государственная печать 1577 г. явилась праобразом полного государственного герба — тем совершенным праобразом, к которому русская геральдика обращалась лишь дважды — при царе Алексее Михайловиче и во время геральдической реформы 1856 г., проводимой по указу императора Александра II<sup>84</sup>. Разумеется, число известных на сегодняшний день русских гербов XV—XVI вв. невелико и несравнимо с массой западноевропейских того же периода. Но объяснением этому положению, на наш взгляд, могут служить два обстоятельства. Во-первых, в силу указанной предрешенности не предпринималось серьезных поисков ранних проявлений отечественного герботворчества, отчего осталась практически не сформированной и сама источниковая база. Во-вторых, до сих пор не приведены в соответствие с общепринятым общественным и правовым статусом *герба* древнерусские «печати» и «клейма» (напомним, что самого слова «герб» Русь не знала до конца XVII в.).

Оценивая пути и итоги развития государственной символики России в XVI в., необходимо учитывать прежде всего духовный фактор формирования самой символики. Опыт рассмотрения истории отечественной геральдики исключительно с позиций политической целесообразности и неизбежно связанного с этим заимствования западноевропейских образцов не принес положительных результатов<sup>85</sup>. Только собственная общественно-политическая мысль России, облеченная в естественную для своего времени религиозно-философскую форму, порождала вошедшие в великорусскую геральдику образы и символы. Если та же мысль потребовала столь неординарного воплощения ее в архитектуре шатровых и столпообразных храмов, то как она могла угаснуть в области символики, не нуждающейся в инженерных расчетах и не зависящей от экономических ресурсов и земного тяготения? Нельзя забывать, что герб — это знаковое или даже образно-знаковое отражение отличительных особенностей индивида, будь то ратник, воевода, царь или государство в целом. А характерной отличительной особенностью любого общества является господствующее мировоззрение его членов и ментальность его этнической основы. Мировоззрением великороссов, за века слившимся с их ментальностью, явилась национальная форма православия (включающая элементы двоеверия), поэтому лишь в сформированном православными постулатами историческом сознании наших далеких предков следует искать и находить сюжеты, образы и знаковые формы восстанавливаемой ныне отечественной символики.



## 5. Государственный герб

**Я**вление миру российского государственного герба произошло в 1490-х гг. на печати Великого князя и Государя Всея Руси Ивана III Васильевича. На протяжении всего XVI в. происходило постепенное уточнение его содержания и совершенствование графической формы. Московский всадник-змееборец обрел свой гербовый щит, внутри которого занял самое почетное, *сердцевое* место на груди двуглавого орла. Появился и антипод московского герба — единорог, получивший точно такое же геральдическое оформление, но уже на оборотных сторонах печатей 1562 и 1577 гг. Под этим символом святости и одновременно неумолимой жестокости минуло полное трагических противоречий царствование Ивана IV Грозного. Торжественный звон победных колоколов слился в нем со стонами тысяч истязуемых в суровые песнопения панихиды. Уничтожение последних осколков Золотой Орды, мирная колонизация бескрайних земель на Востоке и очередное военно-политическое поражение в непрекращающейся борьбе с Западом стали едва ли не начальными этапами крестного пути России в качестве оплота вселенского православия. О геральдическом воплощении идеи «Третьего Рима» в российс-

ком гербе мы уже рассказали, остается лишь проследить *устойчивость* главного символа России на протяжении нескольких последних царствований. Постоянство во времени всех взаимосвязанных компонентов герба относится к числу его классических свойств, поэтому очень важно за меняющейся со временем стилистикой изображений усмотреть эту тенденцию. Открывающийся перед нами XVII в. как раз и явил знаковую и образную устойчивость великорусской государственной символики (уже многовековой к тому времени!), а также восприимчивость ее к необходимым нововведениям.

Само название *Российское царство* было официально провозглашено 16 января 1547 г. при обряде царского венчания семнадцатилетнего Великого князя Ивана IV В Успенском соборе Московского Кремля после произношения традиционных речей и молитв митрополит Макарий, повторяя патриарший чин венчания византийских императоров, надел Ивану Васильевичу на шею *крест животворящего древа*, преподнес *бармы* («диадему сиречь бармы») и, наконец, водрузил ему на голову *венец*<sup>1</sup>. Вхождение обряда венчания на царство в московский официальный обиход означало наделение Государей российских высшим монархическим титулом, не уступавшим по значимости титулам императоров и королей западноевропейских государств. Разумеется, последние долгое время не желали признавать этот факт, настаивая на правомерности лишь части титула — «Великий князь». Но полный титул Ивана IV после 1552—1556 гг. стал отражать и власть русских самодержцев над еще двумя царствами — Казанским и Астраханским, что дало повод московской дипломатии ссылаться на это обстоятельство при отстаивании правомерности самого титула *царь*. Водружение православного креста в недавних «бесерменских» твердынях привело к увеличению и числа царских регалий за счет *Казанской шапки*, изготовленной в период 1552—1573 гг. Роскошью этого головного убора Иван Грозный стремился превзойти венцы самых прославленных европейских монархов, что ему вполне удалось, однако эта новая регалия так и осталась практически неиспользованной в позднейшей российской геральдике<sup>2</sup>.

Имеющий древнейшее происхождение и богатое прошлое — античное и средневековое — *скипетр* впервые был зафиксирован в русской истории в конце XVI в. когда на миниатюре одного из списков жития Сергия Радонежского был изображен сидящий на троне Иван Калита в княжеской шапке и со скипетром в руке. Но эта инсигния<sup>3</sup> государственной власти, как бы материализующая, овеществляющая монаршую волю, долгое время не была известна российским самодержцам. Лишь чин венчания на царство Федора Ивановича (1557—1598) предусматривал получение из рук главы

Русской Церкви скипетра как четвертой царской регалии. Более того, с 1584 г. при венчании Помазание происходило в алтаре, по архиерейскому чину, и Федор Иванович, таким образом, стал первым в русской истории Помазанником Божиим. При нем наша страна впервые была названа «Великой Россией — православным самодержавным царством».

Но помимо внешнеполитических успехов России, заключавшихся прежде всего в возвращении утраченных после Ливонской войны земель на ее западных рубежах и неуклонным приращением ее территории Сибирью, столь высокое титулование державы было обусловлено и рядом внутренних причин. Сформировавшиеся к концу XVI в. тенденции в общественном сознании великороссов воплотились в религиозно-философских исканиях. Начиная с XI в., со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, в размышлениях древнерусских книжников ставились три главных вопроса и давались ответы на них. *Какое место в общечеловеческой истории занимает Россия?* — вот первый вопрос, волновавший всех отечественных мудрецов. В конце XVI в. продолжалось дальнейшее углубление темы богоизбранности России, которое признавалось уже свершившимся фактом, а сама Россия становилась исполнительницей исторической миссии «Нового Израиля» — местом, избранным Самим Господом для Своего присутствия и благословения. А в Откровении Иоанна Богослова прямо говорится о том, что в «Новый Израиль» все цари земные принесут славу и честь свою.

В ответе на второй вопрос — *в чем смысл существования России на Земле?* — отражались особенности развития православного мирозерцания и православной веры, осмысление эсхатологических учений христианства. Ведь Россия воспринималась великороссами как единственное на Земле государство, которое хранят Божии силы. Главное предназначение России нашим предкам виделось в одном — утверждении на Земле Божией правды с целью спасения мира от Антихриста. При этом роль Церкви и светской власти состояла в приуготовлении народа русского ко Второму пришествию. Недаром именно в XVI столетии в писаниях многих древнерусских мыслителей появляются глубокие рассуждения о сущности понятия «правда», которое и поныне не поддается однозначной трактовке. Ибо «правда» на Руси была неотделима от Господнего Промысла и поэтому имела Высший, никогда не познаваемый до конца смысл. Ответ на второй главный вопрос тесно затрагивает проблему *святости*, что постепенно привело Любомудров к вершине религиозно-мистического творчества — идеала «Святой Руси».

*Кто способен обеспечить достижение Россией поставленных перед нею задач? Кто способен взять на себя Божественную миссию*

*спасения мира?*— вот третий главный вопрос, постоянно волновавший древнерусских книжников. На Руси существовали только две такие силы — Церковь и светская власть, поэтому споры о верховенстве той или другой не смолкали на протяжении веков. Окончательно идея *русского самодержца как истинного Помазанника Божия*, единственно способного спасти «изрушившийся», лишенный истинной веры мир, утвердилась при Иване Грозном. Именно принявший первым титул царя Иван IV Васильевич осознал себя богоизбранным государем, обязанным спасти мир, и все деяния его были пронизаны этой идеей. На рубеже XVI и XVII вв. историософские построения древнерусских любомудров, подтвержденные всем ходом общественно-политического развития Отечества, назвали искомой силой светскую власть, способную повести Россию и к земному величию, и к посмертному спасению. Только православный государь в союзе с Церковью был способен взять на себя исполнение божественных предначертаний<sup>4</sup>.

Обретение российскими самодержцами новых регалий, подобных древним инсигниям зарубежных монархов, диктовалось, прежде всего, осознанием своей богоизбранности, не позволявшей хоть в чем-то уступать государям «изрушившегося» мира. Так и *державное яблоко*, византийский вариант которого был издревле известен на Руси, вошло при Борисе Федоровиче Годунове (1552–1605, царь с 1598 г.) в состав царских регалий. Несмотря на то что «державные яблоки», или «державы», намного раньше, чем на Руси, стали постоянными атрибутами власти некоторых западноевропейских монархов, появление их в царском официальном обиходе нельзя однозначно признавать подражанием. Заимствованною могла оказаться лишь вещественная сторона становившегося все более многозначным ритуала венчания на царство, но не его глубинное содержание, а тем более сама символика «державного яблока». Ведь архангелы с *зерцалами* — полупрозрачными дисками или сферами в руках, глядели на великороссов с иконостасов их храмов на протяжении многих веков, и значение этих зеркал было хорошо известно православным иереям.

Нередко лишь слегка угадываемая благодаря выбеленному контуру прозрачная сфера — постоянный атрибут иконописных архангелов (ангелоначальников) — мерцает в деисусном чине иконостаса, гораздо чаще зеркало лишено объема и представляет собой золотой диск с монограммой Иисуса Христа или поясным изображением Эммануила — Христа Отрока. И в том, и в другом случае зеркало символизирует Царство небесное, Царство Иисуса Христа, час наступления которого возвестят трубы Страшного суда<sup>5</sup> в руках тех же архангелов. Увенчанная крестом золотая сфе-





конечный крест на Голгофе, прочно вошедший в русскую символику еще во времена политической независимости Великого Новгорода, украшавший воинские стяги XV–XVII вв. и впервые увенчавший российского орла Благодатью Царя Славы на печати русского наместника в Ливонии, появившейся в 1564 г.

Полный титул первого в истории России избранного царя содержит следующее: «Божию милостью Великий Государь царь и Великий князь Борис Федорович Всея Руси Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астараханский, царь Сиби(р)ский<sup>6</sup>, Государь Псковский и Великий князь Смоленский и Тверской, Юго(р)ский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Бело(о)зерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Северныя страны Повелитель и Государь Иверския земли, Грузинских царей и Кабардинские земли, Черкеских и Горских князей и иных многих государств Государь и Обладатель». Из данного текста следует, что титул «самодержец» прочно укрепился за российскими царями, во владения которых, помимо не раз перечислявшихся прежде, вошел и ряд земель Северного Кавказа и Закавказья.

В этой работе мы не рассматриваем историю древнерусских стягов и знамен. Однако их неразрывная связь с главным символом



государства — его гербом, основные тенденции в построении стягов, отмечавшие основные этапы развития государственной символики в целом, заставляют хотя бы вкратце упоминать о них. Время не пощадило эти священные реликвии отеческой веры и воинской доблести — недолговечность материалов, из которых изготавливались знамена, а также превратности военных и политических судеб лишили нас подавляющего большинства их. В Оружейной палате Московского Кремля сохранилось только 5 знамен XVI в.<sup>7</sup>, в том числе «червчатый» (красный) «Всемиловитый Спас» и лазоревый «Великий Стяг» Ивана Грозного<sup>8</sup>, поэтому знамя времен Бориса Годунова представляет особую ценность. К тому же это, вероятно, — первый из сохранившихся примеров помещения на знаменном полотнище российского государственного герба. Наиболее знаменитым предшественником этого военного знамени, известным лишь благодаря сохранившемуся описанию, остается багряно-красный (а не черный!) стяг с Нерукотворным Спасом Дмитрия Донского<sup>9</sup>. Но вексиллологический шедевр конца XVI — начала XVII в. следует рассмотреть подробно.

Знамя ныне хранится в Великоустюжском историко-архитектурном музее-заповеднике. Оно представляет собой квадратное полотнище зеленого шелка со стороной чуть менее метра, вышитое серебряными и золотыми нитями. Впервые знамя было упомянуто в числе древностей великоустюжской церкви Варлаама Хутынского. Для датировки уникального памятника русской вексиллогии весьма важна информация о пристройке самой этой церкви к более древней — Покровской — в память об избавлении города от польско-литовского нашествия в 1612 г.<sup>10</sup> Имеющиеся косвенные данные и анализ шитого на знамени герба позволяют с достаточной уверенностью отнести создание знамени великоустюжского ополчения либо непосредственно ко временам Бориса Годунова, либо к Смутному времени.

Первое, что обращает на себя внимание в знаменном гербе — поднятые и полностью расправленные крылья двуглавого орла, чего нет в печатях Ивана III, Ивана Грозного и Бориса Годунова. Второе — это круглый, в венчике «акантовых» листьев медальон со скачущим геральдически вправо (т. е. влево от зрителя) единорогом. Характерно, что в воспринятой от иконописания геральдической традиции Руси и московский ездец-копейщик, и единорог движутся влево, а изменение направления движения всадника в гербе Москвы произошло лишь к концу XIX в. (разумеется, в угоду «правильной» западноевропейской геральдике). Мы не видим здесь иного объяснения нарушения отечественной геральдической традиции как следование обычаям народного искусства, в котором



**Рис. 50.** Герб с двуглавым орлом и единорогом. Военное знамя, конец XVI в. (из собрания Великоустюжского музея, прорисовка автора).

направление движения единорога — одного или борющегося со львом — регламентировано не было. На тесную связь знаменного герба с народным искусством указывают и «травы» — растительный орнамент, как бы исходящий из хвоста царственной птицы и служащий опорой для ее лап.

Единственная пятилепестковая корона, схожая с той, что помещена на Большой государственной печати Ивана Грозного, венчает серебряно-золотую фигуру орла, но, судя по композиции всего герба, не является первостепенным геральдическим знаком достоинства. Ведь на корону наложен наполовину скрывающий ее Голгофский крест, не втиснутый в межглавие орла, а прочно утвержденный на сердцевом медальоне. Таким образом, значение единорога как символа чистоты Веры Христовой подтвердилось и

усиливалось комплексным символом самого Царя Славы. Кроме того, это положение Голгофского креста предвосхитило заимствованный гораздо позже западноевропейский обычай увенчания сердцевидного щита собственной короной достоинства. Дальнейшему развитию на русской почве этой закономерной геральдической дифференциации знаков достоинства воспрепятствовала всецело религиозная направленность официального изобразительного искусства конца XVI — начала XVII в. ибо эпоха основанной на рационализме мышления светской гражданской символики в России той поры еще не настала.

Голгофский крест в межглавии российского орла, по всей вероятности, был теснейшим образом связан как с символикой единорога, так и с осознанием государственного герба символом «Нового Израиля». Для западноевропейцев, надо полагать, такая напряженная мистико-догматическая сторона символики великороссов оказывалась чуждой и непонятной. Для них геральдика существовала лишь в качестве сугубо светской системы сословных отличительных знаков, воплотившей в себе правовую сторону феодального землевладения, городского права, суверенитета институтов Церкви и профессиональных объединений ремесленников и купцов (цехов и гильдий), подчеркнуто светских суверенитетов монархов и князей Церкви. И эта наглядная система, несмотря на множество специфических особенностей входящих в нее звеньев, в принципе была доступна пониманию каждого человека, воспитанного в парадигме западноевропейских ценностей — иначе, чем на Руси, рассматривающей взаимоотношение духовного и реального. Даже необразованному обывателю было ясно, что увенчивающий гербовый щит рыцарский шлем свидетельствовал о дворянских привилегиях владельца герба, кардинальская шляпа — о правах церковных иерархов, королевская корона — о монаршей власти. На Руси же каждое символическое изображение воспринималось через призму религиозного сознания и каждый такой символ находил толкование в православной книжности, а не в реальных взаимоотношениях сословий. Поэтому косвенным подтверждением нашего умозаключения может стать и герб Московского государства на гравированном западными мастерами «Петровом чертеже» — аксонометрическом плане Москвы времен Бориса Федоровича Годунова.

При явном недостатке источников для детального изучения отечественной государственной символики конца XVI — начала XVII в. трудно быть уверенным в том, что включение Голгофского креста в герб России было строго регламентировано высшей властью и тем самым становилось обязательным для царских печатей и военных знамен. Не исключено, что высший смысл символики



**Рис. 51.** Герб Московского государства на «Петровом чертеже» — плане Москвы времен Бориса Годунова (прорисовка автора).

«Нового Израиля» воспринимался лишь в узком кругу приближенных к царю бояр и дьяков да в окружении наиболее ярких Любоумудров. Каковыми бы ни были истоки изображения герба на «Петровом чертеже», он являет собой типичный образец геральдического картуша, каковыми украшено множество аксонометрий и панорам западноевропейских городов того времени. Но особую ценность представляет раскраска этого картуша, поскольку это — самое раннее из дошедших до нас свидетельств цветового решения герба России. Не исключена, впрочем, и ошибка иностранного мастера, раскрасившего акварелью сошедший с печатного станка лист черно-белой гравюры. Но принципиальный вопрос о цвете российского двуглавого орла на рубеже XVI и XVII вв. может быть однозначно решен в пользу одного из *металлов*, но не *черной финифти*<sup>11</sup>. Исходя из анализа самой гравюры, черный цвет орла был бы изначально, вне зависимости от раскраски, показан с помощью густой резцовой штриховки и частичной заливки наиболее темных частей фигуры, что присутствует во всех частях изображения — в многосложной аксонометрии, заголовке, свитке с пояснениями на латыни, внешней декоративной рамке<sup>12</sup>. Серебряный двуглавый орел под двумя золотыми коронами западноевропейс-

кого образца был помещен в красном гербовом щите. На грудь орла наложен овалный золотой картуш, в красном поле которого виден скачущий *вправо* (вот оно, иноземное мастерство!) на серебряном коне серебряный змеборец.

Теократическая составляющая царской власти и религиозная основа мировоззрения великороссов XVI—XVII вв. не позволяют причислять государственный герб этой эпохи к символам сугубо светским, если вкладывать в понятие «светскость» сформированное в условиях отделения Церкви от государства современное атеистическое понимание. Каждый компонент герба, за исключением, пожалуй, портретного московского ездоца, имел собственное ярко выраженное религиозное значение, и появление в гербе Голгофского креста отражало не только содержание религиозно-философской мысли своего времени, но и состояние самой Церкви. Оформившаяся еще в XV в. автокефалия Русского Православия подводила царя и все русское общество к неизбежности введения патриаршества. Сразу же после падения Царьграда оно было пророчески предвещено посольским толмачом Димитрием Герасимовым, автором поэтической «Повести о белом клобуке»: ...И патриаршеский великий чин от царствующего сего града такожде будет дан рустей земли во времена своя и страна та наречется светлая Россия, Богу тако изволишу прославити тацями благодарении русскую землю, исполнити православия величество и честнейшу сотворити паче первых сих». В таком самодовлеющем автокефально-патриаршем самосознании Церковь Московская и начала свою историю, порвав с греками<sup>13</sup>.

Каноническую основу провозглашения в России патриаршества подготовил Иван IV Васильевич, щедрой милостыней и дипломатическими уловками вынудивший Константинопольского патриарха Иосафа II в 1562 г. особой грамотой признать законность его венчания на царство русским митрополитом: «Да будешь ты между царями как равноапостольный и славный Константин». При Федоре Ивановиче Москву посетил Антиохийский патриарх Иоаким, заискивавший перед царем и Борисом Годуновым. Митрополит Всея Руси Дионисий недвусмысленно дал понять малоазийскому гостю о его подлинном значении — он благословил его, вместо того чтобы самому первому получить благословление от патриарха. Наконец, в 1587 г. на черниговской границе объявился Константинопольский патриарх Иеремия II, встреченный с крайней подозрительностью. Однако, убедившись в том, что это действительно вселенский патриарх, царь велел принять его со всем радушием, и летом 1588 г. посольский поезд прибыл в Москву. Почетное содержание патриарха и его свиты включало и «вели-

кое бережение» от возможного шпионажа, поэтому греки вдоволь насиделись взаперти — особенно после того, как москвичам стала ясна корыстная цель их визита.

Тем не менее московский теократический строй еще раз доказал характерное свое свойство — все дело о патриаршестве целиком осуществлялось государственной властью в ее собственных интересах, а вдохновлял и вел «тайные» и официальные переговоры с запуганными греками сам Борис Годунов. Русская же церковная иерархия при этом совершенно искренне отказалась от всяческой активности, целиком доверившись царской власти. Лишь на последней стадии переговоров иерархи представили Иеремию окончательный вариант патриаршего чина, включив в него русскую, а не греческую традицию рукоположения в архиереи. Итак, 26 января 1589 г. московская дипломатия довела свое многомесячное давление на вселенского патриарха до логического конца — он поехал в Успенский собор поставлять в патриархи никогда прежде не виданного им митрополита Всея Руси Иова<sup>14</sup>. Введение патриаршества ничем не нарушило, более того, усилило своим авторитетом ту отразившуюся в символике России преемственность власти, которую воспринял Борис Годунов от угасшей династии московских Рюриковичей.

Дополнительные хлопоты для Москвы вызвало несогласие некоторых греческих иерархов с вынужденным решением патриарха Иеремии, а также неполный состав Собора, вынесшего решение впредь называть в молитвах патриарха Московского и Всея Руси лишь пятым — после Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Москва как «Третий Рим» не могла соглашаться с таким положением, фактически оставаясь единственным оплотом Православия на Земле. Но ни посольства с обильной милостыней для нищих восточных патриархов и епископов, ни политический авторитет всего православного царства Российского не смогли сломить гордыни греков, опиравшихся на правила древних Соборов — и по сей день остающихся непререкаемыми. Лишь при патриархе Никоне Русская Церковь внешне смирилась с таким решением восточных патриархов, приобретая, тем не менее, полную идейную и символическую законченность собственной автокефалии. Церемониальное облачение ее в патриаршие одежды отгоняло и тень сомнения в этом.

Первый патриарх Московский и Всея Руси был человеком весьма одаренным — прекрасно пел, знал наизусть множество молитвенных текстов, но не обладал собственной инициативой — он по-прежнему исповедовал идеологию «Москва — Третий Рим» в духе Стоглавого Собора. Преданный царю Федору Ивановичу и



его первому боярину Борису Годунову, Иов оставался безмолвно лояльным и при усилении репрессий, сопровождавших воцарение Бориса. В 1603 г. началась Смута и объявился первый Самозванец. Со смертью царя Бориса Федоровича и разрастанием Смуты патриархи выдвинулись на первый план в политической жизни страны, но миф о чудесно спасшемся царевиче «прирожденном» оказался сильнее авторитета «царя неподлинного» и увещаний патриарха. Лжедмитрий, по рождению и воспитанию москвич, хотя и был игрушкой в руках иезуитов, так и не стал истинным латинянином. Инстинктивно он тянулся к народу московскому, официально играл на «патриотическом» Православии, но России была уготована уния — католицизм с временным сохранением православной обрядности. Вместо свергнутого Иова Самозванцем был возведен на патриарший престол грек Игнатий (с 1605 по 1606). Близка была к осуществлению фантастическая, невероятная мечта римских пап и польских королей — духовное и политическое порабощение России<sup>15</sup>.

Разумеется, оказавшийся на российском престоле «царевич Дмитрий Иванович» не собирался менять праотеческой государственной символики, но политическая его сущность воплотилась в откровенно западные нововведения. Во-первых, государство стало официально называться Московским, что выглядело привычным в Польше, Литве и Ватикане, но в корне подрывало идеологические претензии Государей Всея Руси на все древние русские территории. Во-вторых, к известному уже по обряду венчания на царство Федора Ивановича *скипетру*<sup>16</sup> добавилась хрустальная *булава* жены первого Самозванца с цевьем из слоновой кости<sup>17</sup>. В-третьих, в отечественной символике ненадолго промелькнула некая «императорская» корона Лжедмитрия, происходившая, скорее всего, из Речи Посполитой. Некая диадема была возложена и на голову «царицы» Марины Мнишек, но это иноземное новшество тут же было забыто при Василии Шуйском. Печати и Лжедмитрия I, и Лжедмитрия II сохраняли прежнюю российскую символику, за исключением одной, на которой помимо привычных уже двух корон на главах орла появилась еще и третья — королевская. На другой печати Лжедмитрия I трехстрочной легендой окружен орел с двумя коронами над головами, между которыми помещен Голгофский крест. Сохранилась и печать Лжедмитрия II с изображением всадника, поражающего копьём дракона. Эта специально вырезанная для него печать претендовала стать общегосударственной<sup>18</sup>.

Во всем облике данной печати — и в иконографии орла, и в форме сердцевидного щита, и в третьей — «королевской», или «императорской», короне, и в стилистике букв надписи и декора вокруг



Рис. 52. Печать Лжедмитрия I. Лицевая сторона (прорись по А. Б. Лакиеру).

нее сквозит иноземное, скорее всего польское, происхождение. С особой отчетливостью это проявляется в форме воздетых вверх крыльев орла с преувеличенно крупными перьями, что характерно для всей западноевропейской геральдики. Напомним, что в массе изображенных на рыцарских гербах орлов одно крыло могло вмещать всего по 3–4 крупных пера. Затем необычный для московской геральдики абрис сердцевидного щита, в котором поражающий змия всадник скачет вправо. Русская иконография всадника-змееборца позволяет целиком увидеть взмах правой руки с копьём, втыкающимся в раскрытую пасть поверженного змия. Западноевропейская традиция герба складывалась в других условиях: при надетом на левую руку щите рыцаря любые из изображенных на нем «живых» гербовых фигур должны были быть обращены головами вправо для того, чтобы повторять общее со всадником направление движения, иными словами, *шестьвовать, скакать, лететь* к правому краю рыцарского щита<sup>19</sup> — именно в том направлении, что и сам рыцарь. При направленном к левой стороне щита, обратном направлении движения гербовой фигуры, таковая называлась *убегающей*. На этом типичном примере становится очевидной несовместимость многих правил русской и западноевропейской гераль-

дик. В последующие века массового российского герботворчества целый ряд самобытных особенностей отечественных гербов во внимание не принимался — все захлестнула геральдическая (и не только!) герmanoфилия.

Иностранное происхождение печати Лжедмитрия I лишней раз подчеркивается чуждой русским традициям короной — отнюдь не великокняжеской шапкой Мономаха и не пятилепестковой царской (изображавшейся в таком виде, как правило, на миниатюрах и иконах). А круговая надпись не оставляет сомнений в том, что эту печать составлял и резал нерусский человек: *Дмитрь Ивановичъ Божю милостую царевиць Московски*. К тому же использован не древнеславянский шрифт, характерный для печатей всех русских государей XV—XVII вв. а несвойственное Руси того времени начертание букв, близкое к гражданскому письму XIX в.<sup>20</sup> Все эти детали, трудно различимые для неспециалиста, но получившие некогда статус государственных символов, доказывают неразрывную связь символики с проводимой на каждом отрезке истории Отечества государственной политикой. Измученной Смутой стране исподволь навязывались не только чужеземные инсигнии власти, но и сама власть контролировалась иезуитами — ненавистниками Руси, готовившимися нанести ей удар прямо в сердце — подменить унией Православную Веру. И в дальнейшем парадигма власти диктовала содержание и форму государственных символов, оставшихся в зависимости от этого либо целиком великорусскими, либо зависящими от меры симпатии самодержцев к западноевропейской харизме. Государственный герб (как и геральдика страны в целом) всегда служил четким выразителем национально-государственной идеологии, и беспомощный эклектизм герба нынешнего — яркое тому подтверждение. Но к этому печальному состоянию отечественной геральдики мы вернемся в конце книги.

Ватиканские и варшавские вдохновители обращения с помощью Лжедмитрия I России к унии просчитались — ни пошатнувшаяся царская власть, ни предательство патриарха Игнатия при общей инфантильности духовенства не сломили православный дух великороссов, ибо Православие давно уже стало основой миропонимания русских людей, их врожденной и воспитываемой национальной традицией, превратившейся в ментальность. Творимое ляхами поругание отеческих святынь и самой Веры привело к восстанию москвичей, в одну ночь вырезавших всю иноземную свиту Самозванца и растерзавших его самого. Плодами подготовленного ими народного выступления воспользовались бояре, незамедлительно избравшие на царство своего вождя — князя Василия Ивановича Шуйского (1552—1612, царь с 1606 по 1610). Игнатий был

заточен в монастырь, но восстановленный в правах патриарх Иов к тому времени оказался уже ослепшим старцем, и вскоре на патриаршество был избран Казанский митрополит Ермоген — один из немногих, кто осмеливался открыто противостоять Самозванцу и претерпеть за это. Вступивший в борьбу с поляками и «тушинским вором» Лжедмитрием II, царь Василий IV Шуйский вернулся и к исконным традициям российской государственной символики. Сохранилась его красновосковая печать, привешенная к одному из актов 1606 г., на которой с одной стороны был помещен коронованный всадник-змеборец — московский герб, а на обратной стороне — двуглавый орел с надписью вокруг него: *Божиею милостью великий государь царь и великий князь Василий Иванович Всея Руси самодержец и многих государств государь и обладатель.*

Другая печать царя Василия IV Шуйского — односторонняя, которую *прикладывали* к листу грамоты, а не подвешивали под нею на шнурке. Именно в такой форме складывался устойчивый тип Большой государственной печати. В ее рисунке совмещение российского двуглавого орла и московского ездоца оказывалось неизбежным, что и положило начало традиции расположения великокняжеской эмблемы в сердцевом щите<sup>21</sup>. Весьма характерно, что единорог на время Смуты покинул печати царя избранного и царевичей самозванных и появился в государственной символике России только при Михаиле Федоровиче Романове. Видимо, никто из выдвинутых Смутой правителей России не решился осенять себя символом свирепой чистоты, который многими воспринимался личным гербом Ивана Грозного. Характерно и то, что, несмотря на торжественное перенесение мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву, публичное покаяние присягнувших Самозванцу патриарха Иова и всего московского народа, инициируемое появлением все новых «царевичей» брожение верхов и низов российского общества продолжалось. Многие историки предлагали свои объяснения этого губительного процесса, но мы склоняемся к версии Л. Н. Гумилева<sup>22</sup>: для характеристики Смуты оказывается показательным отнюдь не социальный, а этнический смысл происходящего.

Москвичи убили Лжедмитрия I и сопровождавших его поляков не за посягательство на царский престол, уступленный ими относительно спокойно, а за оскорбление Православия, за противопоставление чужеземной этнической традиции великорусской. «Крестьянская война» под предводительством Петра Болотникова не была вызвана каким-либо классовым конфликтом — Москву-то, как раз, и защищало крестьянское ополчение, собранное царем Василием Шуйским в северных и центральных областях России.

Зато ударной силой восставших были дворянские полки, несшие пограничную службу на ее южных рубежах — рязанских, донских и черниговских. Избыточная энергетика пассионарного перегрева<sup>23</sup> бросила южные субэтноты рязанцев, донских казаков и «северюков» (потомков северян Древней Руси) на борьбу с москвичами и другими населенниками центральных и северных земель за лидерство в великорусском этносе. Те же южане вслед за первым Самозванцем поддержали и второго («тушинского вора») только из-за недовольства подчиненностью Москве, потерявшей к тому времени немалое число своих энергичных и инициативных людей (пассионариев) в репрессиях опричнины.

Православие как стержень всей великорусской национальной традиции оказалось единственной силой, которая уберегла страну в условиях внутренней междуусобицы и иноземного вторжения. Идейный смысл сопротивления обрушившимся на Россию невзгодам предельно точно выражен в соборном ответе Троице-Сергиевой Лавры осадившим ее бандам интервентов: «Да весть ваше темное державство, гордии начальницы, Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, — всякую нас прельщаете, Христово стадо православных христиан <...> — како вечную оставити нам святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покоритися новым отпадшим христианския веры, иже прокляты быша от четырех вселенских патриарх? Или кое приобретение и почесть еже оставити нам своего православного государя царя, покоритися ложному врагу и вам — латыне иноверным и быти нам яко жидам или горше их. Они бо — жидове, не познавше Господа своего, распяша; нам же, знающим своего православного государя, под их же царскою христианскою властью от прародителей наших родихомся в винограде истинного пастыря Христа, како оставити нам повелеваете христианского царя и ложною ласкою и тщетною лестию и суетным богатством прельстити нас хотите? Но ни всего мира не хотим богатства противу своего крестного целования»<sup>24</sup>.

Летом 1610 г. после свержения и пострижения в монахи Василия Шуйского, при действующем смоленском договоре тушинцев с королем Сигизмундом III о призвании на российский престол его сына Владислава, патриарх Ермоген оказался единственным выразителем патриотических принципов государственного устройства. Вместо лукаво согласившегося принять Православие королевича Владислава патриарх предложил кандидата из своей, великорусской династии. Им оказался сын митрополита Филарета (до пострижения в 1601 г. — Федора Никитича Юрьева-Романова), 14-летний Михаил — внучатый племянник царицы Анастасии

Романовны, первой жены Ивана Грозного. Старинный боярский род Захарьиных-Юрьевых вел свою родословную от одного из сыновей Андрея Ивановича Кобылы — боярина князя Симеона Гордого, родоначальника Бутурлиных, Пушкиных и многих других прославленных русских фамилий. Воцарение ближайшего родственника, хотя и по женской линии, угасшей династии московских Рюриковичей представлялось Ермогену и всем поддержавшим его залогом династической, а вместе с ней государственной стабильности России.

Гербовый орел первых лет царствования Михаила Федоровича Романова (1596—1645, царь — с 1613) практически целиком, включая форму сердцевидного картуша, повторял орла на печати 1562 г. Ивана Грозного. Лишь водруженный в межглавии Голгофский «патриарший» крест (с двумя длинными горизонтальными перекладинами без наклонной нижней) напоминал печать Бориса Годунова и свидетельствовал о вере великороссов в богоизбранность родной земли — «Нового Израиля», претерпевшей в Смуту за многочисленные грехи свои. Едва ли стоит данную, привычную уже иконографию гербового орла<sup>25</sup> причислять к инициативам юного родоначальника новой царской династии — он долгое время пользовался двухсторонней серебряной печатью, на которой были «в кругах животворящие кресты и орлы, а в орлах ездец и инрог»<sup>26</sup>. Возвратившийся в 1619 г. из польского плена отец царя — нареченный патриарх Филарет — стал фактическим вершителем государственных дел и пробыл реальным правителем Российского царства вплоть до своей смерти в 1633 г. Вскоре вошедшие в пределы России по договору с царем Василием Шуйским шведы покинули оккупированную ими новгородскую землю.

Ужесточив правила обращения в православие латинян и униатов, патриарх Филарет уделил особое внимание книгопечатанию. В результате за годы его правления из Московской типографии на Никольском крестце вышло больше печатных изданий книг, чем за все время русского книгопечатания от его начала при Иване Грозном. Будучи по натуре крайним консерватором и вдоволь натерпевшись за 8 лет польского плена, Филарет подверг строжайшей цензуре всю напечатанную в киевско-литовских типографиях богослужебную и духовную литературу. В целях защиты от явных и вымышленных ересей традиционного московского Православия многие издания были публично сожжены, и вместе с изъятием из библиотек этих книг на время прервалось знакомство великороссов с образцами западно- и южнорусской родовой и цеховой геральдики<sup>27</sup>

И все же царствование Михаила Федоровича нельзя охарактеризовать одним только инертным использованием символики и

инсигний власти прежних государей. В 1625 г. появляется новая царская печать «больше прежние, для того, что на прежней печати наше государское титло описано было неполна... Помимо включения в титул слова «самодержец», в этой печати велено было поместить вместо Голгофского креста третью корону, и поэтому 1625 г. принят датой официального введения в государственный герб трех корон. Несмотря на весьма условную форму центральной короны, парящей в межглавии над малыми трехлепестковыми венцами на главах гербового орла, ее безусловно следует признать творением чисто русским — противопоставляемым «императорской» короне Лжедмитрия I. Высокий закрытый верх над узким венцом с тремя видимыми лепестками заставляет отнести этот символический головной убор к типу «шапка», очевидно несхожему с известными типами корон западноевропейских монархов или с византийскими диадемами. Возможно, прототипом этого изображения послужил несохранившийся царский венец, изготовленный артелью иностранных мастеров в 1624 г. Бесспорной «шапкой» является и вошедший в *Большой наряд царя Михаила Федоровича* еще один драгоценный венец, выполненный теми же мастерами три года спустя. По имени думного дьяка, подписавшего распоряжение о создании второго венца, он стал называться «шапкой Ефима Телепнева». Впоследствии этот церемониальный головной убор служил шапкой Астраханского царства<sup>28</sup>, и в этом качестве его изображение в 1857 г. было включено в Большой государственный герб Российской империи.

Весь XVII в. оказался для России «переходным временем, когда в русской религиозно-философской мысли впервые открыто столкнулись и вступили в противоборство разные методологии мышления: традиционное религиозно-мистическое, привнесенное при освоении греческого опыта схоластико-догматическое и рационалистическое, опирающееся на опыт западноевропейский. Появление новых типов мышления, вероятно, было порождено общим состоянием России, очутившейся перед проблемой освоения нового пласта своей культуры, до той поры практически не развивавшейся, — культуры светской. Но первые, самые робкие попытки распространения светских знаний и образования вызвали резкое неприятие широких кругов великорусского общества, увидевших здесь проникновение «латинства», иными словами — ереси, в единственную в мире православную страну. Ведь в сознании людей XVII в. главной целевой и смысловой установкой существования России оставалось сохранение истинного православия на земле»<sup>29</sup>. Именно в этой системе ценностей были сформулированы главные вопросы древне- и великорусского любомудрия и найдены ответы на них — и о месте России в общечеловеческой истории, и о смысле ее

существования, и о том, кто способен обеспечить достижение Россией поставленных задач.

Сконцентрированная на уровне личности, а потому полная взаимоисключающих подходов и установок, светская культура в принципе далека от уровня решаемых религиозно-философской мыслью задач. Именно такой мы познаем ее со дня своего рождения в сугубо светском и атеистическом государстве. Благодаря своей природе именно такой она формировалась и в России XVII в. Но инерция все еще непоколебленного религиозного сознания продолжала совершенствоваться уже сложившиеся к тому времени образные идеалы, и цель бытия России — уже не «Третьего Рима», а «Нового Израиля» — виделась в принятии ею обязанностей вселенского православного царства и, следовательно, в подчинении национального вселенскому. Тем самым при переходе этой цели из области религиозно-философской в область внешнеполитическую определялось и направление дальнейшего развития самой России.

Тогда же, в середине XVII в., в русской религиозно-философской мысли появилась новая историческая мифология, легшая в основу и новой историософии: возник знаменитый летописный Свод 1652 г., предложивший совершенно иной взгляд на историю России, образовавшейся задолго до Рождества Христова и произошедшей от легендарных братьев Словена и Руса. В летописном Своде наше Отечество объявлено самым древним государством, имеющим исторические претензии на территории от Адриатики до Ледовитого океана. В этих условиях складывался и новый историософский идеал: Российское православное самодержавное царство становилось прообразом Вселенского православного царства<sup>30</sup>.

Изменение акцентов любомудрия и историософии внесло поправки и в Чин венчания на царство в 1645 г. Алексея Михайловича (1629–1676), в котором содержится ссылка на права наследия «Августа кесаря, обладающего всею вселенною»<sup>31</sup>. Но выпренности подобных формулировок вторил весь ход событий на западных рубежах России. Освободительная борьба украинцев и белоруссов 1648–1654 гг., поддержанная решительными действиями Московского правительства<sup>32</sup>, привела к выходу из-под власти Речи Посполитой значительной части исконных православных земель. Созванный в Москве Земский собор 1 октября 1653 г. принял Украину в состав Российского царства, что, разумеется, непосредственно отразилось на царском титуле. В то же время выражение «Государь Всея Руси», декларирующее претензии российских самодержцев на все без исключения земли Древнерусского государства, под давлением польской, шведской и ватиканской дипломатии было заменено на «Всея Великия и Малыя России». Разумеется, это не



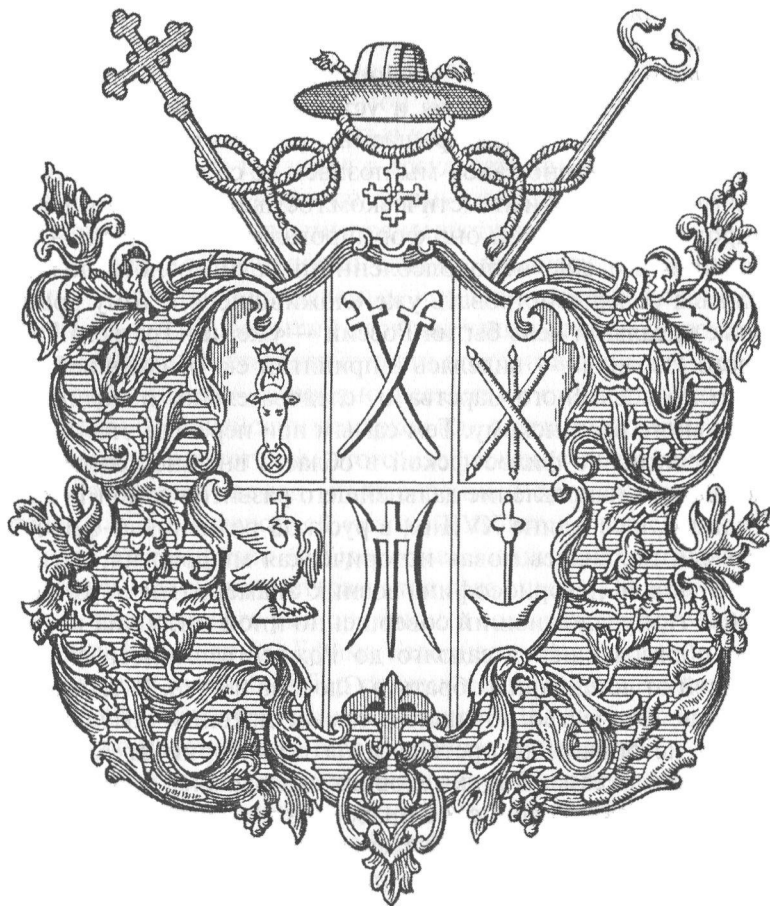


Рис. 53. Герб митрополита Киевского Петра Могилы из львовского Апостола. 1639 г. (прорисовка по А. Б. Лакиеру).

означало отказ от намерений объединить все русские земли под единым скипетром, но формула «Всея Руси» навсегда покинула титул российских царей, вернувшись уже в титулы императоров в форме «Всероссийский».

За годы своего царствования Алексей Михайлович пользовался многими печатями, о чем свидетельствуют девять сохранившихся до наших дней. Вероятно, старейшей из них следует считать ту, что полностью повторяет сложившуюся после 1562 г. традиционную композицию: парящий в центре круга двуглавый орел окружен несколькими кольцами надписей, содержащих Полный царский титул. Иконография орла здесь во многом также осталась

традиционной — концы наполовину распахнутых крыльев обращены книзу, лапы хищно растопырены, в сердцевом картуше — скачущий влево ездец-змеборец. Но появились и новые особенности: увенчанные изящными трехлепестковыми венцами головы орла, по-прежнему изображенные с раскрытыми клювами и высунутыми языками, возвышаются на длинных лебединых<sup>33</sup> шеях, что придало царственной птице еще более сказочный облик. Увеличившееся благодаря удлинению обеих шей пространство между ними вместило третью, более крупную по сравнению с парными венцами, трехлепестковую корону. В рисунке всех этих открытых венцов, уже не напоминавших «шапки» предыдущего царствования<sup>34</sup>, просматривается влияние западноевропейской геральдики, начинавшее все ошутимее сказываться на российской символике со второй половины XVII в.

Создание этой печати, вероятно, можно датировать 1653—1654 гг., исходя из состава земельных владений<sup>35</sup>, перечисленных в пяти кольцевых строках Полного царского титула: «Божью милостию Великий Государь царь и Великий князь Алексей Михайлович Всея Великия и Малыя России Самодержецъ Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белгородский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея Северные страны Повелитель и Государь Иверские земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинские земли, Черкасскихъ и Горски(х) князе(й) и иным многим государствам и землям Восточнымъ и Западнымъ и Севернымъ Отчич и Дедичъ и Наследникъ и Государь и Обладатель»<sup>36</sup>.

Следующий этап развития российской сфрагистики и геральдики связан с Большой государственной печатью царя Алексея Михайловича, но ее появлению в 1667 г. предшествовал ряд крупных событий в жизни России. Молодой самодержец пришел к выводу, что Московскому царству нельзя возвеличиться, отгородившись от мира, что настало время более близкой греческому закону *киевской учености* и не следует далее придерживаться филаретовского антилатинства. Еще в 1640 г. знаменитый деятель киевского православного просвещения митрополит Петр Могила предлагал царю Михаилу Федоровичу устроить в Москве монастырь для ученых малороссийских монахов, выпускников богословской Академии киевского Богоявленского монастыря, а при новом «монастыре учинить школу для обучения грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину». Но тогда школьный вопрос решен не был, и нам киевский митрополит интересен, прежде всего, своим

гербом. Как и многое из наследия южнорусской культуры, родовые гербы местного православного дворянства вместе с изданными в Киеве, Львове и других типографских центрах книгами стали в большом числе попадать на территорию Великой России после присоединения к ней России Малой. Благодаря львовскому Апостолу 1639 г. герб Петра Могилы стал не только известен в Москве, но и послужил образцом для создания гербов великорусских церковных иерархов — патриарха Никона и святого Дмитрия Ростовского<sup>37</sup>

Развитие школьного дела в России началось внезапно и двинулось вперед решительными шагами. В мае 1649 г. по личной просьбе царя Киевский митрополит Сильвестр Коссов прислал в Москву ученых старцев, знающих греческий и латинский языки. Однако встреча киевской учености с московской бесшкольностью сразу же вызвала интеллектуальное и духовное брожение, активизировавшее и укрепившее в москвичах угрожающую стихию старообрядчества. Москвичи с удивлением обнаружили, что их южнорусским собратьям чужда затаенная мечта о воплощении наяву заветного идеала «Москва—Третий Рим». Но и в стольном граде, и в провинции огромной России низовое общество не привыкло мыслить вселенскими категориями и не желало отпускать своего «единого православного царя всех христиан» на вселенское поприще<sup>38</sup>.

Жертвуй национальным во имя вселенского, Россия не просто вступила в многолетний внутренний конфликт между сторонниками и противниками исправления богослужебных книг, за которым стояли, по сути, противоборствующие методологии мышления. Хлынувшие в Москву киевские книжники были носителями несколько иных этнических традиций, противопоставление которых коренным, московским вызывало инстинктивное неприятие. Недаром известный протопоп Иван Неронов в своем послании царю Алексею Михайловичу крайне негативно характеризовал киевских единоверцев: «Зрим бо в них ни едину от добродетелей; Христова бо смирения не имут, но сатанинскую гордость, и вместо поста многоядение и пьянство любят. Вместо еже Христа ради истаяти тело, мягкость и буйство любят. Крестного же знаменения на лица истинно изобразити не хотят, и сложению перст блядословне противятся, яко врази истине и ругатели. На коленях же поклонитися Господеви от покоя ради не хотят. И лжу сшиваючи самосмышлением, разум божественного писания лукаво скрываючи, своевольне блядут на прелесть безумным человеком»<sup>39</sup>.

Но царь Алексей Михайлович и поставленный в патриархи в 1652 г. Никон были твердо убеждены в призвании вселенского православного царя собрать под своим скипетром в Московскую державу все земли христианские «от моря и до моря, и от рек до

конца вселенная». Перенос акцент внутренней религиозной жизни и внешней политики с модели «Москва — Третий Рим» на возрождение вселенского православного Третьего Рима с центром в Царьграде, царь и патриарх в извечном конфликте между национальными и всеобщими интересами решительно встали на сторону «православного интернационализма» и тем самым обрекли великороссов на Раскол. «Огречивание» русского церковного чина в этих условиях приобретало особый смысл. И поддакивавшие царю ближневосточные патриархи, и хорошо осведомленные о междуцерковных возможностях киевские книжники<sup>40</sup> готовили сближение в церковном обряде с греками ради скорейшего политического объединения православных народов под скипетром московского царя. Но при этом становится очевидным, что для достижения целей царя и патриархов сами великороссы должны были поступиться своими вековыми традициями, быть «согласны во всем и купночинны с восточною святою церковью», а на деле — проливать свою кровь для спасения греков и иных единоверцев от турецкого ига, католического и униатского насилия.

Избранный царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном совершенно новый для России духовно-политический курс — *отказ от традиционного религиозно-политического изоляционизма и сближение русского православия с греческим* — требовал церковной реформы. Ее религиозно-философской основой становилось *грекофильство*, сторонники которого не хотели верить в особость великорусского мира. Реформаторское исправление богослужебных книг и обрядов осуществлялось в 1653—1667 гг. и, помимо унификации обрядовой стороны русского и греческого богослужений, преследовало цель ослабить влияние на Россию «латинства» — западноевропейской культуры. Однако немалая часть работы по «исправлению книг» была поручена малороссийским «справщикам» — знавшим иностранные языки выпускникам латинских и униатских учебных заведений. В результате в ходе реформы значительно усилились позиции не «грекофилов», а «латинствующих», ориентированных на западноевропейские образцы. Как раз они-то и были вдохновлены развитием светской культуры и мощью рационалистического метода мышления, что вызвало поддержку великорусских светских властей и, прежде всего, царского семейства<sup>41</sup>.

Вполне вероятно, что развернувшаяся именно тогда сложная борьба между «грекофилами» и «латинствующими», едиными лишь в желании видеть обновленную Россию вселенским православным царством, определила все дальнейшие столкновения между «славянофилами» и «западниками» — уже не столь единодушными в выборе своего идеала. В грекофильской среде родилась новая исто-

рическая мифология — летописный Свод 1652 г. «Латинствующие» вовсе не признавали сложившуюся за 200 лет автокефалии Русской Церкви религиозно-философскую традицию великороссов чем-то исключительным, их Православие — единственно истинным, а саму Россию — «Третьим Римом». И такая идейная позиция сыграла весьма заметную роль в формировании общественного сознания, став идейной подоплекой реформ Петра I. Когда же сторонники «древлего благочестия» были осуждены официальной церковью, многие великороссы пришли к убеждению, что Россия как «Третий Рим» погибла, а значит — в ней настало царство Антихриста. И если идеологи раннего старообрядчества считали царя Алексея Михайловича и патриарха Никона лишь «предтечами» Антихриста, то в дальнейшем оценка российского самодержца и главы Церкви лишилась религиозного содержания и стала осаждаться в общественном сознании уже в категориях рационального мышления. Таким образом, начавшийся более трехсот лет назад Раскол перерос из церковного в раскол всего российского общества, и в этом расколе мы пребываем по сей день<sup>42</sup>.

Соборное Уложение 1649 г.<sup>43</sup> закрепило перерождение Российского государства из вотчинного в правовое и бюрократически-полицейское. И если термин «секуляризация» в данном случае неприемлем (Церковь долго еще оставалась крупнейшим землевладельцем и помещиком), то изъятие из церковного ведомства и передача государству (в Монастырский приказ) церквей и монастырей с духовенством, братией и крестьянами шло ускоренными темпами. Лишь за патриархом, как за неким удельным князем, сохранилось еще прежнее «домовое вотчинное право». В ходе этой реформы, вызванной скорее инстинктом государственной целесообразности, нежели четко выраженными целевыми установками, существенно обострились взаимоотношения светской власти и Церкви. А героями этого противостояния пришлось быть родным братьям по духу, вере, культуре и мировоззрению — царю Алексею Михайловичу и патриарху Никону, который сразу же пренебрег Уложением 1649 г. и продолжал приобретать все новые владения.

От Москвы на сотни и даже тысячи верст простирались патриаршие земли, на которых ощущавший себя церковным монархом Никон воздвиг три новых монастыря. В этом строительстве воплощалась заветная, горячо поддерживаемая самим царем, идея московского церковного великодержавия. Выходец из Анзерского скита на Соловецких островах, Никон один из этих монастырей основал также на острове Белого моря близ устья реки Онеги. На Валдае появился Иверский монастырь, а в окрестностях подмосковного Воскресенска возник третий, претенциозно названный «Новым Иерусалимом».

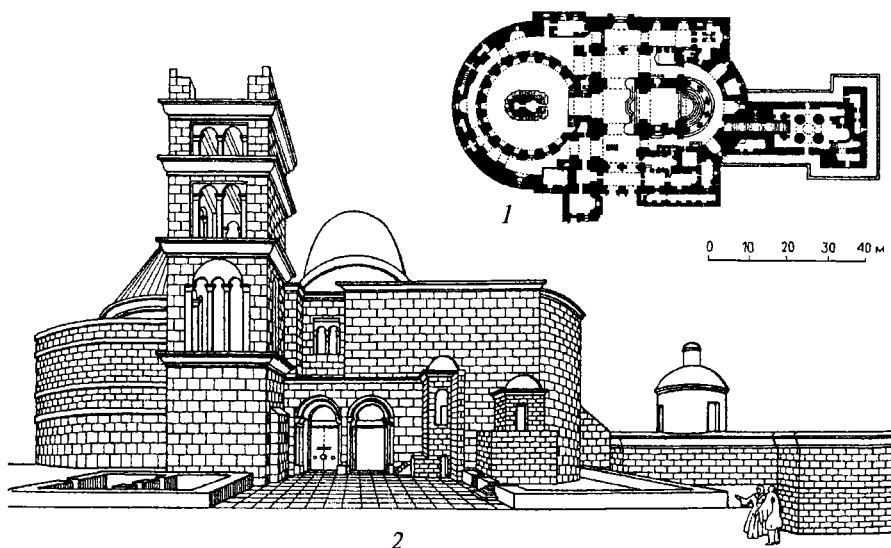


Der zu vnser zeit in vngnaden von der Moscau abwesender Pa-  
 triarch der ganzen Ruslandt Nikon, seiner alters nunmehr 48 Jahr, eines gemeinen  
 Landtstapffen Sohn ist 22 Jahr Patriarch gewesen, geboren Anno 1617 Nischenow,  
 grodischen gebiehte. Von wegen seiner geschicklichkeit vndt gaben der Natur nachmal,  
 zum Metropolitzen erwehlet, vndt dieselbe zeit ist sein Weib eine Nonne geworden  
 vndt endtlich im Kloster gestorben; Jetzt heist er sich auff in einem Kloster auffstelt  
 hing. Ehrlich, oder New Jerusalem genandt 40 Wirst sind in Heilliche meilen We-

Рис. 54. Патриарх Никон в парадном облачении. Из книги А. Мейерберга  
 «Путешествие в Московию». 60-е гг. XVII в.

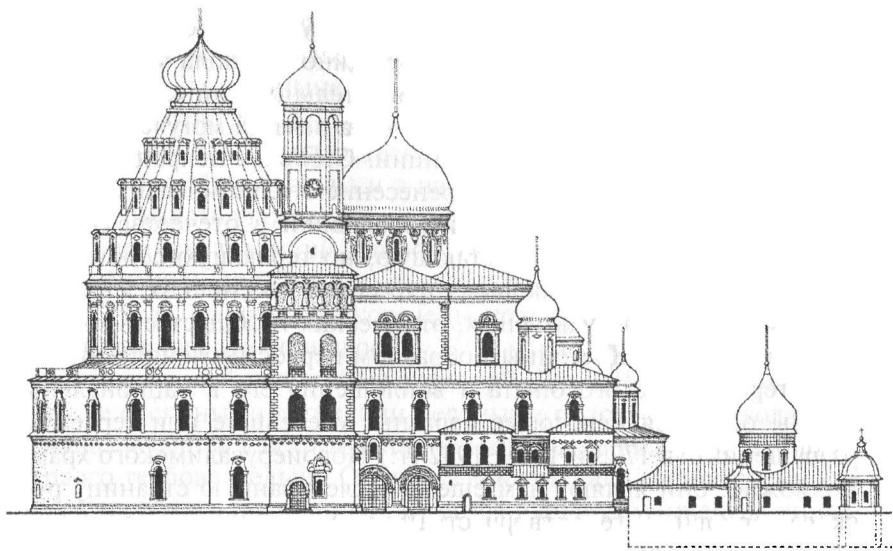
Воскресенский монастырь стал широко известным именно под этим названием. Воздвижение Новоиерусалимского ансамбля привнесло в традиционное зодчество нечто принципиально новое — в уже давно освободившихся от какого-либо иноземного влияния формах московской архитектуры была воплощена модель<sup>44</sup> храма Гроба Господня в древнем Иерусалиме. Весь ансамбль монастыря олицетворял собой зримый образ религиозно-философского идеала «Россия — Новый Израиль», а в алтарях нового храма была воплощена его церковно-политическая суть: в пяти алтарных отделениях имелись пять престолов для всех пяти патриархов. И вполне закономерно, что средний, центральный престол, Никон предназначил для себя как для первого воистину вселенского из патриархов<sup>45</sup>.

Если бы великорусскому гербоведению удалось приблизить смысловое содержание графической символики к многозначности символического строя архитектуры, Отечество получило бы ни с чем не сравнимую, самобытную геральдику — единственно достойную нашей великой истории и культуры. То же относится и к художественной образности нашей грядущей геральдики, которой сам Бог велел учиться этому у древнерусского зодчества. Повторяя принесенный палестинскими паломниками план Иерусалимского храма и его общее объемно-пространственное решение (см. рис. 55



**Рис. 55.** Собор Гроба Господня в Иерусалиме (по гравюре Амико, XVII в.).

1 — план; 2 — южная сторона собора.



**Рис. 56.** Новый Иерусалим. Южный фасад Воскресенского собора, опыт реконструкции (рисунок автора).

и 56), воздвигнутый в 1658–1685 гг. Воскресенский собор Новоиерусалимского монастыря остается признанным шедевром архитектуры отечественной, бесспорно отличающейся от любой другой целостным набором собственных существенных свойств. Такой надлежит быть и нашей геральдике, преобразующей общеизвестные закономерности построения и прочтения гербов в яркие национальные формы. Тогда и ей, подобно древнерусской архитектуре, покорятся символы вселенского значения.

В этом качестве пример архитектурного облика Воскресенского собора и всего Нового Иерусалима в целом особо поучителен. На смену аскетичности и суровости каменных плоскостей палестинского прототипа пришли материализовавшиеся мечты великороссов о райской красоте и светлом бытии, воплощенные в соразмерность и пропорциональность всех частей огромного живописного ансамбля монастыря, в его непревзойденное изразцовое убранство. Поливной цветной черепицей был покрыт и гигантский — диаметром 23 м — каменный шатер над центральной ротондой храма. Но после его обрушения в 1723 г. на этом месте возвели шатер деревянный, формы которого сохранены и поныне. При этом целостность и гармоничность архитектурного облика Воскресенского собора, обусловленные завершенностью вековых поисков



самобытной образности великорусского зодчества, были изрядно нарушены. Безраздельно господствующая уже в середины XVIII в. западноевропейская стилистика неизбежно вступила в противоречие с исконной, превратив это замечательное в инженерном отношении сооружение в инородный организм на могучем теле национальной архитектурной традиции. Столь же непродуктивным оказывается и механическое перенесение стилистических закономерностей западноевропейской геральдики в отечественную — ничего при этом не приобретающую, но теряющую собственное предназначение быть знаковым отражением российских, а не чьих-то иных историко-культурных, этнических и общественно-политических реалий. Достойным образцом переосмысления зарубежного геральдического опыта и воплощения его в национальные формы остаются некоторые изразцы, уцелевшие при серьезных разрушениях (в 1723 и 1941–1942 гг.) Новоиерусалимского храма. Возможно, они являют нам еще неисследованную страницу русского церковного герботворчества<sup>46</sup>

Еще патриарху Филарету как отцу основателя новой царской династии принадлежал титул «Великий Государь». Этот титул вскоре после поставления в патриархи был пожалован и Никону, отчего в Служебнике 1653 г. царь и патриарх названы «двоицею, сугубицею богоизбранною». Дружба с царем, неумеренное честолюбие и мысль о примате Церкви над государством кружили Никону голову и не позволяли признать чуждость самой этой мысли всему восточному православию. В своей неистовой ярости к Уложению 1649 г. и страстной мечте о возвращении Церкви прежней имущественной власти, как это ни парадоксально, Никон вступал на позиции римского клерикализма и тем самым способствовал все более расширявшемуся проникновению латинства в Россию. Несмотря на начавшийся в 1658 г. разлад с царем и неоднократные публичные отказы от патриаршества, Никон продолжал мыслить себя Великим Государем, не уступавшим Римскому Папе по степени сосредоточения в его руках духовной и светской власти. Недаром влияние папских гербов на составление герба патриарха Никона не вызывало сомнений у отечественных исследователей<sup>47</sup>

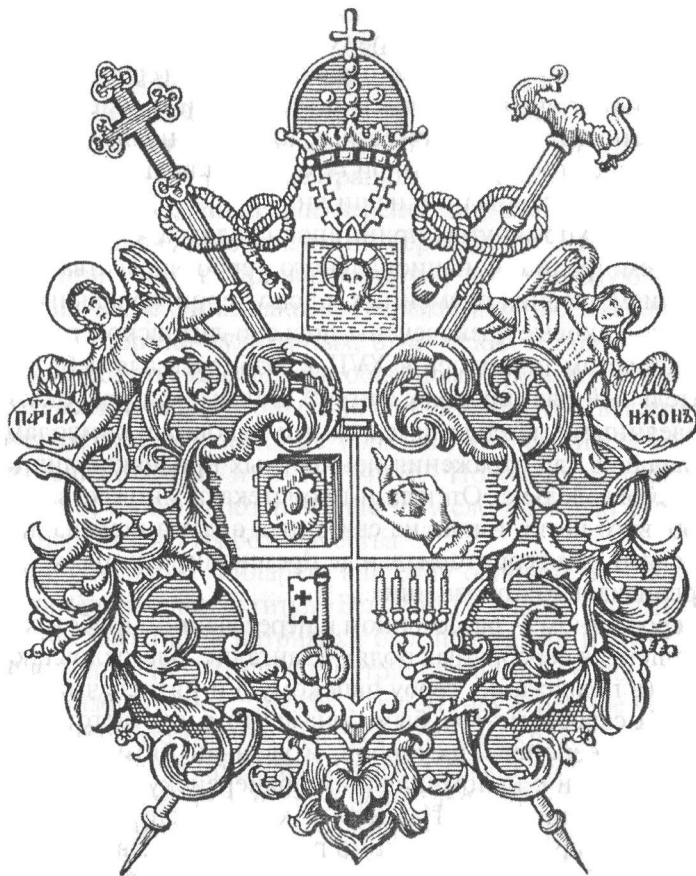
Создание первого из обнаруженных личного великорусского герба относится ко времени достижения Никоном своего наивысшего могущества. Изображение этого герба украшает книгу 1659 г. «Рай мысленный» из Валаамского монастыря и сопровождается поясняющим девизом: «Егда печать сию вернии смотряем, велика пастыря всем уподобляем. Десницу, светильник, ключ, Евангелие, образ Спасов, крест, жезл, венец, началие». Превращение в

гербовые фигуры перечисленных в девизе словесных символов и ряд других особенностей этого герба следует признать начальными принципами целенаправленного отечественного герботворчества. Эти принципы и поныне остаются актуальными и действенными вследствие относительной схожести условий становления института национально-государственной геральдики в эпоху царствования Алексея Михайловича и в наши дни.

Начальность упомянутых принципов сводится к следующему. За неимением традиций национального герботворчества и полным забвением древних племенных и родо-территориальных эмблем — таких, каковые увековечены польско-литовской геральдикой, великороссам пришлось в XVII в. избирать для себя некий самостоятельный ряд гербовых фигур<sup>48</sup>. Данные фигуры оказывались не овеянными легендами цельными родовыми символами, а предназначались для отражения конкретных признаков личности первого гербовладельца. Отсюда и проистекала множественность полей гербового щита, никак не связанная с указанием на династические связи или территориальные претензии, эту множественность первоначально породивших.

В четверчастном — рассеченном и пересеченном гербовом картуше помещены в серебряных полях Евангелие, благословляющая рука, ключ (в подражание гербу папскому?) и пятисвечник. Картуш окружен серебряно-голубым орнаментом, соответствующим *намету* западноевропейских гербов, и увенчан пятилепестковой «царской» короной с напоминающим архиерейскую митру куполообразным завершением. На цепи с короны спускается образ Спасителя, а за картушем скошенно перекрещены святительский крест и архиерейский посох, поддерживаемые ангелами. По сторонам картуша расположены инициалы аббревиатурного девиза НМ БВ ГС АМ ВВ МБ РП, означающего титул гербовладельца: «Никон милостию Божиею Великий Государь Святейший Архиепископ Москвы Всея Великия Малыя Белья России патриарх». К сожалению, остается невыясненным вопрос о составителе этого герба и о мере использования его самим патриархом. Эти сведения могли бы во многом прояснить историю великорусской геральдики. Но, тем не менее, «печатью» патриарха Никона ей завещан знаменательный принцип двойственного предназначения герба: помимо изначальной отличительной функции, за ним закрепляется не менее актуальная функция знакового выражения высокой духовности. Такой герб указывает не только на внешние отличительные признаки обладающей им личности, но и свидетельствует о ее миропонимании, о степени проникновения в духовную ткань истории своего народа.

Н  
Б  
Г  
А  
В  
М  
Р



М  
В  
С  
М  
В  
Б  
П

Рис. 57. Герб патриарха Никона, 1659 г. (прорисовка по А. Б. Лакиеру).

Годы царствования «Тишайшего» Алексея Михайловича, несмотря на относительную стабильность во внешнеполитических делах и укреплении нарушенной в Смуту хозяйственной жизни, были наполнены неизбежным трагизмом выбора дальнейшего пути развития российского государства. Никон видел Россию вселенской теократической монархией, но при этом жестоко страдало великорусское национальное достоинство. Националистический, по сути, путь Аввакума основывался на сохранении традиций «древлего благочестия», но мог завести Россию в политический тупик. Весьма показательно, что внутрицерковный конфликт из-за исправления книг и обрядов перерос в национальный Раскол исключительно благодаря вмешательству иноземцев, которым во всем

потакал сам царь. На созванном в кремлевских палатах Алексея Михайловича церковном соборе 1654 г., где обсуждалась возможность полного согласия московской Церкви с греческой, именно малоазийские и балканские митрополиты потребовали жестоких репрессий против несогласных с этим великороссов. Им надлежало вырывать языки, отрезать носы и уши, отрубать конечности, жечь их на кострах. Понятно, что жаждавшие освободиться от османского ига и дорваться до московских церковных богатств греки не щадили русский народ, но и не знали его.

После первых же расправ Раскол вырвался из пределов Москвы и пожаром полетел по всей огромной России: противящиеся навязыванию им заморских правил веры уходили в леса за Волгу, за Уральский камень, находили приют и поддержку в северных обителях. Запылала деревянная храмы — разуверившиеся в святости царя и патриарха, оскорбленные великороссы сгорали живо, очищая себя от заморской скверны огненным крещением. Всего при самосожжениях погибло более 200 тысяч человек — вдвое больше, чем жило тогда в Первопрестольной. Семь лет царские войска осаждали не покорившийся Никону Соловецкий монастырь, а, проникнув при помощи изменника за монастырские стены, вырезали и повесили всех иноков. Однако вполне очевидно, что за двуперстием и троеперстием, числом земных поклонов на «Господи и Владыко живота моего» и некоторыми другими, понятными теперь лишь богословам, различиями богослужебного чина в Расколе следует усматривать не религиозный конфликт (который без вмешательства извне мог бы пройти безболезненно), а расхождения этнокультурные. Представляющиеся сегодня чуть ли не вздорными обрядовые противоречия в действительности обрисовали роль и значение этнокультурной традиции как системообразующего фактора целостности этнического образования. Странники нерушимости этой традиции должны были обладать недюжинной жизненной (или *пассионарной*, по Л. Н. Гумилеву) энергией для того, чтобы решиться на открытый конфликт с царской и церковной властью и образовать, в результате, старообрядчество — не секту, не политическое течение, а своеобразный субэтнос, единокровный с остальным русским народом, но значительно отличающийся от него миропониманием и стереотипом поведения. Старообрядчество выдвинуло из своей среды наиболее крупные и известные династии российских купцов и промышленников XVIII–XIX вв. и по сей день староверы чуждаются табакокурения, искусственного прерывания беременности и многих других пороков современного мира.

Через мироощущение и миропонимание символика неразрывно связана с этнокультурной традицией. Как цвет кожи, румянец

на щеках и блеск глаз свидетельствуют о состоянии здоровья человека, так и символика непосредственно отражает состояние этнокультурной традиции — духовное и физическое здоровье нации. Негативное воздействие на эту традицию, как правило, имеющее инородческое и иноверческое происхождение<sup>49</sup>, неизбежно сказывается на символике (то же троеперстие), и наоборот — с помощью символики декларируются и распространяются новые мировоззренческие идеи. В русле этой естественной закономерности развивалась и государственная символика при царе Алексее Михайловиче, подготавливавшем Россию к имперской будущности. В декабре 1667 г. появился именной царский указ «О титуле царском и о государственной печати», впервые содержащий полное описание государственного герба России: «Орел двоеглавный есть герб державный Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича Всея Великия и Малыя и Белья Самодержца, Его Царского Величества Российскаго Царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющияся Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшаго Государя державе и повелению; на правой стороне орла три грады суть, а по описанию в титуле, Великия и Малыя и Белья России, на левой стороне орла три грады своими писанными образуют Восточных и Западных и Северных; под орлом знак отчича и дедича; на персех изображение наследника; в пазноктах скипетр и яблоко, собою являют милостивейшаго Государя, Его Царского Величества Самодержца и Обладателя»<sup>50</sup>.

Возвышение *описания* государственного герба до уровня именного царского указа явилось важнейшей вехой в истории великорусской геральдики. До 1667 г. в письменных источниках эпизодически появлялись лишь сведения об изготовлении царских печатей, сопровождавшиеся скухими сообщениями о помещенных на них фигурах. Факт придания описанию государственного герба высшего юридического статуса знаменателен еще и тем, что именованным царским указом наконец были уравнены по своему значению описание и изображение, что соответствует основополагающим правилам геральдики<sup>51</sup>. Вырезанный на печати герб явился окончательным результатом всех уже известных нам уточнений главного государственного символа. Данный стереотип российского герба сохранился до сего времени, поскольку ни его главная фигура, ни ее атрибуты, ни сердцевой щит не претерпевали принципиальных изменений, а на протяжении XVIII–XX вв. варьировалась, прежде всего, стилистика изображения герба, но не его знаковые составляющие. Исключение представляют лишь гербовые цвета: с конца XVII до начала XX в. черный орел помещался в золотом поле, и



Рис. 58. Государственная печать царя Алексея Михайловича. 1667 г. (прорисовка автора).

лишь в наши дни герб вернулся к своей более древней раскраске — золотой орел в червленом поле<sup>52</sup>.

Государственной печатью 1667 г. окончательно оформилась российская официальная традиция расположения в лапах гербового орла скипетра и державы как неперменных инсигний самодержавной власти. Столь же постоянным атрибутом стала венчающая весь герб<sup>53</sup> третья царская корона на месте Голгофского креста, употреблявшегося в гербах Российского царства еще во времена приезда в Москву барона Мейерберга<sup>54</sup>. Следует полагать, что отказ от священного символа русского православия и замена его атрибутом светской власти была вызвана окончательным отказом возмужавшего самодержца от

той модели развития России, которую вынашивал патриарх Никон и которая так увлекала молодого Алексея Михайловича. Приоритет светских, имперских начал высшей власти в стране проявился не только в символике увенчания гербового орла, но и в сопровождающих его гербовых фигурах. Место земельных эмблем, впервые появившихся на Большой государственной печати Ивана Грозного (1577 г.), заняли условные изображения укрепленных стенами и башнями городов. Трудно признать такое решение геральдически безупречным, поскольку лишь буквы над этими изображениями отличают их одно от другого и позволяют определить, где — «Великия и Малыя и Белья», а где — «Восточныя, Западныя и Северныя». Зато совокупность условно представленных в гербе крупных административно-территориальных единиц, не уточняемых существовавшими в то время земельными гербами и эмблемами, могло оказаться не столько вынужденной дипломатической уступкой государствам Западной Европы, сколько переосмыслением традиционного для Москвы идеологического понятия «вселенский».

Неожиданным на первый взгляд может показаться и появление в государственной символике «знака отчича и дедича» — расположенных один над другим четырех прямых равноконечных крестов. Не найдя еще прямых аналогов подобной эмблемы в древнерусской символике, тем не менее хотелось бы избежать подозрений в заимствовании этого «знака» из западноевропейских гербов. Представляется просто невероятным, что высочайший статус самодержца всея России позволял заимствовать хоть что-то из гербов чужеземных городов — пусть даже таких крупных и славных, как Амстердам и Данциг<sup>55</sup>. Впрочем, не исключено, что размещенная в нижней части печати, под хвостом царственного орла, загадочная эмблема могла служить своего рода «узлом на память», намеком на еще не воссоединенные с Россией прибалтийские владения Древней Руси — названия которых под давлением западной дипломатии были исключены из полного царского титула, но отношение к которым как «отчинам» и «дединам» по-прежнему сохранялось. Изображение вооруженных людей по обе стороны от столбца с крестами не оставляет сомнения в неизбежных методах грядущего возвращения этих земель.

Государственная печать 1667 г. с образовавшим лишь одну кольцевую строку сокращенным царским титулом оставалась единственным атрибутом власти своего рода вплоть до 1678 г., когда ее сменила печать работы Федора Микулаева. Этот мастер вновь вернулся к традиции расположения полного царского титула в нескольких кольцевых строках, что, вслед за заказчиком печати — Федором Алексеевичем, впоследствии повторили и его младшие братья —

Иван V и Петр I<sup>56</sup> На их первых печатях все еще оставались прежние изображения условных городов, и от аналогичных печатей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича они отличались лишь именем и титулом владельца. Но, несмотря на неполное и неконкретное обозначение земельных владений российской короны на собственной печати, решительное введение в государственную символику гербов различных российских территорий было начато все же царем Алексеем Михайловичем. Сначала древние и заново сочиненные территориальные гербы были внесены в 1672 г. в его Титулярник, а к концу века вместе с двуглавым орлом образовали Полный герб государства Российского, традиция которого восходит к Большой государственной печати Ивана IV Грозного.

Для упорядочения обращений к главам иностранных держав Посольский приказ затеял большую работу, и в помощь ему царь Священной Римской империи Леопольд I Габсбург направил в Москву своего герольдмейстера Лаврентия Курелича. Этот царский советник не только консультировал русских изографов Посольского и Оружейного приказов, врисовывавших гербы западноевропейских монархов в рукопись Титулярника<sup>57</sup>, но написал и преподнес царю в 1673 г. собственное исследование «О родословии Российских Великих князей и государей»<sup>58</sup>. Однако участие в подготовке Титулярника профессионального западноевропейского герольдмейстера внешне никак не повлияло на *типологию русских территориальных гербов* своего времени. Именно так, на наш взгляд, следует классифицировать помещенные в Титулярнике земельные эмблемы, представленные не просто в виде отдельных символических фигур, а изображенные внутри овальных гербовых картушей — неперменных элементов гербов XVI—XVIII вв. Пышные декоративные формы этих картушей и своеобразная «объемная» трактовка самих фигур разительно отличаются от выдержанных в традициях западноевропейской геральдики королевских гербов. Мог ли специально присланный к царскому двору австрийский мастер преобразовать древние (и относительно недавние) великорусские земельные «клейма» в традиционные формы западных гербов? Вполне вероятно, что это не представляло бы для него серьезных трудностей, но желал ли этого набожный русский человек, тонкий и умный «западник» Алексей Михайлович? Ответ на этот вопрос запечатлен на листах Титулярника.

Царствование Алексея Михайловича, благодаря относительно большому по сравнению с предыдущими царствованиями числу сохранившихся памятников геральдики и вексиллологии, представляется временем окончательного формирования общегосударственной символики России в исконно русской, избавленной от





**Рис. 59.** Великорусские территориальные гербы из Титулярника царя Алексея Михайловича.

1 — Ростовский; 2 — Ярославский; 3 — Белоозерский. 1672 г.

нарочитых заимствований западноевропейских образцов, знаково-художественной редакции. Вполне вероятно, что истинным периодом становления единой системы государственных гербов («государевых печатей и клейм»), военных знамен и дворянской отличительной знаковости оказывается царствование Ивана IV Грозного, но русская геральдика и вексиллология второй половины XVI в. исследованы на сегодняшний день явно недостаточно. К тому же речь в таком случае пойдет скорее о национально-государственной символике одних лишь великороссов, а не о символике государства Российского, поскольку воссоединение всех земель Древней Руси в единой державе тогда еще не произошло. К сожалению, сохранилось далеко не все и из наследия Алексея Михайловича:

например, утеряно написанное в деревянном Коломенском дворце «клеймо государево и всех вселенских сего света государств».

Зато фундаментальным источником для изучения знаменной символики России середины XVII в. могут служить иллюстрации созданной в 1672–1673 гг. по царскому распоряжению «Книги об избрании на царство государя царя и великого князя Михаила Федоровича». Вряд ли найдется достаточно оснований подвергать сомнению достоверность изображенных в «Книге...» многочисленных стягов и знамен, поскольку исследователи древнерусской архитектуры, например, уже давно убедились в достаточной точности соответствующих изображений<sup>59</sup> Исследование композиционного и цветового строя знамен первых Романовых позволяет объективно отнестись и к последующему реформаторству Петра I. Довольно много использованных при нем приемов построения российской символики, оказывается, не привнесено извне, а коренится в еще «незамутненно русском» XVII в.! Данную закономерность необходимо будет учесть и при создании научного великорусского гербоведения, ибо она способствует уточнению грани между самобытными формами национальной символики и формами заимствованными.

И еще один библиографический памятник времен царствования Алексея Михайловича может пополнить наше гербоведение неожиданной трактовкой главного символа государства российского. Это своеобразное изображение двуглавого орла на заглавном листе книги Лазаря Барановича «Трубы на дни нарочитые праздников Господних, Богородичных», изданной в 1674 г. Здесь герб из символа светского превращен в символ российской православной духовности, в своеобразную геральдическую иллюстрацию древнерусского религиозного почитания Покрова Богородицы. Ее покровительство Руси воочию представлено возложением рук Богородицы, чья фигура возникает позади орла, на его главы. Особый смысл здесь приобретают и две меньшие по размеру короны, парящие уже не просто над главами орла, над местами возложения рук Богородицы. Крупная центральная пятизубчатая корона венчает нимб Оранты, вторя излюбленному приему драгоценных окладов икон XVII в. и приобретая при этом новое качество. Привкус же традиций киевской учености проявляется в горизонтально расположенном овальном медальоне на груди орла с фронтальным «геральдическим» изображением «иорданской голубицы-утешительницы», символизирующей Дух Святой<sup>60</sup>.

Сегодня трудно судить об истинном масштабе распространения дворянских родовых гербов в годы царствования Алексея Михайловича и его сыновей. Естественным источником сведений об этом

явлении могли бы стать книги Разрядного приказа, но их сожжение при Федоре Алексеевиче навсегда оставило данный вопрос открытым. Однако любые свидетельства достаточно глубокого проникновения в массы дворянства геральдических традиций одновременно служат и свидетельствами понимания и почитания всей национально-государственной символики России на каждом этапе ее истории. Поэтому причины уничтожения разрядных книг и некоторые последствия свершившегося необходимо рассмотреть более подробно.

Удерживаемый вековыми традициями порядок «мест», занимаемых представителями знатных родов в структуре власти, и, прежде всего, в командовании российскими войсками, со временем стал отрицательно влиять на эффективность государственного аппарата и неоднократно проводившихся реформ. Местничество превратилось в обузу для государей Московских — недаром уже со времен Ивана Грозного перед очередной войной практиковался принцип «быть без мест», позволявший назначать воевод «со товарищи» по способностям, а не по старшинству рода. Неизбежное распространение военно-организационных преобразований (нового строя) на дворянские полки означало «быть всегда без мест».

Уничтожение местничества было продиктовано необходимостью коренной военной реформы, назревшей из-за неудачных войн. Царь Федор Алексеевич (1661–1682, правил с 1676 г.) поручил ведение ратных дел князю В. В. Голицыну как самому молодому и европейски образованному из ближних бояр. Служилые люди были расписаны по ротам, ротмистров и поручиков стали назначать из стольников, дворян и жильцов — «изо всех родов и чинов с головы без перемены, чтобы были между собою без мест и без подбора, в каком чине великий государь быть укажет... И вперед никому ни с кем разрядом и местами не считаться, разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы вперед от тех случаев в ратных и всяких делах помешки не было». В январе 1682 г. после чрезвычайного *сидения* с боярами царь, заручившись поддержкой патриарха Иоакима, повелел все разрядные книги сжечь<sup>61</sup>. И вполне вероятно, что вместе с этими книгами сгорели и бесценные упоминания о древнейшей русской родовой символике.

Одновременно с сожжением разрядных книг было объявлено о разрешении вновь подавать «сказки» от родовитых фамилий об их происхождении. Собранные таким образом родословцы были затем внесены в знаменитую *Бархатную книгу*<sup>62</sup>, составление которой пришлось уже на годы правления царевны Софьи Алексеевны (1682–1689). Но и этот этап становления отечественной генеалогии оказался непродуктивным с позиций исследования древней родовой символики. «Сказками» доказывались, прежде всего, древ-

ность и знатность рода, но отнюдь не обладание какой-либо родовой эмблематикой. Лишь в Посольском приказе хранились сведения о гербах иностранных монархов и тех «выезжих» из чужих земель на русскую службу родов, которые получили их еще у себя на родине. Об отношении к личной символике царствующих персон в окружении самой Софьи Алексеевны можно судить по ее прижизненному портрету, ныне хранящемуся в Русском музее Санкт-Петербурга. Поясное изображение правительницы Московского государства заключено в овальный обруч, на котором начертан ее титул, и вставлено на место туловища в фигуру двуглавого орла. На каждом из его крыльев помещено по три овальных медальона с изображениями избранных святых, и еще одно аналогичное изображение в картуше занимает межглавие орла и увенчивается центральной короной.

Российское дворянство ни в чем не уступало по своей значимости в управлении государством феодальному сословию Западной Европы, и поэтому долговременный процесс оформления его сословной обособленности неизбежно должен был оставлять документальные и иные свидетельства. И если на парадном изображении войска Ивана Грозного в иконе «Церковь воинствующая» (1555 г.) запечатлены десятки разнообразных эмблем на щитах русских пешцев и конников, то активизация упомянутого процесса на протяжении всего XVII в. в принципе, могла привести к куда более впечатляющим результатам. Но сегодня остается судить о них лишь по той доле поданных в Палату родословных дел (созданной после отмены местничества) родословцев, в которых оказались описания и даже изображения допетровских дворянских гербов. Среди полутора десятков указаний на схожесть родовых эмблем с некоторыми польскими гербами из широко известного тогда сборника Окольского (Okolski) или какими-либо иными находятся и подлинные свидетельства русского герботворчества.

Исследователи родословцев 80-х гг. XVII в.<sup>63</sup> в первую очередь указывают на родовой герб дворян Нарбековых — потомков выезжего из Орды на службу Василию Васильевичу Темному мурзы Багрима. Выполненное в достаточно наивной манере изображение герба Нарбековых сопровождается стихотворным описанием не только происхождения этого рода, но и подвига прославившегося в Казанском походе Ивана Грозного их предка Дмитрия Ивановича («рекомого Чувашом»), а также объяснением некоторых гербовых фигур.

На сегодняшний день герб рода Нарбековых принято считать первым российским самобытным дворянским гербом, но уже обнаруженные в древнерусской иконописи изображения украшен-



Рис. 60. Рисунок герба рода Нарбековых. Рукопись. 80-е гг. XVII в. (прорисовка автора по материалам М. Е. Бычковой).

ных эмблемами и отличительной раскраской воинских щитов неизбежно потребуют уточнения данного представления. И сам герб Нарбековых по смысловому строю составляющих его фигур тяготеет именно к иконописанию с его житийными подробностями в многочисленных клеймах. Все поле гербового щита занимает ба-

тальная сцена, увековечившая подвиг Дмитрия Чуваша — и пригвожденный к стене его копьем убежавший враг, и поразившая героя в глаз стрела, и оторванная ядром рука, и ранящий Чуваша в спину вражеский всадник. И здесь же крепость, из бойницы которой стреляет роковая пушка. Перед нами наглядный пример образного мышления, достаточно далекого от сопоставления реальных деяний предков с абстрактной лаконичностью геральдических фигур.

Вероятно, и изображения городов-крепостей над группами вооруженных людей на царских печатях того времени имеют аналогичное происхождение. Но считать жизнеописательный подход к созданию родовой символики единственно характерным для России XVII в. было бы неверным. В тех же родословцах 80-х гг. содержатся указания на происхождение принципиально несхожих с гербом Нарбековых родовых гербов Елагиных, Карбышевых и некоторых других. А лицевая рукопись «Генеалогии» Римских-Корсаковых включает в себя **восемь** легендарных гербов этого рода, оставаясь уникальным монографическим произведением генеалогического характера<sup>64</sup>. При этом следует отметить, что у нескольких из этих гербов в полях картушей присутствуют исключительно фигуры деления<sup>65</sup>, что свидетельствует об их явном западноевропейском происхождении.

Эпохальная работа по собиранию в Титулярнике древних и заново составленных земельных эмблем — переосмысленных с позиций отечественных представлений о геральдике и изображенных уже в виде своеобразных гербов, явилась преддверием создания первого в нашей истории воистину Полного герба России. Весь долгий путь становления национальных образов, символов и эмблем периодически приводил к воплощению в композиционном построении государственных печатей историко-территориального принципа. Впервые это свершилось при Иване Грозном, когда в двенадцати (по числу Апостолов) круглых медальонах, ожерельем окруживших двуглавого орла под царской короной и Голгофским крестом, появилась не столько утвердившаяся к тому времени территориальная эмблематика, сколько сформированное христианскими образами и символами представление о таковой. В Титулярнике хотя и воспроизведена лишенная земельных гербов Большая печать 1667 г. Алексея Михайловича, но все эти гербы целенаправленно собраны в той же рукописи. Они составляют то нерасторжимое единство, которое сформулировано в Полном царском титуле. И в самом конце XVII в. появилась предельно насыщенная территориальной символикой Государственная печать России, включившая в себя, помимо традиционных национально-государствен-



*Moscos zetre DoCes , Data CresCere regna per arma,  
arCes bella DeMant re MoDo facta Czaro.*

**Рис. 61.** Изображение Государственной печати России. Дневник И. Г. Корба. 1699 г.

ных символов, все имевшиеся тогда гербы царств и других историко-территориальных образований — бывших княжеств, областей с вечевой формой правления и инородческих владений.

Изображение этой печати сохранилось благодаря дневнику царского посланника И. Г. Корба. Впоследствии дневниковые записи и рисунки австрийского дипломата были изданы отдельной книгой<sup>66</sup>, и гравированные изображения всех 33 земельных гербов России конца XVII в. навечно вошли в отечественную и мировую историю. Государственную печать И. Г. Корб зарисовал в 1699 г., когда минуло уже 10 лет с начала правления Петра I Алексеевича. Вполне вероятно, что именно по его инициативе гербы древнейших державных центров Руси — Киева и Владимира-на-Клязьме, герб «Внешней Руси» — Великого Новгорода, а также гербы покоренных иноверческих царств — Казанского, Астраханского и Сибирского, оказались помещенными на распростертых крыльях российского орла. За образцом подобной геральдической композиции можно было не ездить в чужие страны — гербовый одноглавый орел Бранденбургского курфюрста с аналогичным размещением гербов на крыльях глядел на Петра Алексеевича со страниц Титулярника.

Становился ли отныне скачущий влево всадник-змеборец «на персах» черного двуглавого орла гербом сугубо московским, территориально-историческим, или все еще воспринимался царской династической эмблемой? Вероятно, грифон с прапора воеводы Никиты Ивановича<sup>67</sup> еще не был тогда воспринят Романовыми в качестве собственной родовой эмблемы, и коронованный всадник с круглым лицом молодого царя подтверждает преемственность прежних традиций. В то же время самый крупный из овальных медальонов (или лишенных внешней орнаментации гербовых картушей?) с этой эмблемой недвусмысленно обозначен Moscau, что свидетельствует о восприятии иностранцами царственного змеборца все же гербом Москвы или Московского великого княжества, а не царствующей династии. Ведь относительно трех других древнерусских эмблем, а также эмблемы Сибирского царства подобного вопроса не возникает, особенно учитывая подписи: Kievia, Novogradia, Wolodimiria, Siberia. Да и вся земельная символика, собранная в Государственной печати конца XVII в., должна была восприниматься образованным иноземцем *собранием территориально-государственных гербов*, поскольку наличествовали два их главнейших компонента — официально признанные земельные эмблемы и гербовые щиты, изображенные по моде своего времени в виде медальонов или картушей.

Внешнее овальное кольцо из 26 гербовых картушей демонстрирует как традиционную преемственность древних земельных



эмблем, так и своеобразии просвещенного русского подхода к составлению новых. Здесь же присутствует ряд территориальных гербов, перешедших в отечественную символику после воссоединения с Россией большинства земель Украины и Белоруссии. Дальнейшая судьба большинства этих гербов известна — в качестве основных городских и губернских символов они вошли в Свод законов Российской империи, сохранив свой правовой статус вплоть до ее крушения. В исследовании происхождения древнейших и относительно новых земельных эмблем многое уже сделано, однако, как видно на примере великорусской родовой геральдики, главные открытия еще впереди. Не исключено, что расширение источниковой базы отечественного гербоведения, в первую очередь за счет этнографических материалов, позволит не только обнаружить мифологические или даже тотемные корни этих эмблем, но и ввести в научный оборот некие новые образы, не получившие в дальнейшем своего геральдического воплощения.

Несмотря на тщательное воспроизведение всех гербовых фигур (а во многом как раз благодаря этому), некоторые особенности рисунка И. Г. Корба заставляют подвергнуть сомнению если не существование самой Государственной печати последних лет XVII в.<sup>68</sup>, то безошибочность отображения австрийским дипломатом ее общей композиции. Действительно, могла ли самая информативная печать России иметь овальную форму и не содержать Полного титула самодержца, запись которого в нескольких кольцевых строках являлась неизменной особенностью всех предыдущих печатей такого ранга? Почему в отечественных и зарубежных архивах не сохранилось ни единого экземпляра этой печати, получившей известность лишь благодаря дневнику цесарского посла? Какова вероятность столь впечатляющего отхода от прежних традиций отечественной сфрагистики, вопреки которым не только сама печать, но и ее многочисленные композиционные звенья оказались лишенными надписей, соизмеримых с общим масштабом изображения? Ведь поместившиеся внутри овальных медальонов рукописные строчки служат лишь пояснениями иноземца относительно принадлежности территориальных эмблем, но не могут являться переводом соответствующих размеру печати русских надписей (если, конечно, таковые существовали).

Но, на наш взгляд, рисунок И. Г. Корба оказывается не чем иным, как геральдическим портретом России конца XVII столетия, ее Полным гербом, выполненным на основании достаточно близкого знакомства с Титулярником 1672 г. Это — перенесение содержащихся в нем территориальных гербов в единую композицию, составленную по широко известному в Европе принципу

размещения гербов вассальных владений вокруг герба суверена. И не столь уж важно, использовал ли И. Г. Керб для своего рисунка композицию некой несохранившейся российской печати, или просто собрал воедино уже существовавшие в то время отечественные земельные гербы. Наиболее значительным фактом является **признание** посвященным в тонкости европейской геральдики дипломатом высокого ранга всего объема российских территориально-государственных гербов, безусловное вхождение этих самобытных символов в международную геральдическую практику. Остановимся на данном утверждении, подводящем своеобразный итог всему изложенному в этой книге. О становлении института герольдмейстерства по западноевропейскому образцу при Петре I и о дальнейшем подражательном пути отечественного герботворчества написано уже достаточно, но не критичность подхода к исследованию этого отрезка истории российской геральдики оставляет место для продолжения нашей работы.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Р**ешив миновать эпоху Империи, постепенно вытравившей из царского православного символа все русское и превратившей государственный герб России в отголосок немецкой геральдики новейшего времени, завершим наш рассказ анализом герба современного. Восстановление векового символа Отечества нельзя не приветствовать, однако его узаконение налагает на государство немалую ответственность. Не исключено, впрочем, что оно даже не подозревает об этом, поскольку на протяжении ряда лет, отделяющих Указ первого Президента России от принятия Законов Российской Федерации о государственной символике, очевидное несоответствие герба конституционному строю России никем из официальных лиц отмечено не было. Если верна поговорка о том, что царя делает свита, то в данном случае свита оказалась явно не на высоте — она подсунула избираемому на относительно короткий срок Президенту республиканского государства традиционный символ наследственной самодержавной власти. И дело здесь не в самом орле, о нынешней бессодержательности двуглавия которого речь еще впереди, и не в московском ездеце-змееборце на его груди, а в *геральдических знаках достоинства над головами и инсигниях власти в лапах царственной птицы*.

Трудно не согласиться с тем, что нового орла совершенно не красят ни клювы попугаев, ни тощие лапки воробья, ни выщипанные из крыльев перья. Достаточно примитивен и всадник в сердцевом щите. Не задерживаясь на нехватке у создателей изображения современного герба должных навыков геральдического искусства, приходится отметить и очевидную неосведомленность чиновного люда в вопросах его описания. Почитающие себя выразителями истины в последней инстанции почему-то пренебрегли принятым в геральдике методом блазонирования герба, в резуль-

тате чего как в Указе Б. Н. Ельцина, так и в Федеральном законе описание герба Российской Федерации остается неточным и крайне поверхностным. А если даже предположить, что инициатива возвращения России ее векового государственного символа непосредственно связывалась с идеей реставрации российского самодержавия, то и тогда бросается в глаза явное несоответствие изображения герба и его описания. Чего стоят, например, увенчивающие головы орла и герб в целом «короны Петра Великого»<sup>69</sup>! Ведь царевичей Ивана и Петра Алексеевичей венчали на царство шапкой Мономаха, а помещенные в гербе короны почему-то явно смахивают на «Большую алмазную шапку» — венчальную корону императрицы Екатерины II. Царский венец является не только самым древним геральдическим символом самодержавной власти, но и важнейшей инсигнией при церемонии к о р о н а ц и и монарха, поэтому именно *коронами* увенчаны гербы всех европейских монархий. Ведь геральдика в своей основе достаточно проста и очевидна: она запечатлевает при помощи действующих инсигний власти реально существующее общественно-политическое устройство государства на момент создания или последней корректировки герба.

Столь же активная роль в церемонии венчания на царство отводится и другим инсигниям самодержавной власти — *скипетру* и *державе*. Но даже при том, что эти инсигнии прочно вошли в Чин венчания, они далеко не сразу были включены в герб Российского царства. Без малого 100 лет, отделявших венчание Федора Ивановича от появления печати Алексея Михайловича, скипетр в российском гербе отсутствовал. Так почему же он появился вновь в гербе республиканского государства через столетие после последней в нашей истории коронации наследственного монарха? Перестав быть действующей инсигнией теократическо-самодержавной власти, стал ли скипетр символом власти гражданской, не принимающей миропомазания, не получающей этот символ из рук патриарха? Следует признать, что русская историческая геральдика не знает иных символов светской власти, кроме сдвоенноголовых распластанных птиц предводителей древних дружин, а впоследствии — княжеской шапки и меча. Но ведь был и другой исторический символ власти немонархической и нецерковной — посадническая степень вечевого республиканского Новгорода, на которой лежали посох посадника и святительский крест.

И если скипетр в лапе современного гербового орла выглядит неким «погонялом», то что же может означать *держава*, *державное яблоко* в другой лапе царственной птицы? Мы уже упоминали истоки символического значения этой бывшей инсигнии власти — зеркала и сферы с монограммой Иисуса Христа в руках архангелов. Нам

понятен теперь и символизм самой державы — это вселенная Иисуса Христа, истинную веру в которого ниспослано хранить Помозаннику Божию. Вполне возможно, что символам царской власти в последние десятилетия существования Российской империи придавалось уже более приземленное, прозаическое значение, но при этом Российский герб оставался гербом монархического государства. Так что же все-таки означает символ Христовой вселенной в гербе Российской Федерации, унаследовавшей большевистское размежевание с Церковью? И правомерно ли вообще говорить о присутствии каких-либо православных символов в гербе страны, где законодательно уравниены в правах не только мировые религии — христианство, ислам и иудаизм — но и поставлен знак равенства между Православием и заморской сектантской ересью?

Бессмысленно все допущенные недоработки оправдывать недостаточным уровнем одного лишь геральдического художества, когда речь идет об очевидных изъянах в составлении и описании государственного герба. Но уж если он создавался по правилам западноевропейской геральдики (а иных общепринятых правил пока еще не существует — великорусское гербоведение только предстоит создавать), то авторы должны были помнить о *вооружении* гербовых фигур. Когти и клыки хищников, копыта и рога травоядных, клювы и когти пернатых принято называть оружием в том случае, если они окрашены в самостоятельный цвет, отличающийся от цвета самой фигуры. С позиций классической геральдики нашего нынешнего орла нельзя назвать вооруженным, что, признаться, не улучшает его символических и эстетических качеств.

В геральдике не существует анахронизмов как таковых, более того — чем древнее гербовые фигуры, тем большее уважение внушает сам герб. Но это правило не распространяется на *геральдические знаки достоинства и инсигнии власти*. Как раз они-то являются самыми динамичными, непостоянными компонентами гербов. Стоит только измениться социальному статусу гербовладельца, как над его неизменным гербовым щитом (или главной гербовой фигурой, изображаемой вне щита) вместо прежнего появляется новый геральдический знак достоинства — соответствующий новому статусу. То же самое происходит и с инсигниями власти: на смену одним приходят другие, атрибуты монархии заменяются символами республиканского строя или упраздняются без всяких замен.

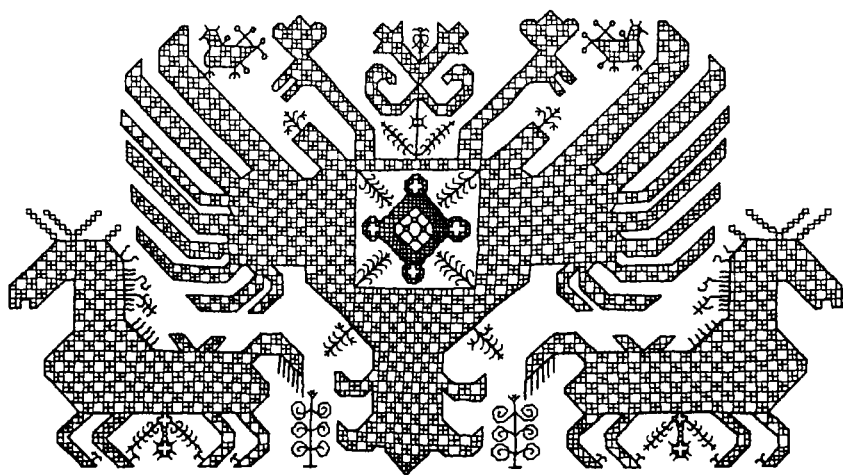
Февральская революция 1917 г. не посягнула на основной символ российской государственности — двуглавый орел остался гербом Российской республики, но был лишен всех инсигний монархической власти — корон, скипетра, державы и цепи ордена Св. Андрея Первозванного, вместе с которой исчез и московский

ездец-змеборец. Этот герб (проект И. Я. Билибина) был вырезан на печати Временного правительства и украшал бумажные казначейские знаки — «керенки». Видимо, буквально понимаемая историческая преемственность государственной символики привела к тому, что этот герб Временного правительства очутился и на современных монетах, выпускаемых Центральным банком Российской Федерации. На тех же монетах, как когда-то при Иване III, скачущий влево всадник-змеборец стал существовать отдельно от двуглавого орла, украшая реверс копеек. Но при этом следует отметить точные и выразительные формы данного изображения, сохраняющего традиции отечественного иконописания.

Двуглавие российского орла в каждом веке трактовалось по-своему, но всякий раз учитывало национально-государственную идеологию, великорусскую парадигму, т. е. взаимоотношение духовного и реального в общественном сознании. Наиболее распространенным толкованием двуглавости являются различные вариации темы «Запад — Восток», основанной на географическом положении и геополитическом значении России. Нельзя отрицать правомерность подобной трактовки, обусловленной скорее созерцательным отношением к изобразительной стороне эмблемы, нежели осознанием генезиса самого символа и исторических особенностей его использования. Напомним, что древнейшая символика парности отразила пусть не четко сформулированный закон единства и борьбы противоположностей, но устойчивое ощущение его присутствия в картине мироздания. Именно в таком качестве символ двуглавой богини-птицы просуществовал на Руси многие века — до тех пор, пока религиозно-культурная и политическая ситуация не превратила мифологическую птицу в царственного орла, а затем в эмблему государства с исторически обусловленной двойственностью власти — духовной и светской, церковной и великокняжеской. Вековой диалог — взаимопонимание, а также нередкое противостояние двух властей, отстаивавших примат нравственно-духовного или вполне приземленного, как раз и символизировали две противоположенные головы российского орла. Причем их равенство всегда подчеркивалось одинаковыми венцами — какая бы типологическая модель царских корон не использовалась на момент изображения традиционного герба.

Неувядаемое нравственное и историческое значение герба нашего государства на практике должно превратиться в одну из аксиом самосознания всех русских людей, дабы нам вновь не оказаться «аки жидове — не узнавшие и распявшие Бога своего». Существующие недоработки в изображении и описании Государственного герба Российской Федерации свидетельствуют лишь о

плачевном уровне отечественной геральдики, о полном отсутствии ее теоретической основы — великорусского гербоведения. И не следует откладывать в долгий ящик основание этой вполне самостоятельной области отечественной науки, избавленной от искажающего ее природу статуса «вспомогательной исторической дисциплины». Только в великорусском гербоведении определяются правила составления наших гербов, призванных и ныне быть столь же самобытными, как и многие века назад. Ведь у всех народов Европы во все времена символика служила знаковым отражением свойственного каждому из них миропонимания, в рамках которого только и могла существовать конкретная национально-государственная идея. Национальное гербоведение выкристаллизовывает тот свод правил, который как раз и превращает геральдику в знаковый инвариант системы политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов, существующих в данный момент в конкретном государстве и составляющих по сути его национальную идею.



**Рис. 62.** Великорусская народная трактовка символа двуглавой птицы. Деталь вышитого подзора. *Архангельская губ., XIX в.*

И ни в какой иной геральдической форме эта идея не проявляется столь отчетливо, как в Полном гербе государства. Недаром множественность земельных эмблем — древних и новообразованных, христианских и иноверческих — некогда образовала его традиционную композиционную структуру. Чем ярче и самобытнее

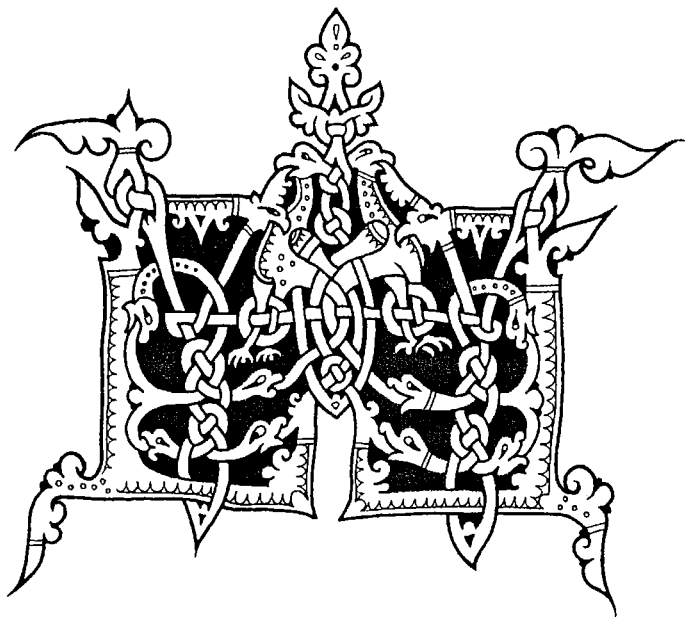
прозвучит в венце историко-территориальных гербов природное и этническое своеобразие всех субъектов Российской Федерации, тем дороже новый Полный государственный герб станет для каждого гражданина России. На основании уже имеющихся исследований истории, культуры и искусства нашей страны даже сегодня возможно не только обрисовать общие контуры великорусского гербоведения, но и утверждать, что выявленный в нем алгоритм герботворчества, в принципе, един для всех народов нашей страны. Развивая отечественное гербоведение в этом направлении, можно получить целое соцветие национальных геральдик, которые вытеснят, наконец, из нашей жизни унижительное наследие бирюзовщины — слепое копирование западноевропейских образцов.

Рассмотрев различные этапы формирования и развития государственного герба России, мы получили возможность убедиться как в самобытных истоках этого процесса, так и в том, что данный процесс не был явлением обособленным, существовавшим вне становления и развития той части древнерусской символики, которую с определенными оговорками следует считать *великорусской геральдикой*. Даже опираясь на относительно немногочисленные факты ее существования, которые удалось собрать в этой книге, можно с уверенностью говорить о великорусской геральдике как о немаловажной грани общественно-политической жизни нашей страны. Уходя корнями в дорюрикову эпоху, великорусская геральдика полномасштабно заявила о себе уже в памятнике первой половины XIII в. — рельефе святого Георгия с гербом Владимиро-Суздальской державы, а эпоха Ивана Грозного не оставляет сомнений в ее распространенности. Отечественная геральдика при царе Алексее Михайловиче показала не только широкий спектр своего применения, но и полную стилистическую самостоятельность.

В преддверии своего имперского бытия Россия уверенно обладала самобытными основами государственной, территориальной и родовой геральдики, определившимися цветами национального флага. И все это лишь составляло вершину пирамиды собственной великорусской символики, основание которой покоится в древнейших пластах общечеловеческой культуры. Нелишним окажется напоминание о том, что в массе своей символика являлась знаковым выражением духовного единства великороссов и в гораздо меньшей степени отражала различия между ними. Таким образом, у изучающего и обобщающего весь этот опыт великорусского гербоведения имеется достаточно прочная историческая база, позволяющая ему в ближайшем будущем лечь в основу всей практической геральдики России.

*Январь — ноябрь 2001 г.*





## Примечания

### 1. Мифологическая основа герба

<sup>1</sup> См.: *Лавренов В. И.* Российский государственный орел. История эмблемы и символа // *Гербовед.* 1992. № 2. С. 9.

<sup>2</sup> См.: *Голан А.* Миф и символ. Иерусалим; М. 1992. С. 8.

<sup>3</sup> *Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // *История культуры Древней Руси.* М.; Л., 1951. Т. 2. С. 399.

<sup>4</sup> *Голан А.* Указ. соч. С. 132–135.

<sup>5</sup> *Мифологический словарь.* М. 1991. С. 303.

<sup>6</sup> См.: *Стасов В. В.* Русский народный орнамент. СПб., 1872.

В результате анализа собранных материалов В. В. Стасов делает вывод о том, что мотив двуглавой птицы в русской орнаментации встречается «гораздо ранее учреждения царского достоинства и принятия двуглавого орла» (С. 8).

<sup>7</sup> *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М. 1982; *Он же.* Язычество древней Руси. М., 1988.

<sup>8</sup> Свое название Киевская Псалтирь получила по месту ее написания, которое засвидетельствовано в особой приписке писца в конце книги. Писец указал также точную дату завершения рукописи, имя заказчика, собственное имя и свою принадлежность к церковному сословию. Еще в XIX в. А. И. Соболевский обращал внимание на великорусское происхождение этой рукописи, по своим полиграфическим и лингвистическим особенностям близкой к недельному Евангелию 1393 г., которое по повелению серпуховского князя Владимира Андреевича Храброго при митрополите Киприане было также написано диаконом Спиридоновым (возможно, будущим писцом Киевской Псалтири). Современными исследованиями установлена бесспорная близость Киевской Псалтири другим выдающимся памятни-

кам книжного искусства Северо-Восточной Руси: Евангелию Феодора Кошки, Евангелию Хитрово и Евангелию Успенского собора Московского Кремля.

См.: *Вздорнов Г. И.* Исследования о Киевской Псалтири. М., 1978. С. 9–24; *Он же.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. М., 1980 (раздел: «Москва. Рукописи конца XIV — начала XV в.»).

<sup>9</sup> *Драчук В. С.* Рассказывает геральдика. М. 1977. С. 21–30.

<sup>10</sup> *Вернадский Г. В.* Древняя Русь. Тверь; М., 1997. С. 69–71.

<sup>11</sup> В начале III тыс. до н. э. произошло также выделение славян из общеевропейского единства, сопровождавшееся зарождением праславянского языка-основы.

См.: *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 48–49.

<sup>12</sup> Используя это выражение античных авторов, некоторые исследователи называют скифов дикими кочевниками — выходцами из глубин материковой Азии. Но в античные времена границей Европы и Азии считалась река Танаис (Дон), впадающая в Меотийское озеро (Азовское море). Вместе с тем нет оснований всецело полагаться на точность приводимых античными историками названий народов, относившихся к «варварскому» миру. Для их обозначения греки в основном пользовались терминами географии, познания в которой были у них относительно невелики. Степные же и лесостепные народы могли самоназываться по именам своих вождей, отчего возникала множественность недолговечных этнонимов.

См.: *Миролубов Ю. П.* Материалы к преистории русов // Сакральное Руси. Т. I. М. 1997.

<sup>13</sup> *Миролубов Ю. П.* Риг-Веда и язычество // Сакральное Руси. Т. I. С. 13.

<sup>14</sup> Об Археонактидах (480–433 гг. до н. э.) — первой династии Боспорских царей, мало что известно. В 438 г. до н. э. скиф Спартак основал новую династию Спартактидов, павшую в 107 г. до н. э. под ударами малоазиатского Понтийского царства. А с 47 г. до н. э. в Пантикопее правила династия Рескупоридов, происходящая из приазовских меотв-аспургиан, т. е. «ариев, живущих в крепостях» («асы» — одно из древнейших названий ариев, «пургос» — башня, крепость, ср. перс. *pur*, нем. *Burg*). Неудивительно, что несколько представителей этой династии носили имя Савромат, а основную военную силу Боспорского царства составляла сарматская конница. На сармато-алано-славянскую этническую основу Боспорского царства указывает и тот факт, что, несмотря на готское и гуннское вторжение, многовековую зависимость от Хазарского каганата в X–XII вв., оно возродилось в качестве Тьмутараканского княжества в составе Древнерусского государства. Бывшая столица Пантикопей стала упоминаться в летописях под именем Корчев.

<sup>15</sup> Цит. по: *Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г.* Тайны языческой Руси. М., 2000. С. 57–58.

<sup>16</sup> Цит. по: Там же. С. 35–36.

<sup>17</sup> На основании антропологических данных, подтверждающих точное физическое соответствие русских (славян) и раннесредневековых алан, сарматов Античности, скифов железного века и киммерийцев эпохи поздней бронзы, специалистами делается вывод о решающем значении скифо-сарматской составляющей в формировании современного русского типа. Академик В. П. Алексеев писал: «Несомненно, что большая часть населения, проживавшая в южнорусских степях в середине I тыс. до н. э., является физическими предками восточнославянских племен эпохи Средневековья». Преемственность этнокультурных традиций «степного» корня отчетливо просматривается в одежде: высокие шапки, длинные подпоясанные рубахи, штаны, сапоги и кафтаны с откидными рукавами. Этот тип одежды, а также стрижку «под горшок», изображенные на предметах скифского искусства, сохраняли не только древние русичи, но и великороссы до XVII–XVIII вв.

См.: *Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г.* Указ. соч. С. 52–56.

<sup>18</sup> *Голан А.* Указ соч. С. 163. Рис. 364–369.

<sup>19</sup> Действительное существование мощных и достаточно устойчивых племенных предгосударственных объединений славян (антов, алан, фракийцев, сарматов, русов и др.) объективно вытекает из логики исторических событий несколь-

ких начальных всков по Рождеству Христову. Славяне не только успешно противостояли завоевательной стратегии рабовладельческих империй — Западно-Римской и Византийской, но с удивительным постоянством побеждали их легионы. Несмотря на высокоразвитое военное искусство «цивилизированных» ромеев, они заняли большую часть Балканского полуострова и Подунавья, основав в первой половине V в. Киев — столицу своего миграционного движения. Помимо Киева на Днепре (по преданиям Велесовой книги некогда существовали и более древние — Киев в Закавказье и Киев Антский в Приэльзбрусье) славянами были основаны и другие города, ставшие крупными центрами международной торговли. При этом трудно не согласиться с тем, что уже тогда они широко пользовались письменностью, без которой невозможны широкомасштабные торговые операции, а также управление войсками на обширных пространствах.

См.: *Миролюбов Ю. П.* Материалы к преемственности русов // Сакральное Руси. Т. I.

<sup>20</sup> Памятник Бусу Белояру, перевезенный сначала в Пятигорск, а оттуда в Московский Исторический музей и находящийся там с 1850-х гг., до сих пор недоступен для исследователей. По вышедшей в 1771 г. иллюстрированной книге немецкого путешественника И. Гюльденштерна и сделанной в 1849 г. фотографии памятника (одной из первых фотографий в России!) А. И. Асову удалось сделать перевод высеченной на нем надписи:

О-ом! Боже! Ом!  
О-ом хайе! О-ом хайе! О-ом хайе!  
О-ом хайе! О-ом хайе! Побудь!  
О-ом хайе! Побудь! Сарь  
Верьте! Сарь Я рь Бусь! Богов Бусь!  
Бусь — Побудь Руси Божей!  
Боже Бусь! Ярь Бусь!

5875, 31 лютеня (368 г. н. э. 21 марта)

См.: *Асов А. И.* Славянские руны и «Боянов гимн». М. 2000. С. 80–93, 305.

<sup>21</sup> Дед собирателя князь Г. М. Сулакидзе при Петре I приехал из Грузии вместе с царем Вахтангом VI. Сын князя Иван учился в московской гимназии вместе с Д. И. Фонвизиним и Н. И. Новиковым и затем вошел в привилегированные круги российского дворянства. Александр Иванович Сулакидзе родился в 1771 г. в фамильном имении под Рязанью. Получив хорошее образование и владея многими языками, он предпринимал поездки в дальние монастыри для снятия или приобретения древних письменных источников. Тем самым он пополнял коллекцию древностей, которую начали собирать его дед и отец. После службы в лейб-гвардейском Семеновском полку (шефом которого был сам император) Александр Иванович стал гражданским чиновником и, будучи человеком обеспеченным, смог приобрести у антикваров и иных владельцев огромное количество редкостных древних рукописей. В каталоге его коллекции, насчитывавшей около 2000 раритетов, числились дощечки новгородских волхвов с вырезанным на них текстом «Книги Велеса» и целый ряд других бесценных источников, утрату которых следует расценивать как нашу национальную трагедию. А. И. Сулакидзе завещал свою коллекцию в кабинет древних актов Императорской публичной библиотеки, создававшейся под покровительством императора Николая Павловича. Однако в специально построенном для этих целей здании раритетов не оказалось. Следует отметить, что формированием фондов упомянутого кабинета ведали придворные недруги Александра Ивановича, стоявшие на откровенно прогерманских позициях. Таким образом, Россия лишилась собрания древностей, которое современники сравнивали с библиотекой Ватикана.

<sup>22</sup> *Лакиер А. Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Переиздание: М., 1990. С. 131–135.

<sup>23</sup> *Арсеньев Ю. В.* Указ. соч. С. 291–292.

К сожалению, мы пока не в состоянии проследить подобный процесс в среде восточного славянства — еще не исследованы следы руники в древнерусской родо-

территориальной символике. Лишь плохо различимые на вершинах древков на иконописных изображениях стягов русских дружин дают основание предполагать длительный процесс затухания этой традиции.

<sup>24</sup> *Асов А. И.* Славянские руны и «Боянов гимн».

<sup>25</sup> См., напр.: *Платов А. В.* Руническая магия. М. 1994.

<sup>26</sup> Руническая магия Европы была представлена тремя школами, существовавшими в разное время на разных территориях и использовавшими несколько различающихся между собой наборов рунических знаков. И если принадлежавшие к южной школе славяне и кельты освоили руны к середине I тыс. до н. э., то образовавшие северо-западную школу германцы стали пользоваться футарком только с начала I тыс. н. э. Представленная в искусстве славянских волхвов восточная школа возникла одновременно с северо-западной. Ее знаковой базой послужил ряд систем рунических знаков, унаследовавших традиции южной школы, а также некие иные традиции, происхождение которых сегодня еще не определено. Среди таких систем были как рунические алфавиты, развивавшиеся параллельно германским и почти независимо от них, так и неалфавитные наборы священных символов. Последние представлены в многочисленных древнеславянских ювелирных изделиях магического и ритуального назначения — ритуальных (в том числе и русальных) серебряных браслетах, височных кольцах и др.

См.: *Платов В.* Работы мастеров западной школы рунической магии на территории Руси // Мифы и магия индоевропейцев. М. 1997. Вып. 2. С. 70–71; *Трошин Евгений.* Грамота Велеса // Мифы и магия индоевропейцев. М., 1997. Вып. 3. С. 54–55.

<sup>27</sup> *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 1990. Т. 3. С. 393–398.

На эту лексическую особенность обратил внимание еще А. Б. Лакиер — первый исследователь русской геральдики, называвший все древнеславянские родо-территориальные знаки *знаменами*.

<sup>28</sup> Русская родовая геральдика XVIII–XIX вв. содержит множество личных гербов, так и не перешедших по наследству и не ставших родовыми (фамильными) вследствие того, что на получившем герб дворянине его род обрывался. К числу наиболее известных гербов такого рода относится графский герб братьев Федора и Андрея Ивановичей Остерман.

См.: *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 2. С. 139–140.

<sup>29</sup> *Голан А.* Указ. соч. С. 140–143.

<sup>30</sup> *Кулаков В. И.* Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3.

<sup>31</sup> *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1983. *Табл. 152* — рельефный изразец в декоре крыльца церкви Николы Мокрого; *табл. 154* — рельефный изразец из наличника окна церкви Петра и Павла на Волжском берегу.

<sup>32</sup> *Армеев Р. А., Блохнина А. В.* (сост.), *Лихачев Д. С.* (рец.). Мастера Русского Севера. Вологодская земля. М., 1987. С. 227 — оконная решетка южного придела церкви Вознесения в Великом Устюге. 1648–1649 гг.

<sup>33</sup> *Спицын А. А.* Древности камской чуди // Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 26.

<sup>34</sup> *Кулаков В. И.* Предшественники эмблемы Византии // Гербовед. 1994. № 5–6. С. 5–6.

<sup>35</sup> *Галкин Л. Л.* Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 222, 228.

<sup>36</sup> *Кулаков В. И.* Указ. соч. С. 6–7.

В доказательство принадлежности обычая раздвигать голову жертвенной птицы к культу покровителя дружин Одина-Перуна В. И. Кулаков указывает на характерную деталь изображений X в. (в частности, на подвесках из Киева и Белгорода): между половинками рассеченной головы и шеи помещен крест — не христианский, а символически составленный из топориков бога-громовика.

<sup>37</sup> *Лавренов В. И.* Указ. соч. С. 14–15.

См.: Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего суздальского Рождественского собора XIII в. М., 1975. С. 119.

<sup>38</sup> Греков А. П. Фрески церкви Спаса Преображения на Ковалеве. М., 1987. Табл. 28 — фото 1922 г. и табл. 103 — копия фрески Л. А. Дурново, 1918 г. Как и церковь Спаса-Нередицы, этот храм был разрушен в ходе боев 1941–1943 гг. Достоверность приводимой в тексте информации подтверждается сделанными до войны копиями и фотографиями.

<sup>39</sup> Колчин Б. А., Янин, В. Л., Ямщиков С. В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М. 1985. С. 101. Табл. 198 — подвеска с изображением двуглавого орла в короне, диаметр 3 см, XIV в.

<sup>40</sup> Независимо от эволюции княжеских знаков Поднепровья на Руси существовал и другой самостоятельный источник распространения символики двуглавой птицы. На Русском Севере найдены бронзовые фигурки одно-, двух- и трехглавых птицелюдей, исторический возраст и этническая принадлежность которых до сих пор остаются загадкой. Но в землях словен новгородских, широко контактировавших с чудью и другими финно-угорскими племенами Севера, получил широкое распространение амулет в виде двуглавой утки. В данном случае понятие парности сочетается с древнейшим индоевропейским мифом об утке-демиурге, создавшей посреди Мирового океана земную твердь.

<sup>41</sup> Устойчивость национальной культурной традиции прослеживается не столько в непрерывной череде дошедших до наших дней памятников, сколько во временном промежутке, разделяющем различные памятники с однотипной символикой. Например, девы-птицы (русалки) впервые запечатлены на ювелирных изделиях Древней Руси (Киев, X–XI вв.), а их массовые изображения вновь обнаруживаются на изразцах, лубочных картинках и в резном декоре крестьянских изб XVII–XIX вв.

<sup>42</sup> Bossert H. Th. Folk art of Europe. N. Y. 1964. Part 1. Table 7, 11, 12.

<sup>43</sup> Лавренов В. И. Указ. соч. С. 16.

<sup>44</sup> Став Великой княгиней, Софья Палеолог отдала драгоценности Марии, своей племяннице, вышедшей замуж за Верейского князя Василия Михайловича. Иван III, грозя тюрьмой князю и княгине, приказал вернуть ему приданое первой жены. Князь Василий драгоценности не отдал и бежал с ними в Литву, а в наказание за вину сына Иван III отобрал у Михаила Верейского весь его надел (включавший многие волости, в том числе и Белоозеро) и присоединил его к Московскому государству. Затем переписка с Литвой о возвращении драгоценностей продолжалась еще несколько лет.

См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 5. С. 45–46.

<sup>45</sup> «Божией милостью Государь Всея Руси и Великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Югорский, и Вятский, и Пермский, и Болгарский и иных». См.: Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. С. 344.

<sup>46</sup> Древнейшие графемы в виде креста датируются VII тыс. до н. э. Затем из неолитических культов крест перешел в культуры Древнего Египта, Вавилона, древних государств Средиземноморья и Передней Азии. Символ креста почитался и тюркскими народами, исповедовавшими учение о Тенгри — Небесном Отце.

См.: Голан А. Указ. соч. (главы: «Солнечная птица», «Четыре стороны света», «Косой крест»); Аджи М. Европа, тюрки, Великая степь. М., 1998.

<sup>47</sup> Веды древних славян (по мнению специалистов, на сегодняшний день их можно опубликовать не менее чем в 1000 (!) томах) утверждают, что предки славян как раз и были первыми ариями.

См.: Асов А. И. Славянские боги и рождение Руси. М., 1999; Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г. Тайны языческой Руси. М., 2000.

<sup>48</sup> Подлинную рукопись Нестора, вполне вероятно, вывез из Киева родственник и союзник Святополка I Окаянного (980–1019) польский король Болеслав Храбрый (967–1025). Поэтому в произведениях ранних польских историков, преж-

де всего Яна Длугоша, знакомых с подлинником Нестора, могут содержаться более полные и правдивые сведения об истории славянства первых веков нашей эры, нежели в «Повести временных лет».

<sup>49</sup> Асов А. И. Славянские боги и рождение Руси.

<sup>50</sup> Философский энциклопедический словарь. М. 1999. С. 507–508.

<sup>51</sup> Миролюбов Ю. П. Сакральное Руси. Т. I. С. 485.

## 2. РЕЛИГИОЗНАЯ ОСНОВА ГЕРБА

<sup>1</sup> См. понятие этнической традиции в трудах Л. Н. Гумилева:

— Этносфера: История людей и история природы. М. 1993.

Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М. 1993.

— Древняя Русь и Великая Степь. М. 1992.

Нам представляется более емким предложенный Ю. П. Миролюбовым термин «этнония», объединяющий все основные составляющие этнической традиции с религиозной основой миропонимания, цементирующей самобытную жизнь каждого этнического образования. Таким образом можно поставить знак равенства между *этноией* и тем смыслом, который мы вкладываем в понятие *этнокультурная традиция*, а именно: определяемая господствующей религией иерархия стереотипов и правил поведения, культурных канонов, политических и хозяйственных форм и мировоззренческих установок, характерная для данного этноса и передаваемая из поколения в поколение.

<sup>2</sup> Философский энциклопедический словарь. С. 46, 391.

<sup>3</sup> Там же. С. 47.

<sup>4</sup> «Книга Велеса» упоминает историко-эпический момент, когда предки русов и германцев не могли порознь одолеть своих врагов и для достижения победы объединились. Однако после решающей битвы предводитель германцев Кисек все же увел свой народ в далекие земли.

<sup>5</sup> Сегодня не принято причислять изображение святого покровителя к геральдическим атрибутам князя или церковного владыки вследствие множественности случаев применения данной символики, но такова историческая реальность. «Знаменания» древних русичей, представлявшие собой дрсвка с навершиями в форме священных символов, со временем превратились в стяги с христианской, а следовательно, надындивидуальной символикой. Не исключено, что уже в первые века по принятию христианства стяги строились по подобию двусторонних икон, на одной стороне которых был запечатлен Образ, а на другой — Символ. Стяг-знамя длительное время оставался главной святыней княжеской дружины и ополчения, основным символическим выражением княжеской власти и, следовательно, выполнял геральдическую функцию независимо от того, какая — православная или «языческая» — символика украшала его полотнище. Практически именно стяг возглавлял систему княжеской символики, в знаковых звеньях которой весьма затруднительно провести четкую грань между вексиллологией и геральдикой.

<sup>6</sup> Именно системность, вошедшая в традицию четкая иерархичность всех знаковых звеньев герба превращают геральдику в самостоятельную знаковую систему, имеющую собственный предмет знакового отражения и самостоятельный язык, с помощью которого визуализируются сущностные, и во многом нематериальные, отличительные признаки данного предмета. Но если созданию этой системности мы целиком обязаны Западной Европе, то содержание и форма практически всех знаковых звеньев в общепринятой схеме герба выкристаллизовались на Руси самобытно, под собственным названием и нередко с иным, чем на Западе, спектром использования. Исследование этих особенностей отечественной символики и их систематизация с целью дальнейшего использования в современном

российском герботворчестве должны послужить основой содержания великорусского научного гербоведения.

<sup>7</sup> На большинстве дошедших до нас монет и печатей различных средневековых государств, сохранявших античную традицию, помещался либо рельефный портрет правителя, либо произвольно избранные эмблемы и символы. Идентифицировать эти памятники стало возможным лишь по сохранившимся на них надписям. Прямая взаимосвязь эмблемы или иного знакового комплекса, например — герба, с конкретным владетельным родом стала наблюдаться лишь начиная с XII—XIII вв. что явилось материальным свидетельством зарождения в Западной Европе геральдики.

<sup>8</sup> С момента приобретения христианством статуса государственной религии при римском императоре Константине Великом (285—337) символом высшей государственной власти в Римской империи стал *лабарум* — стяг с пурпурным квадратным полотнищем на горизонтальном древке, украшенном монограммой Иисуса Христа — соединенными в одно целое греческими буквами «хи» и «ро».

<sup>9</sup> *Переверзнецов С. В.* Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв. М. 1999. С. 75—111.

<sup>10</sup> Сегодня, как и при первых киевских князьях, «Русская земля» остается священным для нас *образом* — поэтическим, художественным, но не имеющим своего геральдического воплощения из-за исторически обусловленной негосударственности собственного содержания (понятие «Русская земля» относится не только к России, но и к другим государствам — Украине, Литве, Белоруссии). Сам же *образ* играл за прошедшее тысячелетие в сознании русичей и их потомков куда более заметную роль, нежели геральдическая символика. Имея в качестве меры соотношения духовного и материального, условного и реалистичного православную икону, Русь веками воспитывалась на почитании Образа, что длительное время оставляло невостребованным реалистическое искусство западноевропейского образа, а при усвоении ею геральдики отторгло формальный геометризм геральдических фигур и делений гербового щита.

<sup>11</sup> Сегодня трудно судить, насколько идеи христианства повлияли на символику воинскую, ведь крещение князя Владимира Святославича в Корсуни сопровождалось и крещением его дружины. К сожалению, ограниченность источниковой базы отечественного исторического оружиеведения не позволяет точно ответить на этот вопрос. Но логично предположить, что новые символы в шитье княжеского стяга или в каких-то иных деталях воинского снаряжения могли появиться раньше, нежели в монетном деле.

<sup>12</sup> Археология СССР: Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364. *Табл. 151.*

<sup>13</sup> *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж; М., 1959 — 1991. Т. I. С. 282, 290—295.

Веротерпимость монголов, составлявших правящее ядро огромной — от Китая до Восточной Европы — империи, хорошо известна историкам. Она пронизывает многие положения Яссы — «книги запретов» Чингизхана — и замечательно выражается в словах хана Мангу, сказанных в 1263 г. одному из католических миссионеров: «Все люди обожают одного и того же Бога, и всякому свобода обожать его как угодно. Благодеяния же Божию, равно на всех изливаемые, заставляют каждого из них думать, будто его вера лучше других». Вследствие этого Батый считал, что с момента завоевания им Руси в ней вступает в силу органический закон всей монгольской империи, по которому церковь должна оставаться свободной.

Покровительственное отношение монгольских ханов к христианству объясняется не только веротерпимостью, но и другими причинами. Из множества входивших в их империю народов христианские народности уйгуров (тюркское племя) и кераитов (монгольское племя) оказались в более близких и обязательных отношениях к ханам, чем все остальные. Некогда получившие от христиан несторинского толка грамотность, уйгуры стали высшими чиновниками и доверенны-

ми дельцами ханов, а из христианского семейства кераитского князя сам Чингиз и его сыновья выбрали себе жен (Указ. соч. С. 278–280).

<sup>14</sup> *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 296–298.

Необходимо особо отметить заинтересованность византийского императора и патриарха, изгнанных в 1204 г. из Константинополя католиками-крестоносцами, в установлении союзнических отношений с Ордой. Дружественная помощь ханов позволила императору Михаилу Палеологу в 1261 г. вернуться в отвоеванную у латинян столицу.

<sup>15</sup> *Лавернов В. И.* Знаки Рюрикова рода (историографический очерк) // Гербовед. 1995. № 7. С. 47–55.

<sup>16</sup> Лев в символике славян появился задолго до принятия ими христианства, где этот зверь упоминается в Ветхом Завете (Даниил во рву львином) и Псалтири, является символом Евангелиста Марка, а также фигурирует в декоративно-прикладном искусстве Византии. В пантеон прибалтийских славян-лютичей, ставшим известным по датироваемым V–XI вв. находкам из храмового комплекса их столицы Ретры (см.: *Gottlieb Andreas. Die Gottesdienstlichen der Obotriten.* Berlin, 1771), входил и львиноголовый Радогост — загробный судья, третье нисхождение Всевышнего. Вполне возможно, что образ льва был вынесен еще праславянами из их скитаний по азиатскому континенту во II тыс. до н. э. точно так же, как ими был усвоен культ Хорса — древнеиранского божества солнечного диска. Нельзя исключить и иные версии этого культурного заимствования, в том числе влияние тюркских народов Великой Степи, в представлении которых лев являлся зверем — покровителем власти.

<sup>17</sup> *Двоеверие* — уникальная особенность древне- и великорусского религиозно-миропонимания, в котором догматика Православной Церкви наложила на не забытые по сей день архаичные сюжеты и образы дохристианских верований. Наиболее зримые следы двоеверия оставило в народном фольклоре и декоративно-прикладном искусстве, а также в изделиях современных художественных промыслов (ткачестве, кружевах, глиняных и деревянных игрушках), продолжающих сохранять эту традицию.

В свою очередь, воздействию древнеславянских обычаев подверглось и само Православие. Празднование многих церковных праздников стало совпадать по времени с датами языческого аграрного календаря, убиенные братья — зрелых лет Борис и юный Глеб — приобрели в иконописи признаки близнецства, а святые Флор и Лавр превратились вопреки греческой житийной литературе в парных святых — покровителей лошадей и мн. др. В Боголюбском дворце 1156 г., например, при раскопках обнаружена капитель с четырьмя ликами Богородицы, смотрящими на четыре стороны света — «богородичный столп», композиционно повторяющий четырехликие идола Световита.

<sup>18</sup> В отечественной литературе описаны десятки случаев проявления традиционного двоеверия даже в начале XX в. Ю. П. Миролюбов, например, не раз наблюдал празднование дня святого Власия (Велесова дня) в деревне, крестьяне которой пригоняли к церкви свой скот и просили священника окропить его святой водой.

<sup>19</sup> Среди миниатюр созданной в 1397 г. Киевской Псалтири, далеко не полностью отражающих содержащуюся в тексте тематику льва, содержатся:

— *Лист 12 об.* «Лев, нападающий на бедного» иллюстрирует стихи Псалма IX, 30: «Пасть в таинных, яко левъ въ ограде своеи, ластъ всхитити нишаго, всхитите оубогаго, внигда привлеци и в сети своеи, смирити и...» (Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище; подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного; хватает бедного, увлекая в сети свои).

— *Лист 180.* В изображении Страшного Суда центральная ось рисунка — наполняющая Ад и поглотившая грешников-иудеев огненная река, исходящая из маски льва у подножия Христа.



- *Лист 205.* «Давид убивает напавшего на овцу льва» — сюжет, восходящий к рассказу из Первой Книги царств (XVII, 36–370) и изложенный в качестве параллели к последующему поражению Давидом Голиафа.
- *Лист 210 об.* «Дикие звери, поседающие людей». Сюжет восходит к рассказу о гневе Господа на отступивших от закона израильтян (Числа, XXI, 6), однако вместо змей изображены кровожадные лев и леопард.
- *Лист 225.* «Птицы, звери и всякий скот». На этой миниатюре лев изображен в одной группе с грифоном и шакалом, композиция в целом иллюстрирует Песнь 8 (Книга пророка Даниила, III, 80–81): «Благоволите, все птицы небесные, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите Господа, звери и весь скот, пойте и превозносите Его во веки».

См.: *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтири. М. 1978.

<sup>20</sup> *Покров* — один из самых значительных праздников Православной Церкви, отмечавшийся и отмечаемый только на Руси. По преданию, он был установлен Андреем Боголюбским в память о событиях X в. — спасении Византии от вторжения сарацин. В константинопольском Влахернском храме юродивому Андрею и его ученику Епифанию было видение молящейся о мире Богородице, держащей над прихожанами Свой *покров*. Покров Богородицы над всей Русской землей, протертый по воле Божией, в качестве общенационального духовного постулата берет свое начало от Покрова над Владимиро-Суздальской Русью.

<sup>21</sup> Первым каменным храмом православной Руси стала Десятинная церковь, построенная в 989–996 гг. при князе Владимире на территории киевского кремля — «Города Владимира». В 1240 г. она была разрушена во время штурма Киева войсками Батыя и уже не восстанавливалась. Найденные при раскопках фрагменты мраморных колонн, резных капителей и камней с надписями, фрагменты фресок, мозаик, шиферных плит и наборных полов свидетельствуют о богатом внутреннем убранстве храма. Заложенный в 1037 г. при Ярославе Владимировиче Мудром киевский Софийский собор сохранился до наших дней и позволяет судить о значительном влиянии византийского зодчества (композиционное и художественно-стилистическое решение, технология возведения строительных конструкций). Но уже в Софийском соборе (1045–1052) и первых каменных церквях на Ярославом дворе в Новгороде начинают отчетливо просматриваться собственные подходы древнерусских зодчих к достижению самобытной выразительности этих сооружений, т. е. уже с середины XI в. начинается формироваться русское каменное зодчество как идейно, художественно и технологически самостоятельное явление материальной и духовной культуры нашей страны. И если некоторые формальные признаки на протяжении XI–XIII вв. продолжали свидетельствовать о византийском источнике влияния на архитектурно-художественный облик возводимых на Руси храмов, то сам факт их повсеместного строительства говорит об успешном функционировании собственной школы зодчества (говоря современным языком — о создании строительной индустрии).

Одно лишь сопоставление дат Крещения Руси (988) и закладки Десятинной церкви (989) полностью ниспровергает выдуманную при Бироне русофобом Шлецером и пестуемую вплоть до наших дней «норманнскую» теорию, ибо только народ с огромным историко-культурным потенциалом мог в одночасье перейти от навыков деревянного зодчества к каменному. Если у «норманнистов» хватит ума осознать потребный для каменного зодчества объем материально-технических ресурсов (финансы, сырьевая база, транспорт, производство строительных материалов, квалифицированная рабочая сила и мн. др.), то они должны устыдиться своих заблуждений. А о впечатляющих храмах, возведенных славянами в своих ранне-средневековых городах, свидетельствуют арабские и византийские авторы V–VI вв.

См.: *Кресальный Н. И.* Софийский заповедник в Киеве: Архитектурно-исторический очерк. Киев, 1960; *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л. М., 1961; *Воронин Н. Н., Ратнопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.

<sup>22</sup> Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1974. С. 270—271.

<sup>23</sup> Некрасов А. И. О гербе суздальских князей // Сборник в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л. 1928.

<sup>24</sup> Выдающиеся исследователи древнерусского искусства Н. Н. Воронин и Г. К. Вагнер называли эмблему владими́ро-суздальских князей *барсом*. Возможно, причиной этого определения послужила заостренная форма повернутой в профиль головы зверя, который по геральдической традиции именуется *львом*. Характерно, что и Б. А. Рыбаков, выделяя в отдельную группу другую разновидность животных персонажей владими́ро-суздальской белокаменной резьбы — *волков*, назвал их «барсами с собаковидными головами». Однако еще в начале прошлого века Ю. В. Арсеньев указывал на то, что в западноевропейской геральдике заостренная форма головы также была характерна для изображаемых в профиль львов и лишь с XV в. приобрела естественные очертания (Арсеньев Ю. В. Геральдика: Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907—1908 гг. Периздание: Ковров, 1997. С. 194).

Несмотря на интернациональный характер европейского вооружения, большинству стран были свойственны индивидуальные отличия в выборе оружия, системе ведения боя и других компонентах военного дела. В определенной степени это относилось и к форме употреблявшихся каждым народом боевых щитов, что дало повод позднейшим геральдистам достаточно условно выделить французский, немецкий, английский, испанский, итальянский и византийский абрисы гербовых щитов. Русь в XII—XVI вв. обладала собственным, родственным «норманнскому» типом боевого щита, отличавшегося от последнего близким к полукругности очертанием верхнего края. Устойчивость этой формы подтверждается многочисленными изображениями «русских» щитов на иконах и миниатюрах лицевых летописных сводов и рукописных богослужебных книг.

<sup>25</sup> Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 185.

<sup>26</sup> Философский энциклопедический словарь. С. 217.

<sup>27</sup> Лосев А. Ф. Указ. соч. С. 148—149.

<sup>28</sup> *Аксиология* — учение о ценностях, область философии, проблемы которой решаются, с одной стороны, в логике, эстетике и особенно в этике (этика ценностей), а с другой — в психологии. Аксиология великорусской геральдики в ее историческом аспекте неразрывно связана с православным мироощущением и миропониманием наших предков, когда ключевое значение приобретают религиозно-этические ценности, хотя и не являющиеся реальным образованием, но тем не менее представляющие по своему содержанию объективное и материальное образование.

См.: Философский энциклопедический словарь. С. 484, 547

<sup>29</sup> *Герб* — это эмблема, «оформленная изобразительно по законам геральдики, расположенная на соответствующем поле, именуемом щитом, и носящая определенной значимости цвет» (Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981. С. 153).

<sup>30</sup> Опознавательная символика, помещенная на вооружении и одежде рыцаря — на щите, шлеме, копейном прапоре, на плаще и налатной тунике, получила свое название от слова «оружие». Знаковый комплекс, отражающий индивидуальные отличительные признаки немецких рыцарей, стал называться *Wappe* (от *Waffe*), а английское *arms*, французские *armes*, *armories*, итальянское *arma* произошли от латинского *armorium insigna* — «отличительные знаки оружия».

<sup>31</sup> Первый исследователь русской геральдики А. Б. Лакиер относил *herb*, *erb*, *irb*, имеющие значение «наследник» или «наследство», к словам западославянских языков и наречий (Русская геральдика. М., 1990. С. 132). Но трудно не заметить созвучие этих слов с немецким *Erbe*, также означающим «наследство». До сих пор остается невыясненным вопрос о том, заимствовали ли славяне этот корень у германцев, произошло ли обратное или же независимое возникновение славян-

ских и германских слов с данным значением проистекает из тысячелетних глубин индоевропейской языковой общности.

Русский термин «герб» впервые употреблен в указе 1692 г. (Собрание государственных грамот и договоров. 4. IV С. 634), до этого на Руси говорили лишь о «печатях» и «клейнах» (клеймах). См.: *Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России X–XX вв. М., 1997. С. 18.*

<sup>32</sup> *Черных А. П. Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 45.*

<sup>33</sup> Соперничество с Москвой за наследование Владимирского княжения сказалося и в присвоении владимирской эмблемы льва тверским князем Михаилом Александровичем (1333–1399). Помимо Великого князя литовского Ольгерда, женатого на его сестре Марии Александровне, борьбу с Дмитрием Ивановичем Московским (Донским) вел и Новгород, где изображение «лютюго зверя» на печатях появилось в 1370–1373 гг. О существовавшей в XIV в. взаимосвязи между употребляемой городом символикой и обычаем украшать щит различными эмблемами может свидетельствовать одна из фресок (1380) новгородской церкви Спаса Преображения на Ковалеве, запечатлевшая воина с круглым щитом в руках и мечом на поясе: в окаймленном «ионическим» орнаментом щите изображен коронованный лев (см.: *Греков А. П. Указ. соч. Табл. 17 и 19*). У другой фигуры из этого же ряда — «Юного воина» — на щите помещена голова Медузы (там же. *Табл. 29* — фото 1922 г.).

<sup>34</sup> *Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1.*

<sup>35</sup> Геральдика и средневековая воинская символика семантически являются однородными понятиями, поэтому изучение воинской символики Руси представляет особый интерес для отечественного гербоведения. Именно воинская символика определяет степень востребованности знаковых форм, составляющих предмет геральдики, следовательно, их исторически обусловленную традиционность и почитаемость. Как совокупность изображений на щите, в нашлемнике и на скаковом знамени французского или немецкого феодала выражала представления западноевропейцев о подобающей рыцарскому достоинству достаточности знакового отражения родовых отличий и сословных привилегий, так и определенные символы на оружии и отличительная знаковость различных элементов вооружения и снаряжения русских всадников вполне могли нести необходимую для современников информацию. При изучении воинской символики помимо исторического оружейведения необходимо привлекать и другие группы источников, в том числе и древнерусскую иконопись, исключение которой из источниковой базы русской геральдики антинаучно в принципе.

<sup>36</sup> Использование поверхности щитов для отличительной раскраски или изображения эмблем повелось еще с глубокой древности. Об этом упоминали Гомер, Эсхил, Вергилий, Плиний и Тацит. Средневековый поэт Ермольд Черный (815 г.) приводит слова норманнского вождя, сказанные им посланцу Людовика Благочестивого: «Я имею раскрашенные щиты, если ты имеешь белые». В «Слове о полку Игореве» сказано: «...Русичи великая поля чрепными (багряными) щиты прегородиша...» Новгородская икона XV в. «Битва новгородцев с суздальцами» («Чудо от иконы “Знамение”» из Николо-Кочановской церкви, Новгородский музей-заповедник, инв. № 2184) демонстрирует не только разнообразную расцветку русских щитов, но и другие индивидуальные особенности их различия — прежде всего внутреннюю кайму, целиком подпадающую под западноевропейское понятие «геральдическая фигура».

<sup>37</sup> Незанятое поле такого одноцветного щита могло предназначаться для последующего помещения в нем гербовых фигур, но русская интерпретация этого правила западноевропейской геральдики нам пока еще не известна. Подробнее см. примечание (102).

<sup>38</sup> О «чремных» (красных или багряных) щитах русских дружин повествует «Слово о полку Игореве», алыми щитами наделены обе воюющие дружины на одном из списков иконы «Битва новгородцев с суздальцами» (ГТГ, Новгород, XV в. 133×90). Последний пример может свидетельствовать как о неустойчивости и недостаточности геральдических представлений на Руси, так и об уникальности фрагментарно перерисованного и приводимого здесь списка этой иконы (рис. 21).

<sup>39</sup> Древние родословцы дворянских фамилий, вероятно, содержавшие также описания (или даже изображения) фамильных эмблем, заносились в книги Разрядного приказа, который ведал воинскими делами Московского государства. В основе распределения дворянских родов по старшинству лежали традиции *местничества*, учитывавшего при назначении дворян на военную, административную и придворную службу происхождение их предков, их служебное положение и личные заслуги. Со временем местничество превратилось в обузу для государей Московских, и уже со времен Ивана Грозного перед очередной войной практиковался принцип «быть без мест», позволявший назначать воевод «со товарищи» по способностям, а не по старшинству рода. Неизбежное распространение с XVII в. нового строя на дворянские полки означало «быть всегда без мест». В январе 1682 г. после чрезвычайного *сидения* с боярами царь Федор Алексеевич (1661–1682), заручившись поддержкой патриарха Иоакима, повелел все разрядные книги сжечь (Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. История России с древних времен. М., 1991. Т. 13. С. 238–242). Вполне возможно, что вместе с этими книгами сгорели и бесценные упоминания о древнейшей родовой символике Руси.

Одновременно с сожжением разрядных книг было объявлено о разрешении вновь подавать «сказки» от родовитых фамилий об их происхождении. В то же время долговременный процесс оформления сословной обособленности дворянства, не уступавшего по своей значимости феодальному сословию Европы, активизировался на протяжении всего XVII в. и не мог не оставить документальных свидетельств. В результате среди родословцев, поданных в созданную после отмены местничества Палату родословных дел, появляются описания и даже изображения дворянских гербов. Помимо указаний на схожесть ряда родовых эмблем с некоторыми польскими гербами, что неизбежно при единстве рунических и иных корней родо-территориальных знаков, в «сказках» встречаются и подлинные свидетельства великорусского герботворчества XVII в. При потере письменных источников древней родовой эмблематики, погибших при сожжении разрядных книг, для выработки объективных представлений о личных и фамильных «предгербах» необходимо прибегать к свидетельствам других групп источников, в том числе к древнерусской иконописи и книжной миниатюре.

<sup>40</sup> Представление о теснейшей взаимозависимости гербоведения и соответствующих государственных законодательных актов основывается на том исключительном значении, каковое сегодня у нас придается особенностям российской геральдики XVIII — начала XX в. Но на заре западноевропейской геральдики положение дел было совершенно иным и, возможно, отражало общеевропейскую тенденцию стихийного возникновения персональных и родовых отличительных знаков («знамен» или гербов). «По своему происхождению гербы могут быть разделены на исконные (Urwappen), появившиеся в древнее время, с самого возникновения обычая употреблять гербы, а впоследствии узаконенные через молчаливое признание их действительности, и на гербы *пожалованные по грамоте* (Briefwappen), начиная с XIV в., которые были даваемы главой государства или в Германии особо уполномоченным от государя лицом — *comes Palatinus...*» (Арсеньев Ю. В. Указ. соч. С. 112).

<sup>41</sup> *Позем* — условное изображение земли в один или два цвета, расположенное в нижней части иконы. Позем обычно писался зелеными, реже коричневыми красками, а иногда (особенно в иконах новгородского круга) украшался несложным орнаментом.

См.: *Филатов В. В.* Словарь изографа. М. 2000.

<sup>42</sup> Условный термин, использованный Н. А. Соболевой в ее работе «Старинные гербы российских городов» (М., 1985. С. 16).

### 3. Становление образа герба

*Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung von Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Wien, 1890// *Бехайм Вендален.* Энциклопедия оружия. СПб. 1995. С. 13.

<sup>2</sup> Античные авторы описывали катафрактариев так: «Все они сидели на своих лошадях как статуи, к их конечностям были подогнаны доспехи, которые точно соответствовали формам человеческого тела. Они покрывали руку от запястья до локтя, а оттуда до плеча, в то время как пластинчатая броня защищала плечи, спину и грудь. Голова и лицо были покрыты шлемом с металлической маской, которые делают их носителя выглядящим как статуя, потому что даже бедра и ноги и самые кончики ног покрыты доспехом. Он соединен с панцирем прекрасным кольчужным плетением, наподобие ткани, так что ни одна часть тела не остается видимой и непокрытой, потому что это плетеное покрытие защищает руки и является таким гибким, что носители его могут даже сгибать пальцы. <...> Когда наступает время битвы, то, ослабив поводья, катафрактарий мчится на противника, подобный какому-то железному человеку или движущейся конной статуе. Острие копья сильно выдается вперед, само копьё ремнем прикреплено к шее коня; нижний его конец при помощи петли держится на крупе коня, в схватке копьё не поддается, но, помогая руке всадника, всего лишь направляющей удар, само напрягается и твердо упирается, нанося сильное ранение, и в своем стремительном натиске колет кого ни попало, одним ударом часто пронзая двоих».

См.: *Демин В. Н.* Тайны Земли Русской. М., 2000. С. 188–190.

<sup>3</sup> Археология СССР с древнейших времен до Средневековья: Древняя Русь. Город, замок, село. В 20 т. М., 1985. С. 320.

<sup>4</sup> На примере шпор можно установить, что многие приемы конного боя, атаки и маневра на Востоке Европы в целом не отличались от принятых на Западе. Интенсивная разработка шиповых и колесиковых шпор свидетельствует в пользу существования конского доспеха, археологически известного у нас по древнейшей в Европе боевой конской маске второй четверти XIII в. из южной Киевщины. В отношении применения шпор Русь, считавшаяся азиатской окраиной Европы, на самом деле входила в число развитых рыцарских стран своего времени. Красноречивым примером служат древности раскопанного М. К. Каргером волынского Изяславля. В этом городе, расположенном не где-то в Западной или Центральной Европе, а недалеко от края восточной степи, было найдено 280 шпор. Совокупность этих находок может конкурировать с коллекциями национального масштаба. Позднее, во второй четверти XV в., новгородцы носили такие же шпоры с длинным держателем звездочки, как и их западные современники. Это подтверждает ношение представителями русской «конной рати» полного доспеха. Относительно датированной 1420 г. новгородской шпоры с далеко отставленным колесиком А. В. Арциховский писал, что ею «можно было пришпорить коня сквозь густую кольчугу и даже, может быть, сквозь латы». Шпора с таким длинным (10 см) держателем звездочки предполагает наличие доспеха, возможно даже пластинчатого, закрывающего и ноги всадника.

См.: Древняя Русь. Город, замок, село. С. 318–319.

<sup>5</sup> Булавы в русском войске появились уже в XI в. как юго-восточное заимствование. Наиболее древней и распространенной формой навершия русских булавы была кубовидная с крестообразно расположенными шипами. Будучи широко до-

ступным оружием горожан и крестьян, в XII в. булава такой формы стала знаком царской власти. Необходимость локального дробления брони привела к появлению в первой половине XIII в. булав с клювовидным выступом — клевцом, и булав с шестигранным пластинчатым навершием — шестоперов. Последние, судя по археологическим данным, являются древнейшими среди других подобных европейских образцов. Уже в XIV в. шестоперы из простого оружия начали превращаться в знаки командиров и военачальников.

См.: Древняя Русь. Город, замок, село. С. 311.

<sup>6</sup> По количеству обнаруженных изделий собственных оружейников средневековой Россия является одной из самых представительных стран Европы, и отечественные находки во многих отношениях приобретают международное научное значение. Итог проделанной за 170 лет отечественными оружейоведами работы выражен в следующих словах А. В. Арихковского: «Русские дружинники X—XIII вв. были настоящими профессиональными воинами, не уступавшими по вооружению своим западным современникам».

См.: Древняя Русь. Город, замок, село. С. 298.

<sup>7</sup> Архаичность этой символики донесло русское народное искусство, сохранившее культовый образ *всадницы*, причем устойчивость этого образа чрезвычайно высока. В крестьянских вышивках запечатлены едущие навстречу Матери Сырой Земле (Мокоши?) женские божества Весны, нередко с сохами. Вполне вероятно, что сакральная функция покровительства земледелию и скотоводству народным сознанием была впоследствии перенесена и на другой образ всадника — святого Георгия, с днем поминовения которого (23 апреля) на Руси издревле связывали начало полевых работ.

Подробнее см.: *Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси*. М. 1988; *Переверзenceв С. В. Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв.*

<sup>8</sup> *Хорошкевич А. Л. Герб // Герб и флаг России X—XX в. С. 69—73.*

<sup>9</sup> *Вагнер Г. К. К вопросу о владимиро-суздальской эмблематике // Историко-архивный сборник*. М., 1962. С. 262—263.

<sup>10</sup> *Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 73—74.*

<sup>11</sup> *Петров П. Н. История родов русского дворянства*. СПб. 1886. Переиздание: М., 1991. Кн. I. С. 127.

<sup>12</sup> *Кирпичников А. Н. Русские доспехи X—XVII вв. М., 1983. Табл. 16.*

<sup>13</sup> *Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 74—75.*

Фигура на щите Дмитрия Солунского принята А. Б. Лакиером за латинский инициал «X» (греч. «хи» или строчная «каппа»?) и названа монограммой. Но известная монограмма Иисуса Христа «хи-ро», наиболее соответствующая символике Святого воина, имеет совершенно иное начертание. Не является ли эта фигура, похожая на два сросшихся противонаправленных полумесяца, неким самостоятельным символом? Не послужит ли она отправным пунктом поиска личной символики князя Дмитрия Ивановича? Известно, что два противонаправленных полумесяца по обе стороны меча составляют упоминавшийся с XI в. польский герб *Остоя*, а замена меча на две звезды сверху и снизу сросшихся полумесяцев образует герб *Орда*.

<sup>14</sup> *Рейхель Я. Я. Дополнение к русской нумизматике среднего века // Записки Императорского археологического общества*. СПб., 1842. Т. I. С. 23.

<sup>15</sup> *Карташев А. В. Указ. соч. С. 310.*

<sup>16</sup> К середине XV в. на Руси одновременно существовали монастыри трех видов: *отходные скиты*, устраиваемые монахами-отшельниками, *особножительские*, где иноки проводили общие службы, но каждый имел собственное имущество, и *общежительские*, в которых иноки отказывались от имущества вообще. С помощью митрополита Алексия Сергию удалось широко распространить забытый к тому времени общежитийный устав, в основе которого лежало несколько главных принципов: *равенство всей братии (включая игумена), запрет на частную собствен-*

ность, совместный стол и молитва, общее послушание и четкое распределение обязанностей. Высоко чтя человеческое достоинство, Сергей не приветствовал нищеты и побирушничества и учил иноков каждодневному совместному труду.

<sup>17</sup> Проповедуя «высокое житие» как наглядный пример нравственного совершенства, как общечеловеческий идеал, Сергей Радонежский призывал иноческую братию к полному отказу от мирских соблазнов — богатства, власти, ненависти и насилия. А поскольку власть мирская, по сути, опирается на эти пороки и порождает новые, она не должна, по убеждению преподобного, возвыситься над Церковью. В то же время Троицкий игумен не избегал участия в политических событиях. Велик вклад преподобного Сергия (канонизированного в 1447 г. и почитавшегося небесным покровителем и заступником Всея Руси и ее Московских государей) в предотвращение княжеских усобиц и мирное объединение русских земель.

Подробнее см.: *Переверзевцев С. В.* Указ. соч. С. 151–163; *Просвирич А.* В похвалу преподобному Сергию, игумену Радонежскому, Всея России чудотворцу // *Богословские труды.* М., 1973. Т. 11.

<sup>18</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 75–76.

<sup>19</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 96.

<sup>20</sup> *Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I // *Материалы и исследования по археологии СССР.* 1949. № 12.

<sup>21</sup> «Владимирскими самовластцами» не отвергалась, а подчеркивалась преемственность общерусского Великого княжения. Юрий Долгорукий (1090-е гг. — 1157) был князем Киевским, овладев великокняжеским столом в 1155 г., как и его сын Андрей Боголюбский — в 1169 г. Всеволод III Юрьевич владел, помимо Владимирского великого княжения, также Киевским, Черниговским, Рязанским и Новгородским. Ярослав Всеволодович (1191–1246), князь Галицкий, Переяславский, Рязанский, неоднократно княжил в Новгороде, а в 1236–1238 гг. — в Киеве. Но уже при Александре Ярославиче (Невском) разоренный Батыем Киев лишился своего осязательного политического значения.

<sup>22</sup> Этот вывод бесспорен, поскольку по сторонам фигуры всадника выбиты буквы *К* и *Н* — «князь», а реверс всех монет Василия Васильевича Темного отмечен подписью «*осподарь*».

<sup>23</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 78.

<sup>24</sup> Там же. С. 79–80.

<sup>25</sup> Эта знаменитая печать привешена к составленной в 1497 г. жалованной меновой и отводной грамоте Ивана III его племянникам, князьям Волоцким Федору и Ивану Борисовичам. Однако недавние изыскания позволили установить дату изготовления самой металлической формы — 1492 г., и нет достаточных оснований для отрицания возможности и более раннего появления в символике Ивана III «московского всадника» и двуглавого орла с тверских монет Михаила Борисовича, поскольку Тверь была окончательно присоединена к Москве в 1485 г.

<sup>26</sup> Вероятно, это один из самых известных примеров безусловного отнесения к классу гербов эмблемы, использование которой в конце XV — первой половине XVI в. на великокняжеском знамени или в поле щита осталось невыясненным. Отсутствие в легенде (круговой надписи) слова «печать» весьма показательно, однако не настолько, чтобы служить исчерпывающим доказательством правоты подобного утверждения. Начиная со Святослава Игоревича многие князья, посадники и духовные владыки обладали печатями — либо вовсе лишенными легенды, либо с отсутствующим в строчной надписи словом «печать». В таком случае перед нами не что иное, как древнейшие личные эмблемы отечественной геральдики (пусть даже в их число не входят изображения святых), причем открывает этот ряд двузубец Святослава, восходящий ко второй половине X в.!

<sup>27</sup> Рельефное изображение царя Давида на фасаде Дмитровского собора во Владимире сопровождается надписью *ДА БЪ* — Дажьбог, что свидетельствует о живучести на Руси конца XII в. дохристианского мировоззрения. Характерно, что

и на княжеской диадеме 1165 г. едущий в запряженной грифонами колеснице Александр Македонский изображен в трехзубчатой (в русской традиции XII—XVI вв. — царской) короне и с русальными жезлами (атрибутами языческих празднеств — Русалий) в руках.

<sup>28</sup> Согласно Ипатьевской летописи 1114 г. «...сын его (Сварога) именем Солныче его наричуть Дажьбог. ...Солнце цесарь, сын Сварогов, иже есть Дажьбог, бе муж силен». В Киево-Печерской Лавре сохранилась каменная плита с рельефным изображением «цесаря Солнца» Дажьбога на небесной колеснице, запряженной львами.

<sup>29</sup> Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М.; Л. 1949. Т. 25. С. 254. См.: Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 101.

<sup>30</sup> Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV—XVI в. М. 1993.

<sup>31</sup> Правомерность подобных заключений обосновывается отнюдь не ссылками на обнаруженные документы, прямо указывающие на знакомство конкретного исторического лица с определенной мифолого-культурной информацией и принятие им соответствующего решения. Подобных документов никогда не существовало в прошлом, никому не придет в голову сочинять их и сегодня. Бессмысленно искать документальные следы петых кому-то в детстве колыбельных песен и рассказанных сказок, услышанных в юности былин и поучительных историй. Неразрывно связанная с лексикой историко-культурная основа сознания, особенности психического склада и мировоззрения (ментальность) и собственный стереотип поведения (навыки адаптации к природным и социальным условиям) в масштабах целого народа преемственны и традиционны. Совокупная целостность этих понятий, условно называемая здесь *этнокультурной традицией*, характеризует каждое этническое образование и отличает его от любого другого. Несмотря на то что воздействие (надындивидуальное координирование поведения) этнокультурной традиции на отдельную личность весьма вероятно и только по мере повышения ранга рассматриваемой этносистемы проявляется определенная закономерность, неправомерно без должных оснований противопоставлять какую-либо личность (в данном случае — Ивана III) взрастившей ее этнокультурной традиции.

См.: Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы.

<sup>32</sup> Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 136—137.

<sup>33</sup> Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М. 1992.

<sup>34</sup> Галицко-Волынское княжество, как и вся юго-восточная Русь в целом, постоянно оспаривала у Залесской Руси роль общерусского политического и религиозного лидера и также использовала эмблему льва, поныне сохранившуюся в имени и гербе города Львова.

<sup>35</sup> Принятые недавно федеральные законы о государственной символике не только лишили российский народ (в первую очередь — великороссов) своего векового национального флага, объявив его исключительно государственным, но и ввели красное без каких-либо изображений и надписей знамя Вооруженных Сил. Если бы Иван III следовал логике авторов этого законопроекта, его полки должны были сражаться под многохвостыми бунчуками в знак того, что Москва долгое время была улусом Золотой Орды.

## 4. Царский символ

<sup>1</sup> После несбывшихся эсхатологических ожиданий (наступления конца света в 1492 г.) с конца XV в. началась напряженная духовная работа по осмыслению нового всемирно-исторического значения России. Недаром XV—XVI вв. считаются временем расцвета древнерусского религиозно-философского и публицистического творчества. Наряду с прославленными в русской истории именами Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, Ивана Грозного и Андрея Курбского известны также Вас-



сиан Патрикеев, Артемий Троицкий, Максим Грек и его ученик — новгородский инок Зиновий Отенский, митрополиты Даниил и Макарий, а также авторы «Филофеева цикла» — религиозно-философской концепции Третьего Рима.

См.: *Переверзenceв С. В.* Указ. соч. С. 170–225.

<sup>2</sup> На Лионском церковном соборе в 1274 г. император Михаил Палеолог подписал документ об унии православной и католической церквей, за что был патриархом Арсением отлучен и лишен церковного погребения. Феррарско-Флорентийский собор 1437 г. был создан папой Евгением по инициативе Византийского императора Иоанна Палеолога, надеявшегося путем соединения церквей обрести поддержку Запада в его борьбе с турками. Надежды греков на изменение латинянами некоторых своих церковных догматов потерпели крах, но восторжествовало сребролюбие, и подкупленные папой греческие митрополиты уговорили императора и умиравшего патриарха подписать унию.

См.: *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 295, 349–356.

<sup>3</sup> *Hellmann M.* Moskau und Byzanz // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Bd. 17. S. 332–338.

<sup>4</sup> Немецкий орден (Deutscherorden) возник в 1237 г. при слиянии основанного в Палестине в 1197 г. Тевтонского духовно-рыцарского ордена с Орденом Меченосцев (Ливонским), осуществлявшим из основанной им Риги захват Ливонии и прилегавших к ней полоцких и псковских земель.

<sup>5</sup> *Варагн* — ворон (сокол) иранской мифологии. Древняя изобразительная традиция представляла его держащим в лапах зайца, змею, человека. *Анка* — созданные Аллахом совершенными птицы мусульманской мифологии, которая приписывает им враждебные отношения к людям. В манускрипте иранского историка и географа Хамдаллаха Казвини (1281–1350) одна из анка изображена двуглавой, с распростертыми крыльями и хищно растопыренными когтистыми лапами. *Рух* — сказочная птица арабского фольклора, один из фантастических персонажей «Сказок тысячи и одной ночи».

<sup>6</sup> Русская геральдическая терминология, не имеющая собственной многовековой традиции, основывается на переводе иностранных терминов — прежде всего немецких, а также французских.

<sup>7</sup> *Кулаков В. И.* Предшественники эмблемы Византии // *Гербовед.* 1994. № 5–6. С. 8–11.

<sup>8</sup> Латинская империя была основана в 1204 г. на части территории Византии, захваченной католиками — участниками IV Крестового похода. Имперской столицей стал Константинополь. Помимо непосредственных владений императоров из рода графов Фландрских, в состав государства входили Фессалоникийское королевство, Ахейское княжество, Афинское герцогство и др. В 1261 г. империя пала после того, как никейский император Михаил VIII (1224–1282), основатель династии Палеологов, занял Константинополь и вернул правителям Византии титул императоров (базилевсов).

<sup>9</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 132–133.

<sup>10</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 138–139.

<sup>11</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 143–145.

<sup>12</sup> Старец Филофей (ок. 1465–1542), игумен псковского Елезаровского монастыря, впервые назвал Россию «Третьим Римом». О жизни старца практически ничего не известно, кроме того, что его именем подписано несколько посланий — государям Василию III (до 1526 г.), Ивану IV Грозному и дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину (1523–1524). Последнее произведение «Филофеева цикла», написанное в 30–40-е гг. XVI в. и получившее название «Об обидах Церкви», также приписывается старцу Филофею, но, скорее всего, создано его анонимным Продолжателем.

<sup>13</sup> Произведение Симеона Суздальца было приурочено к поставлению митрополита Феодосия в 1461 г. и названо «Слово избранно от святых писаний, еже на

латыню, и сказание о составлении осьмаго собора латыньскаго, и о извержении Сидора Прелестнаго, и поставлении в русской земли митрополитов, о сих же похвала благоверному Великому князю Василию Васильевичу Всея Руси».

См.: *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 357–367.

<sup>14</sup> *Переверзнецов С. В.* Указ. соч. С. 213.

<sup>15</sup> Дан. 2, 36–45. Цит. по: *Переверзнецов С. В.* Указ. соч. С. 213.

<sup>16</sup> Концепция «Москва — Третий Рим» изложена по: *Переверзнецов С. В.* Указ. соч. С. 213–219.

<sup>17</sup> Формула «Святая Русь» окончательно утвердилась в русской книжности и разговорном языке с 80-х гг. XVI в. после того, как была использована в третьей редакции входящего в «Филофеев цикл» Послания к Великому князю.

<sup>18</sup> Зодчество, создающее на протяжении тысячелетий искусственную среду обитания людей, является по сути наиболее монументальной и принявшей планетарные масштабы знаковой системой человечества, сопоставимой по своей информативности лишь с самой универсальной и совершенной из знаковых систем — речью. В зодчестве отражены все духовные, социальные, инженерно-технические, эстетические и экономические достижения общества на каждом конкретном этапе его развития. На Руси переход от строительства крестово-купольных (с внутренними опорами) каменных храмов к возведению шатровых потребовал принципиально нового осмысления их конструкций, по сей день остающихся уникальными в истории мировой архитектуры.

Столь кардинальное изменение типологии православного храма — явление исключительно *знаковое*, отразившее незаурядную концентрацию творческой энергии в определенный промежуток времени. Поскольку распространение идеи «Третьего Рима» хронологически совпадает с возведением первых каменных шатровых храмов, можно с уверенностью считать их *символами* указанной идеи.

<sup>19</sup> Наиболее очевидным примером подобного значения шатровых храмов служит собор Покрова Богородицы что на Рву (1555–1561) — православный символ Москвы, и по сей день называющей его собором Василия Блаженного по имени почитавшегося москвичами местного святого, погребенного в одном из приделов храма. Состоящий из девяти крайне незначительных по своей вместимости церквей, собор изначально мыслился своеобразным алтарем для всей Красной площади (возникшей в ходе строительства ныне существующего периметра кремлевских стен зодчим Алевизом Новым в 1505–1506 гг.). По отношению к ней собор Василия Блаженного удивительно соразмерен, ибо в прошлом ширина площади была несколько сокращена проходившим вдоль кремлевской стены крепостным рвом. При строительстве Покровского собора первым был сооружен деревянный каркас — своеобразная модель храма в натуральную величину, и лишь после его уточнения сквозные объемы деревянной решетчатой конструкции заполнялись капитальной кирпичной кладкой.

<sup>20</sup> *Бунин А. В. Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1979. Т. 1. С. 313.

<sup>21</sup> Август (до 27 г. до н. э. — Октавиан, 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Победой при Акции над Марком Антонием и Клеопатрой завершил гражданские войны 43–31 гг. до н. э. При сохранении традиционных республиканских учреждений сосредоточил власть в своих руках, образовав таким образом новую форму монархии — принципат.

<sup>22</sup> В связи с легендой о происхождении Рюриковичей от Августа Римского вызывают интерес знания самих древнерусских книжников XV–XVI вв. о Рюрике. Не исключено, что историческая память того времени сохранила больше сведений о нем, чем наши сегодняшние представления. Благодаря бироновскому ставленнику, «патриарху» норманнистического подхода к истории России Г. Байеру укоренилось мнение о скандинавском происхождении «первого новгородского князя». По новейшим изысканиям, Рюрик был внуком новгородского князя Го-

стомысла (?–844), царский род которого велся от Словена и существовал согласно древним легендам около 3000 лет. А по летописям — с VI в.

Потерявший сына в войне с варягами Гостомысл выдал свою дочь Умилу за князя западнославянского племени бодричей Годослава (Godlav по мекленбургской легенде), союзника новгородских словен в войнах против Людовика Немцкого, владевшего городом Микулин Бор или Рарог (позднее — Мекленбург). Рюрик не позднее 809 г. родился в семье бодричей, был женат на дочери норвежского короля Ефанде и пришел в 870 г. в Новгород с братьями Синеусом и Трувором при поддержке дружины брата Ефанды — воеводы Олега Вещего. Учитывая пространственность в XVI–XVII вв. «Сказания о Словене и Русе в городе Словенске» (из Хронографа 1679 г. ПСРЛ. Т. 31. Л., 1977), а также фрагментарно прослеживающуюся от описанной Гомером Троянской войны историю венедов (известных по античным источникам предков бодричей, лютичей и, возможно, русов-ругов), становится вероятной некая неизвестная нам аргументация при выведении рода Рюрика от императоров Рима.

<sup>23</sup> *Переверзenceв С. В.* Указ. соч. С. 223.

<sup>24</sup> Условные короны, венчающие главы орла на печати Ивана III и не имеющие аналогов среди регалий Московских самодержцев и митрополитов Всея Руси, могут быть истолкованы лишь как указание на безусловную ВЛАСТЬ, поскольку геральдической связи между изображаемой в гербе короной и титулом обладателя герба ни Русь, ни Западная Европа в конце XV в. еще не знали. Этот геральдический обычай появился не ранее XVII в. См.: *Арсенев Ю. В.* Указ. соч. С. 252.

<sup>25</sup> В первых публикациях, посвященных символической иконе «Благословенно воинство Царя Небесного», основой ее сюжета назывался и Апокалипсис, и шествие возглавляемого Архистратигом Михаилом небесного воинства с «тщательно подобранной церковной эмблематикой на щитах». Оставляя столь произвольные толкования на совести публикаторов, приходится констатировать их недостаточное знакомство с самим памятником, особенно с тонкой детализацией фигур — трудно уловимой при непосредственном осмотре иконы, но отчетливо проявляющейся на увеличенных фотографиях фрагментов (с которых, собственно, и проводилась публикуемая здесь прорисовка). Не углубляясь в искусствоведческий анализ этого чрезвычайно сложного в композиционном и смысловом отношении памятника, все же хочется обратить внимание на манеру его письма. В изображении слитного многофигурного строя пешей рати и конных полков как бы ощущается след двух мастеров. Рука первого — необычайно искусная — вывела первый ряд пещев и всадников, уснадив изображение множеством ценнейших для нас деталей вооружения воинов и оснащения их коней. Рука второго — скорее ремесленная — писала уже не столь реалистичные фигуры в задних рядах, где встречаются традиционные условные типажи с некими фантастическими шлемами на голове.

И хотя иконописная традиция в принципе несравнима с документальной точностью многих произведений классического реализма, создатели «Церкви воинствующей» оказались все же не в меньшей степени реалистами, нежели иконописцами. Утверждая это, мы имеем в виду целый ряд уникальных особенностей этой иконы. Это и ее оригинальная композиция, исключившая применение каких-либо сколков с контурами уже использовавшихся ранее канонических изображений. Это и индивидуальные «портретные» черты десятков персонажей первого ряда, и проглядывающие из-под традиционных иконописных одеяний меховые тельники различной окраски, и сливающиеся с цветом коней короткие попоны на их крупах, и седла, и даже подложенные кое-где под седла звериные шкуры. Эти и многие другие характерные свойства памятника позволяют однозначно отнести к подлинно геральдическим изображениям на многочисленных воинских щитах. Версия о церковном происхождении этих эмблем абсолютно несостоятельна, ибо если *лапчатые* (см. прорисовку) и *лепестковые* кресты еще можно встретить в церковном искусстве, то никакого отношения к нему не имеют своеобразный

*трикветр* со змеиными (?) головами, *парящий* извивающийся змей, двуглавая птица (там же), *оторванная* орлиная голова, *сопровождаемая сверху, снизу и справа византинами*, а также *парящий* крылатый дракон, четырехлучевая звезда и другие эмблемы. Тем более далека от церковной тематики сугубо геометрическая и орнаментальная гербовая символика, широко представленные на иконе.

См.: Морозов В. В. Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // Советская археология. 1983. № 2; Государственная Третьяковская галерея. Путеводитель. 2-е изд. М., 2000. С. 268–269.

<sup>26</sup> Арсеньев Ю. В. Указ. соч. С. 303–307.

<sup>27</sup> Согласно общепринятой геральдической терминологии, *внутренней нитяной (штриховой) каймой* называется предельно тонкая геральдическая фигура, расположенная в гербовом поле с отступом от его краев и повторяющая их очертания.

<sup>28</sup> *Тегилэй* — распространенная в XVI в. ратная одежда в виде кафтана с короткими рукавами и высоким стоячим воротником. Обладающий защитными свойствами, насквозь простеганный тегилэй делался из толстой бумажной материи, подбивался ватой или пенкой и носился вместо доспехов. Иногда он по груди обшивался металлическими пластинами. «Тегилэй бархат Венедитцкой ценинен с золотом и петлями, на нем пуговицы», — говорится в описи имущества царя Ивана Грозного.

<sup>29</sup> Наряду с кольчугой и зеркалом наибольшее распространение в XVI в. получили следующие доспехи. *Байдана* — разновидность кольчатого доспеха, отличавшаяся от кольчуги лишь размерами и формой своих крупных и плоско раскованных колец. *Куюк* — одевавшийся поверх кольчуги доспех из прямоугольных или круглых металлических пластин, набранных по отдельности на суконную или кожаную основу. Куюки изготавливались с рукавами и без рукавов, могли иметь полы наподобие кафтана, а также нередко усиливались на груди и спине большими латными досками — «щитами». *Бахтерец* набирался из расположенных вертикальными рядами продолговатых пластин, соединенных кольцами с двух коротких боковых сторон. Боковые и плечевые разрезы застегивались пряжками и ремнями с металлическим наконечником. К бахтерцу наращивался кольчужный подол, а иногда такие же рукава и ворот. *Юшман* представляет собой кольчужную рубашку с вплетенным на груди и спине набором горизонтальных пластин, которые смонтированы с небольшим припуском друг на друга. Юшман мог носиться поверх кольчуги, имел полный разрез от шеи до подола, надевался в рукава как кафтан и застегивался специальными застежками — «кюрками» и петлями. *Чалдар* — конский покров из нашитых на сукно металлических блях, закрывавший круп, бока и грудь лошади и имевший определенное защитное назначение.

<sup>30</sup> Распознать материал серебристого тельника позволяет наличие на нем коротких черных хвостиков, расположенных правильными рядами. Созданное в середине XVI в. иконописное изображение горностаевого меха настолько точно предвосхищает обозначение такового в западноевропейской и российской геральдике позднейшего времени, что иное толкование этого изображения представляется маловероятным. К тому же в рядах конных полков можно разглядеть и других воинов в меховых тельниках, что подтверждают очертания подолов этих одежд (завитки и пряди длинной шерсти) и рассыпанные по их поверхности короткие хвостики. Но последние, в отличие от горностаевых, окрашены в единый для всего мехового хитона условный цвет.

<sup>31</sup> Известные еще в Византии VIII в. кулачные щиты получили распространение во всей Европе и использовались главным образом для отражения ударов, наносимых клинковым оружием во время поединков. Исчезли из вооружения европейской пехоты в первые десятилетия XVIII в., просуществовав таким образом более тысячи лет (*Бехайм В.* Энциклопедия оружия. С. 147–148). Наличие кулачных щитов у русской пехоты и даже конницы середины XVI в. можно отнести к малоизученным разделам отечественного оружейоведения, неожиданно высветленным уникальным памятником древнерусской иконописи.

Хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля круглый щит из булатной стали принадлежал роду князей Мстиславских, соратников Ивана Грозного, и был в 1662 г. передан в царскую казну после смерти последнего представителя этого рода. Несмотря на высокие боевые качества щита, изготовленного в XVI в. персидскими мастерами, он не использовался в войнах и относился к парадному вооружению. Об этом свидетельствует неповрежденная высокохудожественная инкрустация золотом внешней стороны щита, украшенного, помимо этого, бирюзой, жемчугом и густой шелковой бахромой, свисающей с его нижнего края.

См.: Художественные сокровища Государственных музеев Московского Кремля. М., 1978. С. 24–25.

<sup>33</sup> Ни А. Б. Лакиер, ни Ю. В. Арсеньев, последовательно отстаивавшие самобытные основы и относительно раннее появление геральдики в России, вследствие ограниченности источниковой базы своего времени не имели возможности доказательно обосновать наличие в обиходе Владимирской и Московской Руси полноценных гербовых изображений. В своих изысканиях они не могли ссылаться на древнерусскую иконопись, сохранившую пусть немногочисленные, но бесспорные свидетельства древности геральдических традиций на Руси. Процесс расчистки и реставрации древнерусской живописи лишь начинался в первые десятилетия XX в., достигнув своего расцвета уже в советское время. И до сих пор древнерусская икона так и не обрела значение признанного источника национального гербоведения, равно как и многие другие категории памятников нашей материальной и духовной культуры.

<sup>34</sup> Среди большого количества помещенных на иконе гербовых щитов «воинства Царя Небесного» центральное место занимают щиты с геральдическими зооморфными эмблемами — орлами, волчьими или драконьими головами, змеями. Но в тех же рядах присутствуют и лишенные подобных эмблем различно окрашенные щиты, окаймленные по краю (венцу щита) цветными полосами. Западноевропейская геральдика знает десятки примеров аналогичных *гербов*, в коих специфическая *геральдическая фигура* — кайма — является самодостаточным средством образования гербовой композиции. Но и не содержащие каких-либо геометрических, орнаментальных или зооморфных изображений одноцветные щиты, включенные в один ряд с несомненно гербовыми, вполне могут быть причислены к геральдическим, поскольку пустое, незанятое поле может предназначаться для последующего помещения в нем гербовых фигур. Подобные гербовые щиты также хорошо известны в геральдике Запада (например, герб владетельного рода Виттельсбахов в Баварии) и наделены собственным геральдическим обозначением — *Wartschilde, выжидательные щиты*.

Тщательное изучение и детальная публикация всех помещенных на иконе «Церковь воинствующая» геральдических изображений позволит официально признать факт наличия на Руси массы *самобытных гербов* уже в XV–XVI вв., если только адаптировать общеупотребимое определение герба к общественно-политическим и правовым реалиям русского средневековья. Залогом исторической достоверности этих гербов выступает существеннейшее свойство иконописных изображений — они могут быть только самобытными, полностью самостоятельными в своем развитии (каковыми следует считать и выполненные некогда по древним византийским образцам), а не заимствованными из анафемированных католических источников. Воспроизведение в иконе чего-либо, не освященного православной традицией, исключено в принципе, поэтому каждое обнаруженное в иконописи изображение украшенного эмблемой щита, а тем более ряда подобных щитов, вполне правомерно расценивать безусловным свидетельством существования на Руси собственного геральдического обычая.

<sup>35</sup> О высочайшем духовном статусе родовой геральдики благословенного православного воинства свидетельствует не только сам факт ее присутствия в парадной кремлевской иконе («Церковь воинствующая» до поступления в ГТГ находи-

лась в патриаршей Крестовой палате), но и непосредственное помещение гербовых щитов в руках осиянных святостью нимбоносных всадников.

<sup>36</sup> ПСРЛ. М. 1965. Т. XIII. С. 331. Цит. по: *Хорошкевич Л. А.* Указ. соч. С. 158.

<sup>37</sup> Наиболее известным примером такой символической композиции служит чеканное изображение на сармато-славянском (русколанском) сосуде IV (?) в. из так называемого клада Аттилы. Летящая с распростертыми крыльями птица (Гамаюн?) держит перед собой в лапах мужскую фигуру (Крышня?). Столь же геральдично эта тема отобразена и в целом ряде близких по происхождению и времени создания археологических находок. Принцип помещения некоего особо почитасмого символа на груди птицы с распростертыми крыльями, таким образом, не являясь исключительной прерогативой геральдики, вообравшей в себя многие более древние символические изображения. Например, «солнечная птица» еще в доисторические времена отождествлялась со знаком креста, и христианством эта символика была целиком воспринята и переосмыслена. На центр креста как главной фигуры средневековых хоругвей и знамен Западной Европы стал нашиваться небольшой по размеру щиток с пожалованным или родовым гербом владельца знамени. Не исключено, что только после этого своеобразного переходного этапа гербовый щит очутился на груди парящей птицы, уже имевшей к тому времени устойчивое геральдическое значение. На Руси использование данного принципа может быть объяснено многими причинами, не связанными с прямым заимствованием западноевропейского опыта, и прежде всего — традиционными особенностями национальной орнаментации и православной иконописи.

<sup>38</sup> Укрепляя северо-восточные области Древнерусского государства, Владимир Мономах на рубеже XI—XII вв. одновременно с сооружением кремля Суздаля возвел там собор Рождества Богородицы, перестроенный Георгием Всеволодовичем в 1222—1225 гг. и сохранившийся до наших дней. При переносе столицы Северо-Восточной Руси во Владимир Андрей Боголюбский в 1158—1160 гг. также построил в нем посвященный Богородице собор — Успенский, расширенный в 1185—1189 гг. Всеволодом III Большое Гнездо. Таким образом, собор Успения Богородицы стал главным храмом не только стольного города, но и всей русской митрополии. Фактический перенос столицы из Владимира в Москву, где первоначальным собором была деревянная церковь Иоанна Предтечи, был ознаменован строительством для митрополита Петра каменного Успенского собора в 1326 г.

См.: *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М. 1962. Т. II. С. 152—157.

<sup>39</sup> Данное событие легло в основу самостоятельного сюжета русских икон — «Знамение от иконы Богородицы» или «Битва новгородцев с суздальцами». Изображения новгородской и суздальской дружин на этих иконах в достаточной мере достоверны, что позволяет их относить к источникам по истории русской воинской символики (см. примечание 36).

<sup>40</sup> Вопрос о невозможности признания двуглавого орла гербом Византии, а также Римской империи был поставлен еще Н. П. Лихачевым в 1906 г. По его мнению, «московское государство не могло заимствовать из Византии того, чего та не имела».

См.: *Лихачев Н. П.* Древнейшая сфрагистика. СПб. 1906. С. 4.

<sup>41</sup> Эпоха Возрождения знаменовала собой кардинальную ломку прежнего мировоззрения Средних веков, выраженную не только в появлении новых форм общественной жизни, но и в знаковой смеле общей направленности искусства Западной Европы. Позднюю готику потеснили пришедшие из Италии образы, сюжеты и эстетические каноны Античности, постепенно образовавшие новый всеобъемлющий художественный стиль. В системе ценностей и представлений позднего Ренессанса и барокко щит приобрел форму картуша — свободного от изображений или покрытого ими поля произвольной (чаще всего овальной) формы, обрамленного пышным декором из архитектурных деталей или стилизованных элементов расти-

тельности. Но подобная барочная трактовка средневекового рыцарского щита с изображенной на его поверхности родовой или индивидуальной эмблемой продолжала сохранять прежнюю знаковую функцию, а при воспроизведении этого герба в новой художественной редакции неразрывно сливались с ним в единое целое.

<sup>42</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 159–171.

Несмотря на то что сведения об истории печатников, снабженные многочисленными ссылками на различные научные труды, были опубликованы А. Б. Лакиером еще в середине XIX в., до сего дня никто из отечественных исследователей так и не распознал в них пробраз института герольдмейстеров, существовавший в несколько иных, нежели на Западе, условиях и формах. Нашими предшественниками, исходившими из немудреной предпосылки, что *геральдика* — феномен исключительно западноевропейской культуры, развитие русских *печатей* и «*клеин*» (*клейм*) воспринималось лишь протяженным по времени и не сложившимся в цельное национальное явление периодом эволюции древнерусской символики, предшествующим появлению в 1722 г. первого «подлинного герольдмейстера» — пьемонтского графа Франциска Санти. Но стоит лишь определить некий русский аналог емкого понятия «геральдика», отыскать его следы в средневековых пластах отечественной истории, как общая картина принципиально меняется.

<sup>43</sup> *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. М. 1985. С. 25.

<sup>44</sup> *Арсеньев Ю. В.* Указ. соч. С. 101.

<sup>45</sup> Будучи во время предвыбания в Москве дьяконом церкви Николы Гостунского в Кремле, Иван Федоров входил в литературный кружок Максима Грека и, вероятно, был знаком с Адашевым, Сильвестром, Артемием и другими энергичными и просвещенными сторонниками реформ. Почерпнув богословских знаний у Максима Грека, выучившись у него греческому языку, Иван Федоров вполне мог освоить типографское искусство при издании анонимных Евангелий и Псалтирей (1553–1564), предшествовавших выпуску знаменитого Апостола (Деяния апостольские и послания соборные). Издание этой книги было завершено Иваном Федоровым и Петром Тимофеевичем Мстиславцем (вероятным гравером, оформителем и техническим редактором) 1 марта 1564 г. в выстроенной по царскому приказу первой московской типографии.

<sup>46</sup> *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги. М., 1988. С. 216.

<sup>47</sup> *Голан А.* Указ. соч. С. 70–74. Рис. 104–114.

<sup>48</sup> *Немировский Е. Л.* Иван Федоров в Белоруссии. М. 1979. С. 14–17.

<sup>49</sup> Польский герб *Косцеша* или *Стржегоня* (*Koscieszka, Ztrzegonia*) — по легенде, дан на поле боя витязю Косцеше в 1072 г. королем Болеславом Смелым (*Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 275), однако восходит к древнеславянской рунической письменности, одной из системообразующих графем которой была стрела (см.: *Асов А. И.* Славянские руны и «Боянов гимн». М., 2000. С. 229).

<sup>50</sup> *Намет*: первоначально — матерчатая накидка, защищавшая цилиндрический шлем участников первых Крестовых походов от солнечного перегрева. Появившийся позже горшковый рыцарский шлем также покрывался наметом, излохмаченные и развевающиеся края которого придали своеобразную форму изображению этого глубоко символического элемента рыцарского снаряжения. Со временем забылась связь между изображением намета на геральдическом шлеме и участием далеких предков рыцарских родов в Крестовых походах, а сам намет превратился в неотъемлемую часть любого дворянского герба. В зависимости от национальных традиций и художественных вкусов своего времени он изображался либо в форме небольшого плащика, опускавшегося с макушки шлема, либо представлял собой внушительную декоративную композицию из лент, обрывков ткани, акантовых или иных ветвей и листьев.

<sup>51</sup> *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. М., 1991. Кн. 1. С. 366–372.

<sup>52</sup> В основе польской родовой геральдики лежит принцип принадлежности одного герба нескольким шляхетским родам, владевшим именами в одном окру-

ге и выступавшим в поход под одним «знаменем» в виде древнего сакрального родо-территориального знака. Владение землями в нескольких округах могло привести к образованию комбинированных знаков, полностью или частично состоящих из соответствующих «знамен». Так, герб Огоньчик или Powala — стрела, вылетающая вверх из обращенного концами книзу полукольца, — согласно легенде, заимствован из Моравии. Около 1100 г. в ходе неприятельского нашествия была взята в плен благородная девица герба Odrowiaz (серебряная стрела, вылетающая вверх из лука с оборванной тетивой). В награду своему избавителю девица подарила ему половину кольца, а затем вышла за него замуж. Их сын был назван Огнем, отчего герб поименован Огоньчиком (*Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 282*). Другая эмблема, составляющая родовой знак князей Острожских, — Leliwa — шестиконечная звезда над лежащим остриями кверху полумесяцем. Лелива — «знамя», общее многим славянским племенам и бывшее некогда гербом Иллирии (балканская земля древних иллирийцев, заселенная словенцами и хорватами). По утверждению польских геральдистов, Леливу в XI в. принес с берегов Рейна некий Тицимир, породнившийся затем со многими польскими родами (*Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 277–278*).

<sup>53</sup> Опрокинутое полукольцо, увешенное длинным четырехконечным крестом, составляет графическую основу гербов Dulic, Ratult и Szeliga. Летящая вверх перекашенная брусом стрела с заломанным вправо нижним концом, изображенная в гербе Odyniec (русс. «одинец»), была издревле известна в Червонной Руси и символизировала могучего витязя, который *один* выходил на бой с войском врагов (*Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 282–283*).

<sup>54</sup> Убежденность А. Б. Лакиера в самостоятельности истоков славянской родо-территориальной символики, аккумулированной в геральдике Польши, до сего дня остается невоспринятой отечественными исследователями. Но написанное им 150 лет назад продолжает служить программой актуальных изысканий, составляющих научный фундамент древней и самобытной русской геральдики.

«Исчислив, таким образом, главнейшие знамена так называемой польской геральдики и подведши под каждое из них гербы наших дворянских фамилий, в которых воспроизведены означенные знамена или без всякого изменения, или с некоторыми несущественными против основного типа переменами, нам остается повторить только оговорку, сделанную уже выше, т. е., что не все роды, имеющие в гербах польские эмблемы, действительно выезжие из Польши, Литвы и вообще из польских провинций. Гербы эти составляли достояние и других славянских земель, а следовательно, не могли быть чужды и русским, которые, желая поместить у себя в гербе те или другие эмблемы, равно как выразить какую-либо идею, сообразовались с тем, как то же самое было выражено у других славянских народов и какая геральдическая форма была придана фигуре в геральдике польской, собравшей в себе отовсюду славянские знамена. Не менее других земель участвовала и Русь в составлении этого, так сказать, геральдического здания, и потому она имела полное право на заимствования из этого источника» (*Лакиер А. Б. Указ. соч. С. 297*).

<sup>55</sup> *Бехайм Вендален. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 383–385. Рис. 590, 591, 593.*

<sup>56</sup> Сформулированное православным миропониманием XVI–XVII вв. религиозно-поэтическое отношение к гербу еще не нашло отражения в современной гербоведческой литературе. Свой отсчет участия московитов в распространении и совершенствовании этой грани отечественного герботворчества мы начинаем с литературного документа, предшествующего основному тексту Острожской Библии — лучшему для своего времени варианту перевода библейских текстов, подготовленному и изданному Иваном Федоровым. В числе его острожских соратников был Герасим Данилович Смотрицкий, сопроводивший герб воеводы киевского князя К. К. Острожского следующими панегирическими виршами (текст в соврем. виде дан по Синодальному изданию Острожской Библии 1852 г.):



Зри сия знаменія княжате славнаго,  
их же седрезити домъ его от века давнаго.  
И разумети яко не туне, и не безъ причины  
о чемъ властней и ширей повесть ти кто иной.  
Но яко достоинъ делатель своя заплата,  
нешадаше здравія никоея утраты.  
Крепко побеждадъ различныхъ супостатъ полки,  
и разгонялъ с короны драпежныя волки.  
И еще может,  
аще Богъ поможетъ.

Вооружень воин змя поправъ мужественно,  
копиемъ сего посреде пронзе явественно.  
Яко древняго враждебника человеческого рода,  
понеже злomu с добрымъ не бываст згода.  
Боди в князех избранный мыслнаго супостата  
сего бо побеждающимъ вечная заплата.  
И инымъ подавай сие непобедимое оружие,  
острейшее меча обоюду остра слово Божие.  
Во время рати,  
потреба бдати.

Вторыи воинъ храбростию первому подобный,  
токмо оружиемъ отменень и то поселъ гробный.  
Мечъ бо обнажень въ десницы имея острии обоюду  
имъ же крепции на враги приемлють победу.  
Отсекай Константине мракъ идольския лести,  
хощетъ бо Богъ всемъ человекомъ ся спасти.  
И отгоняи еретиковъ полки оумовредныя  
приидоша бо въ миръ волки нешадныя.  
Иже не свыше шепится,  
сие скоренится.

Воссияла звезда ясно от востока,  
последуя первой возвешеной от пророка.  
Приводит от персиды трехъ царей съ дары,  
поклонитися съ верою цареви надъ цари.  
Твоя звезда ныне тому же последует цареви,  
хотя всехъ сотворити жителя раеви.  
И отбывает луна Ветхого Завета,  
сиять бо солнце неприступнаго света.  
В немъ же ходя не поткнется,  
но паче спасется.

Спасение Христосъ Богъ содея посреде земля,  
на кресте руце простеръ всехъ къ себе приемля.  
На немъ же рукописание грехъ нашихъ растерзавъ,  
изъ ветхаго человека нетленно новаго создавъ.  
И ты крестное знамение не туне носиши,  
великому Константину имъ ся подобиси.  
Онъ бо на небеси сие видевъ победилъ супостаты,  
ты же побеждай еретиковъ и бесовъ тристаты.  
Крестъ бо похвала царемъ,  
бесомъ же несносный яремъ.

Великая глубины богослова княже соименный,  
да сподобить тя Господь Богъ венец прияти нетленнии.  
Во здравии же телеснем благообразно долго деньствовати,  
и в царствии небесномъ со избранными радостно ликовать.  
Яко всемъ по чину представилъ еси Божественное писание,  
истиннаго Бога и правды Его, въ похвалу и познание.  
Да всяк читай боголепно благодарить Создателя,  
и да не забываетъ достойна мзды своея делателя.  
Иже благую часть избираеть,  
от него ся не отимаеть.

См.: *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги. С. 252–254.

<sup>57</sup> Согласно «Гиперборейской теории» происхождения белой расы в северных областях Евразии, возможно на землях, позднее опустившихся на дно Ледовитого океана, основа праязыка и мифологии индоевропейцев складывалась в ходе тысячелетней миграции племен с севера на юг. Тогда памятники в долине Инда и древнеиндийские Веды оказываются лишь отражением общей мифологической традиции, оставленной в самом южном из затронутых глобальной миграцией регионе Евразии.

<sup>58</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 163.

<sup>59</sup> *Вздорнов Г. И.* Исследование о Киевской Псалтири. Том II (красочное воспроизведение рукописи). Лист 197.

На рисунке, иллюстрирующем Притчу о сладости сего мира, изображен человек, спасающийся от единорога, который олицетворяет собою смерть. Человек взбирается на высокое дерево и, полагая, что ему удалось избежать смерти, лакомится каплями меда, стекающими с ветвей. Между тем дерево подтачивают две мыши — белая и черная, которые означают день и ночь. В пропасти, у подножия дерева, являющейся воплощением «смертоносной сени» мира, видна голова зверя с кровавым языком (адская утроба) и четыре аспиды (четыре стихии).

Примечательна и графическая трактовка фигуры единорога в Киевской Псалтири. Могучий, равный по длине всему туловищу, острый прямой рог принадлежит зверю с «собаководной» головой на конской шее, скачущему скорее на волчьих лапах, нежели лошадиных ногах, оканчивающихся раздвоенными козьими копытами. Козьей породе принадлежит и лишенный длинных волос куцый хвост.

<sup>60</sup> *Лурье Я. С.* Перписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси. М. 1981. С. 24.

<sup>61</sup> *Переверзнецов С. В.* Указ. соч. С. 250.

<sup>62</sup> *Аверинцев С. С.* Иоанн Богослов // Мифологический словарь. М. 1991. С. 249–250.

<sup>63</sup> Изображение конного опричника с метлой в руке и собачьей головой у седла сохранилось на медном основании паникадила XVII в. из собрания музея в Александровой слободе. Этому заключенному в овальную рамку рисунку сопутствуют три других с видами Александровой слободы, также выполненные в довольно условной резцовой технике.

См.: *Рогов А. И.* Александров. Л., 1979. Рис. 6–9.

<sup>64</sup> Сохраненный геральдикой обычай древней культовой символики — уравнивать влияние лунных и солнечных персонажей — прослеживается и в гербе графов Шуваловых. Связанное с женским началом (укрошение девственницей) лунное влияние единорога уравнивается второй фигурой щитодержателя — грифона, тесно связанного с солнечной силой фантастического существа — наполювину орла, наполювину льва.

<sup>65</sup> *Возникающая фигура* — геральдический термин, обозначающий поднявшуюся из-за горизонтального элемента верхнюю половину зооморфной фигуры. Таким элементом может быть линия деления гербового щита (*пересечение*) либо горизон-

тальный край какой-либо гербовой фигуры — пояса, крепостной стены и др. В нашлемнике (клейноде) возникающая фигура как бы вырастает из шлемовой короны.

<sup>66</sup> Придя к власти, Елизавета Петровна едва ли не первым делом издала указ «Об учреждении Лейб-кампании», согласно которому герольдмейстерской конторе предстояло составить и изобразить более 300 индивидуальных гербов и дипломов личному составу гренадерской роты Преображенского полка. Герольдмейстером в те годы был первый русский адъюнкт Академии наук, ученик Леонарда Эйлера Василий Евдокимович Адодуров. Под его руководством началось составление лейб-кампанийских гербов, содержащих единые для всех отличительные фигуры: черное правое поле рассеченного гербового щита, в котором помещалось золотое, обремененное тремя горящими гренадами и сопровождаемое тремя серебряными звездами стропило, а также возложенная на шлем гренадерская шапка со страусовыми перьями, из-за которой простирались два обремененные звездами черных орлиных крыла.

См.: Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., 1797–1842. Ч. I — X; *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. С. 82–85.

<sup>67</sup> *Топоров В. Н.* Индра // Мифологический словарь. М., 1991. С. 245.

<sup>68</sup> Русский Север на протяжении веков оставался этнически чистым анклавом древне- и великорусской нации, и поэтому именно там сохранились многочисленные предания старины, не испытавшие стороннего культурного влияния. Подавляющее число былин и сказок записано в Онежской и Архангельской губерниях. Архаика мировоззренческих представлений и исконной символики предстает в крестьянских вышивках Вологодской земли. В районе Великого Устюга обнаружены расписные сундуки и коробки XVII в. с изображениями единорога Индры и сценой борьбы Льва и Единорога.

<sup>69</sup> Приводя этот факт, А. Л. Хорошкевич ссылается на Собрание государственных грамот и договоров (Ч. I С. 252, 275), а также на А. Б. Лакиера. Следует отметить, что на указанный ею *табл. XIV* в «Русской геральдике» помещены печати московских приказов: *рис. 4* — Большого дворца, «инрог зверь» и *рис. 9* — печать Московского печатного двора, борьба Льва и Единорога — повторение изображения, бывшего над входом в старый печатный двор.

<sup>70</sup> *Топоров В. Н.* Указ. соч. С. 247.

<sup>71</sup> В клейме Васильевских врат тесно переплелись средневековая притча и отголоски древнеславянских ведических мифов. Спрятавшийся от смерти на ветвях дерева человек имеет подобие нимба вокруг головы, что позволяет увидеть в нем блаженного обитателя Ирия (рая). Место «исполненного злой волей против людей» единорога занимают лев с человеческим ликом — Дажьбог и Велес в образе волка. Не привнесена ли здесь в повествование Иоанна Дамаскина актуальная на Руси тема борьбы с язычеством, представленным древними богами, заменившими собой образ смерти — единорога? Во всем остальном символика клейма Васильевских врат следует уже известному нам порядку: под корнями дерева — пропасть, из которой поднимается заглатывающий свою предыдущую жертву зверь, белая и черная мыши (день и ночь) грызут эти корни, а само дерево изображено цветущим — благоприятным для сбора пчелиного меда, которым лакомится человек.

<sup>72</sup> На берегу реки Надым в Печорском крае недавно была обнаружена круглая медная бляха с ушком для ношения ее на ремешке или цепочке, украшенная рельефным изображением крылатого кентавра. Еще раньше, летом 1941 г. на острове Фаддея к северу от побережья Таймыра было найдено круглое зеркало с идентичным рельефом на оборотной стороне, хорошая сохранность которого позволяет рассмотреть какое-то древковое оружие в правой руке божества и прямоугольный, выпуклый щит, подобный щитам римских легионеров, в левой. Известно идентичное и отличающееся от него лишь орнаментальным рисунком фона бронзовое зеркало с низовьев Оби.

См.: *Демин В. Н.* Тайны Земли Русской. М., 2000. С. 67–73. *Рис. 28, 30, 34.*

<sup>73</sup> *Рогов А. И.* Указ. соч. С. 63. Рис. 56.

<sup>74</sup> Художественные сокровища Московского Кремля. М. 1988.

«Государственная Оружейная палата» (страницы не нумерованы).

В этом же альбоме в разделе «Музей Архангельский собор» представлена фотография литой чугунной решетки XVII в. между столпами сени над гробницей царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. Бросается в глаза совершенно иная по сравнению с братиной из Оружейной палаты иконография единорогов, на шеях которых красуются ошейники в виде короны, — символика, совершенно не свойственная русским традициям. Как правило, такие ошейники распространены в геральдике западноевропейских государств, и в первую очередь — Англии.

<sup>75</sup> Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 63.

<sup>76</sup> *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 28.

<sup>77</sup> Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. IV. С. 305 — 306.

<sup>78</sup> 1000-летие русской художественной культуры. М. 1988. Рис. 294 — панagia XV в. московской работы из Кирилло-Белозерского монастыря.

Русское серебро XIV — начала XX в. из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М. 1984. Рис. 9–10 — лицевая и обратная стороны пангии начала XVI в. из Благовещенского собора Московского Кремля.

В то же время композиционный принцип «вокруг» проявил себя и в иконописи. В основном «поле» иконы располагался основной сюжет, по периферии которого строилась замкнутая кольцевая система прямоугольных клейм. Каждое из них представляет самостоятельный сюжет, соподчиненный основному — например, сцены жизни и мученического подвига святого, образ которого изображен в центральном киоте. В XV—XVI вв. этот принцип получил дальнейшее развитие в декоративно-образной трактовке *мандорлы* — условной овальной фигуры, олицетворяющей исходящее от образов Христа или Богородицы сияние. Нередко в слоях мандорлы (или *круга славы*, если она имеет форму круга) помещались круглые медальоны с символами того или иного чина, входящего в ангельский сонм — Серафимов, Херувимов, Престолов, Ангелов и др. Примерами подобных композиций служит целый ряд икон, наиболее известные из которых:

- «Премудрость созда себе дом». *Новгород, ок. 1548 г.* (в собрании ГТГ);
- «Успение Богородицы» из Успенского собора г. Кемь. *Новгород, середина XVI в.* (в собрании Русского музея);
- «Литургия «Иже Херувимы»». *Сольвычегодск, до 1579 г.* (в собрании ГТГ).

<sup>79</sup> *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

<sup>80</sup> Система специфических *геральдических знаков достоинства*, обозначающих в гербе феодальный статус его обладателя, сложилась в западноевропейской геральдике лишь в XVII в. В этой системе статус монарха обозначался изображением над щитом той короны, которой он был венчан на власть, т. е. реально существовавшей. Для обозначения титулов герцога, князя (фюрста), графа, барона и др. были выработаны соответствующие условные типологические модели корон, не имевшие, как правило, реальных прототипов. А корон нетитулованных дворян в истории не существовало вовсе (см. примечание 151).

<sup>81</sup> Страстное стремление к абсолютному самовластью, окрепшее еще в юном Иване IV Васильевиче, привело всю русскую митрополию в зависимое от его воли положение. Митрополит *Даниил* (с 1521 по 1539) целиком и полностью подчинил церковные правила угодническому служению Великому князю и крупному боярству, но за интриги был сослан в монастырь главой боярской думы Иваном Шуйским. Его преемник прямодушный *Иоасаф* (с 1539 по 1542) в результате устроенного тем же Шуйским бунта был забросан камнями, изгнан с митрополичьей кафедры и заточен в Троице-Сергиевом монастыре. Митрополит *Макарий* (с 1542 по 1563), еще будучи архиепископом новгородским, зарекомендовал себя мудрым пастырем и администратором, любимым новгородцами и угодным московскому

правительству. Тогда же он задумал собрать «все книги чтומья, которыя в русской земле рбруются» и, уже будучи в Москве, создал громадный сборник — Великие Минеи Четию. Затем им была произведена канонизация всех русских святых, о которых соборы смогли собрать надлежащие сведения. Третьим его историческим деянием явилось созвание собора для очищения Русской Церкви от всех ее пороков и недостатков.

Заняв митрополичью кафедру, Макарий повел политику благоразумной уклончивости от участия в правительственных делах, но при этом порвал с боярщиной и всячески служил интересам развития у будущего царя воли к самодержавной власти. Не вмешиваясь в воспитание юного Великого князя, Макарий тем не менее внушил ему идею венчания на царство. При этом он был убежден в том, что Русская Церковь уже фактически унаследовала и силу, и славу, и честь Церкви византийской. Стоглавый собор 1551 г. окончательно возвеличил собранную воедино Русскую Церковь, а на соборе 1559 г. были канонизированы еще 39 общерусских святых. Активную роль в проведении этих соборов играл и венчанный на царство митрополитом Макарием Иван Грозный.

В лице Ивана IV Васильевича русские архипастыри идейно провозгласили и воспитали власть московского государя до невероятной высоты и абсолютизма, да к тому же внушили ему мысль о пастырских правах в делах Церкви. В период окончательного утверждения Грозным своего абсолютизма после кончины Макария митрополитом стал *Афанасий* (с 1564 по 1566), оказавшийся в эпицентре борьбы царя с родовитым боярством. Удалившись в Александрову слободу, Иван Васильевич вынудил народ и духовенство прийти к нему на поклон и «для отца своего митрополита Афанасия и для своих богомольцев архиепископов и епископов» согласился вновь принять власть над государством, но с условием непротивления Церкви его казням изменников. Так началась опричнина, ужасы которой вынудили старца Афанасия вернуться в Чудов монастырь.

В миру ближний боярин Феодор Колычев, а после пострижения архимандрит Соловецкого монастыря святой *Филипп* (с 1566 по 1568) неперменным условием своего согласия занять митрополичью кафедру поставил отмену опричнины. Вопреки воле царя, постоянной клевете и предательству ближних святой — Филипп публично обличал Ивана Васильевича в творимых им злодеяниях и неправде. Царские приспешники, не найдя в Москве канонических оснований для отлучения митрополита от сана, подкупили некоторых из соловецкой братии. На спешно созванном соборе — самом позорном во всей истории Русской Церкви — святой Филипп был оклеветан и низложен, после чего отвезен опричниками в монастырь. Через год в Тверском Отрочь-монастыре Малюта Скуратов собственноручно задушил его. Три последовательно приходивших ему на смену митрополита — *Кирилл IV* (с 1568 по 1572), *Антоний* (с 1572 по 1581) и *Дионисий* (с 1581 по 1587) — наложили на уста свои печать молчания, предоставив царю «творити елика хошет».

См.: *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 417–449.

<sup>82</sup> *Голан А.* Указ. соч. С. 91–933, 101–1033. Рис. 173, 187.

<sup>83</sup> К середине XV в. этот принцип композиционного построения русских трехгольных стягов, очевидно, был уже распространен настолько, что нашел свое отражение в иконописи. Подобные стяги реют над дружинами новгородцев и суздальцев, изображенных на упоминавшейся выше иконе «Чудо от иконы “Знамение”». Дружина под такими же стягами изображена и в одном из клейм московской иконы первой четверти XVI в. «Святые князья Владимир, Борис и Глеб с житием» из собрания ГТГ. Подтверждением этой исторической закономерности служит надпись вокруг верхнего медальона с изображением креста на «Голгофе», помещенная на оборотной стороне Большой государственной печати 1577 г.: «Христова хоругвь христианам похвала».

<sup>84</sup> После присоединения к Российской империи Туркестана в 1882 г. была произведена соответствующая корректировка Большого государственного герба, к которому добавили еще один гербовый щит: в золотом поле черный идущий единоголов с червленными глазами, языком и рогом.

См.: *Лукомский В. К. Типольт Н. А.* Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. Петроград, 1915.

<sup>85</sup> Под русской геральдикой многие писавшие о ней понимают прежде всего те отечественные гербы, которые полностью соответствуют по форме сложившемуся на протяжении столетий западноевропейскому стереотипу. Все то, что не вписывается в эти довольно узкие рамки, сторонники метода политической целесообразности заимствования западных образцов объявляют негеральдикой. В то же время гербоведческий анализ всех знаковых составляющих герба — от генезиса употребленных в нем фигур до канонических приемов их размещения в щите и за его пределами, все то, что объединено немецким термином *Warpenkunde* (теоретическая геральдика), — нередко оказывается за пределами их профессионального разума.

## 5. Государственный герб

Поскольку обряд венчания на царство Ивана IV в целом повторял впервые совершенный еще при Иване III обряд венчания на Великое княжение Дмитрия-внука (сына Ивана Ивановича Молодого, предположительно отравленного Софьей Палеолог), под «венцом» следует понимать *шапку Мономаха*. Этот древний, впоследствии отороченный мехом соболя, золотой венец был изготовлен в XIII — начале XIV в. неизвестными восточными мастерами. В XVI в. убранство шапки было дополнено золотой полусферой с украшенным жемчугом крестом над сходящимися скаными лепестками первоначальной тульи, а также многочисленными камнями — рубинами и изумрудами. О происхождении и названии шапки создано много легенд, наиболее живучая из которых — о даровании сей реликвии императором Константином Мономахом своему внуку Владимиру II Мономаху (1053—1125) — тесно связана со «Сказаниями о князьях Владимирских».

<sup>2</sup> Казанская шапка венчает герб Казанского царства на Большом и Среднем гербах Российской империи в редакции 1852 и 1882 гг.

<sup>3</sup> *Инсигния* — знак достоинства, власти, то же, что и *регалия*. Главное предназначение инсигний заключается в видной символической роли, которую они играют при проведении различных торжественных ритуалов и процедур. Символизируя вполне конкретное понятие — например, православие как основу миропонимания, образа мыслей и действий (крест животворящего древа), высшую самодержавную власть (корона и скипетр), земную и небесную сферу как светскую и духовную стороны власти (держава, «державное яблоко»), — инсигнии в то же время служат и правовыми знаками. Их вручение и передача должны осуществляться исключительно на законном основании, освященном многовековой традицией.

<sup>4</sup> Главные вопросы древнерусской религиозно-философской мысли и ответы на них изложены по: *Переверзenceв С. В.* Указ. соч. С. 364—375.

<sup>5</sup> Одни из древнейших — эсхатологические (от греч. *эсхатос* — последний) мифы — были порождены памятью людей о глобальных катаклизмах на нашей планете. Для архаических мифологий характерно представление о мировой катастрофе, отделяющей мифологические времена первотворения от настоящего — о потопе, пожаре, уничтожении первых поколений (великанов и др.). Развитым эсхатологическим мифам соответствуют мифы *космогонические* о противостоянии сил хаоса и космоса, представление о смерти и загробном мире, об утраченном золотом веке и несовершенстве мира и людей. Ожидание *мессии* — спасителя человечества в день Страшного суда — становится главным мотивом эсхатологии иудаизма, христианства, многочисленных мессианских и пророческих движений.

В христианской эсхатологии Страшный суд предстоит в «конце времен» — это будет суд вторично пришедшего Иисуса Христа над всеми когда-либо жившими людьми, воскресшими во плоти для этого суда и получающими по приговору Судии вечное блаженство в раю или вечное наказание в аду сообразно со своими земными делами. Ветхозаветные пророчества и образы Страшного суда были систематизированы и приведены в связную, наглядную картину в Откровении Иоанна Богослова («Апокалипсис»), в творениях других раннехристианских и средневековых писателей, среди которых особую роль сыграл Ефрем Сирийский (IV в.). Фоном Страшного суда служит космическая катастрофа, знаменующая конец мира: солнце и луна меркнут, звезды спадают с неба, само небо свертывается, как свиток, от престола Судии льется огненная река.

См.: *Аверинцев С. С.* Страшный суд // Мифологический словарь. М., 1991. С. 513; Эсхатологические мифы // Там же. С. 672.

<sup>6</sup> О темпах освоения Сибири говорит тот факт, что в Полном титуле царя Федора Ивановича в соответствующем месте сказано: ...и Обладатель вся Сибирские земли и великие реки Оби...» (Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. 2. С. 88).

<sup>7</sup> *Голованова М. П.* Коллекция знамен Оружейной палаты // Гербовед. 1994. № 5–6. С. 77–82.

<sup>8</sup> *Белавенец П. И.* Краткая записка о старых русских знаменах. СПб, 1911. С. 6–8.

<sup>9</sup> *Арсеньев Ю. В.* О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах древней России. СПб. 1911. С. 13.

<sup>10</sup> *Лавренов В. И.* Знамя с гербом из собрания ВУИАХМЗ // Гербовед. 1994. № 5–6. С. 73–76. Первая публикация фотографии знамени.

<sup>11</sup> Обычай украшать щиты благородными металлами — золотом и серебром — пополнил список первоначально известных западноевропейской геральдике четырех цветов: красного, голубого (синего), белого и черного, которые воспроизводились на щитах посредством красок — эмалей (по-русски — финифтей). Слово «эмаль» происходит от персидского *mīna*, означающего синий цвет неба. Первые герольды Европы за неимением других ярких красителей голубой или синий цвет обозначали словом «эмаль» — *bleu d'ental* (сине-эмалевый цвет). Впоследствии все остальные краски гербов также стали называться эмальями, что соответствует русскому термину древнего ювелирного искусства перегородчатой эмали — «финифть».

<sup>12</sup> ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993. Кн. 1. С. 246–247.

<sup>13</sup> *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. II. С. 7.

<sup>14</sup> Там же. С. 10–28.

<sup>15</sup> Там же. С. 39–55.

<sup>16</sup> Присутствовавший при венчании на царство сына Ивана Грозного Федора англичанин Горсей рассказывал: «На голове царя был драгоценный венец, а в правой руке — царский жезл, сделанный из кости однорога, трех футов с половиною длиною, обсаженный дорогими камнями, который был куплен прежним царем у аугсбургских купцов в 1581 г. за семь тысяч фунтов стерлингов».

См.: Записки о Московии XVI в. сэра Джерома Горсея. СПб., 1909. С. 111.

<sup>17</sup> *Арсеньев Ю. В.* *Трутовский Ю. К.* Опись Московской Оружейной палаты. М. 1914. С. 31.

<sup>18</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 205.

<sup>19</sup> В геральдике стороны гербового щита принято определять не со стороны зрителя, а со стороны того, кто держит щит. При надетом на левую руку щите правой окажется та сторона, за которую щитоносец может зреться правой рукой. Со стороны зрителя эта сторона покажется левой.

<sup>20</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 145–146.

<sup>21</sup> Там же. С. 145.

<sup>22</sup> *Гумилев Л. Н.* От Руси к России.

<sup>23</sup> По Л. Н. Гумилеву, *пассионарный перегрев* — избыток пассионарной энергии в этнической системе, приводящий к внутренним катаклизмам и снижению ее способности сопротивляться внешним негативным воздействиям. Пассионарный перегрев характеризуется нарушением соподчиненности элементов этнической структуры, появлением большого числа пассионариев-честолюбцев. Пассионарный перегрев, вылившийся на Западе в крестовые походы XI—XII вв. в России известен как Смутное время.

Пассионарность как энергия — это *биохимическая энергия живого вещества биосферы* (см. труды В. И. Вернадского), определяющая способность этнических коллективов совершать работу, наблюдаемую историками как их активность (миграционная, природообразовательная, военная, экономическая и т. д.). Эта активность определяется количеством энергии в системе, т. е. числом пассионарных личностей. Пассионарность, исторически зафиксированная как поведенческий феномен, имеет энергетическую природу: способность индивида совершать целенаправленную работу по изменению своего окружения (что требует длительного эмоционального, волевого, интеллектуального и физического напряжения) объясняется повышением количества энергии, которую данная особь захватывает (абсорбирует) из окружающей среды. Этот вывод есть следствие из закона сохранения энергии, согласно которому энергия, потребная для совершения той или иной работы, не может появиться ниоткуда.

Отнесение понятия *пассионарности* к области биологии неосновательно, ибо человек в отличие от животного возвращает энергию в виде осмысленных, социально значимых действий.

<sup>24</sup> *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 69.

<sup>25</sup> *Лакиер А. Б.* Указ. соч. Табл. XVI. Рис. 1.

<sup>26</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 218.

<sup>27</sup> Гербы меценатов и издателей были широко представлены в западно- и южнорусских изданиях еще со времен Ф. Скорины, С. Будного и И. Федорова. Благодаря этому старопечатные книги становятся одним из важнейших источников отечественного гербоведения.

Ценность этих источников заключается прежде всего в их художественном оформлении, содержащем помимо иллюстраций, орнаментальных заставок и инициалов многочисленных издательские марки. Особенно примечательны в этом отношении южнорусские издания — помимо изображений местных преподобных и наиболее почитаемых икон их издательские марки изобилуют гербами меценатов-заказчиков, а подчас и некоторых издателей. Да и в самой южнорусской литературе XVII в. важную роль играло описание и истолкование дворянских гербов, называвшихся тогда *клеянодами*. Гравированные изображения гербов и эпиграммы толковательного свойства помещались почти в каждой выходившей в то время южнорусской книге независимо от ее содержания.

См.: *Голубев С.* Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Труды Киевской духовной академии. 1872. Кн. X. С. 295—352.

<sup>28</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 220.

<sup>29</sup> *Переверзнецов С. В.* Указ. соч. С. 361—362.

<sup>30</sup> *Богданов А. П.* От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII в. М., 1995. С. 170—177.

<sup>31</sup> Древняя Российская Вивлиофика. М., 1788. Т. VII. С. 260.

<sup>32</sup> Русско-польская война за освобождение единоверческих Украины и Белоруссии началась в 1654 г. скоординированным продвижением трех русских армий из районов Великих Лук, Вязьмы и Брянска. В результате были освобождены от поляков Смоленск, Витебск, Могилев, Минск, Гродно и многие другие города. Русские войска овладели Вильной и осадили Львов. Воспользовавшись потерей Речью Посполитой большей части Правобережной Украины, почти всей Бело-



руссии и юго-восточной Литвы, Швеция открыла военные действия на польской территории с целью не допустить выхода России к Балтийскому морю. После окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. (во время которой от Польши отпало вассальное герцогство Пруссия) боевые действия велись с переменным успехом. Положение русских войск осложнили измена преемников гетмана Богдана Хмельницкого и острая нехватка ресурсов в истощенном многолетней войной государстве. Война закончилась в 1667 г. подписанием Андрусовского договора.

См.: Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 184–185, 195–196.

<sup>33</sup> Зримая связь двуглавого длинношеюго орла с лебедем могла оказаться далеко не случайной, ведь лебедь — священная птица всех индоевропейцев и, прежде всего, славян. К VI–V вв. до н. э. археологи относят открытые на Полтавщине остатки культовых огневищ — зольники, окаймляющие вырезанные в земле и засыпанные белым известняком двухметровые фигуры лебедей. На западной окраине славянской прародины, под которой следует понимать территорию племенного обособления предков славян от кельтского или протогерманского окружения, обнаружены статуэтки запяженных лебедями солнечных колесниц.

Образ лебеда в русской и славянской мифологии прочно связывается со светлым и радостным началом, олицетворяя некое архаичное светоносное божество. Символика лебеда прослеживается в форме различной русской утвари, в танцах, фольклоре, самой лексике, в классической литературе.

<sup>34</sup> Произвольность и непостоянство формы корон над главами российского гербового орла на протяжении длительного периода — с конца XV до середины XVIII в. — объясняется обычаем отождествлять помещаемую в гербе корону (становящуюся при этом *геральдическим знаком достоинства*) с реальной инсигнией власти. Но и в западноевропейской геральдике, как уже отмечалось выше, подобное правило стало распространяться только в XVII в., а в России вошло в употребление не ранее времени правления императрицы Анны Ивановны (1730–1740). Условное изображение именно ее венчальной короны, предположительно переданной из венчальной короны супруги Петра I императрицы Екатерины I (1725–1727), прослеживается в государственных гербах 1740–1760-х гг. С восшествием на престол в 1763 г. императрицы Екатерины II в гербовых коронах все более стали угадываться черты ее «Большой Алмазной шапки» — новой венчальной короны российских самодержцев, просуществовавшей в этом качестве вплоть до 1917 г.

<sup>35</sup> В данном титуле отсутствует упоминание Смоленска, Полоцка, Витебска, Вильны и других крупных русских, белорусских и литовских городов и земель, освобожденных от поляков в первый период (1654 — 1655) русско-польской войны 1654–1667 гг. (см. примечание 32).

<sup>36</sup> *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 225. Прорись печати.

<sup>37</sup> В гербе Петра Могилы — сына повелителя Молдавии князя Волошского — объединены: родовая символика Молдавских господарей (воловья голова с кольцом во рту, меж рогами — звезда, а над ней — корона); династические связи с другими знатными родами, чьи клейма расположены в нескольких полях пересеченного и дважды рассеченного гербового щита; атрибуты его архиерейского сана и, что самое любопытное, щит увенчан не рыцарским шлемом, как в западноевропейских и польских дворянских гербах, и не митрой митрополита, а молдавнской шляпой в знак молдавских корней рода Могил. Вокруг герба расположен *аббревиатурный девиз* ПМ АМ КГ ЕК АП, означающий: «Петра Могилы архиепископа, митрополита Киевского, Галицкого, ексарха Константинопольского, архимандрита Печерского (печать)».

См.: *Лакиер А. Б.* Указ. соч. С. 107–108.

<sup>38</sup> *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 119–121.

<sup>39</sup> Там же. С. 121–122.

<sup>40</sup> Политическое воссоединение Украины с Россией в 1653–1654 гг. отнюдь не означало воссоединения православных малороссов с великороссами в лоне Москов-

ского патриархата. До соединения с ним в 1687 г. украинская церковь как часть Русской православной церкви в Речи Посполитой находилась под непосредственным влиянием патриарха Константинопольского.

<sup>41</sup> *Переверзenceв С. В.* Указ. соч. С. 376–377.

<sup>2</sup> Там же. С. 378–379.

<sup>43</sup> В этом основном законе самодержавной власти, не заменявшимся на протяжении нескольких столетий, еще не говорилось о государственном гербе, но дважды упоминалась «Большая государственная печать на красном воску». Уложением определялась сфера ее применения наряду с *печатями Дворцового приказа* и просто *государственной*.

См.: *Хорошкевич А. Л.* Указ. соч. С. 227.

<sup>44</sup> Привезенная патриарху Никону модель Иерусалимского храма Гроба Господня, выполненная из кипарисового дерева и инкрустированная перламутром, поныне хранится в музее Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря.

<sup>45</sup> *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 139–141.

<sup>46</sup> *Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М. 1983. *Рис. III.*

<sup>47</sup> *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 109–110.

<sup>48</sup> Представляется весьма вероятным, что на заре геральдики в X–XIII вв. в аналогичной ситуации франкские, норманнские и немецкие феодалы принимали в качестве отличительных знаков своих родов некие лапидарные фигуры, ставившие впоследствии гербовыми, — как *геральдические* (существующие под своими названиями только в геральдике простые геометрические фигуры), так и *обыкновенные* (объекты природы и быта, персонажи мифологии и мира животных и т. п.). Процесс превращения некоторых мифологических зооморфных персонажей в личные и династические эмблемы русских князей начался в XII — XIII вв. причем какие-либо геометрические фигуры для этих целей не употреблялись вовсе. К XVI в. уже появилось определенное число остающихся пока персонифицированными самобытных дворянских гербов, эмблемы которых помещались в цельном одноцветном поле щита — как правило, дополнительно окруженном декоративной каймой. Но устойчивого отождествления лаконичной эмблемы с конкретным княжеским, боярским или дворянским родом в ту пору так и не произошло — на наш взгляд, вследствие примата духовной сущности над внешней формой как характерной черты этнокультурной традиции великороссов.

<sup>49</sup> В российской истории наиболее ярким примером навязывания чуждой символики явилось введение в 1918 г. пятиконечной звезды (первоначально направленной «рогами вверх») в качестве общесармейской эмблемы. Для иудейского ядра большевистского переворота этот символ Каббалы, чернокнижия и масонства был естествен и понятен, но абсолютно несвойствен великорусской этнокультурной традиции. Еще в индоарийских, критских и кельтских культовых памятниках была заложена основа шестилучевой символики древнейших природных пространственных ориентиров человечества — север (Полярная звезда), юг (полуденное положение солнца), отмечаемые на горизонте точки восхода и заката солнца в самый короткий и самый длинный дни года. Шестилучевой громовый «Перунов» знак вплоть до недавнего времени украшал все великорусские крестьянские избы, а шестиконечные звезды наряду с восьмиконечными на протяжении многих веков остаются неизменной принадлежностью нашего церковного искусства. До сих пор принято скрывать тот факт, что после гибели российского самодержавия в качестве национальной эмблемы стихийно появилась солнечная свастика, просуществовавшая в нарукавных нашивках некоторых красноармейских частей до 1924 г.

<sup>50</sup> Цит. по: *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993. С. 36, 39.

<sup>51</sup> Традиция равнозначности изображения и описания герба зародилась при проведении рыцарских турниров, когда герольд громко объявлял собравшимся содержание герба каждого допущенного к состязанию участника. Таким образом,

был выработан специальный язык геральдики — *jargon du blason*, с помощью которого по составленному в геральдических терминах описанию можно было точно воспроизвести изображение герба, прежде никогда его не видев. С XVIII в. при массовом составлении гербов в России этот специфический язык геральдики не был широко воспринят, а систематизацией традиционной геральдической терминологии мы обязаны главным образом *Ю. В. Арсеньеву*, опубликовавшему свой курс лекций только в 1908 г.

<sup>52</sup> Помимо уже упоминавшихся миниатюр лицевого списка середины XVI в. жития Сергия Радонежского и герба Российского государства на «Петровом чертеже» времен Бориса Годунова, о данной традиции свидетельствуют хранящиеся в музее Кракова портреты Лжедмитрия I и Марины Мнишек. На этих, созданных в первой половине XVII в., полотнах изображения «царя» и «царицы» сопровождаются изображениями герба Московского царства — золотого двуглавого орла в червленом щите.

<sup>53</sup> Если на печати Алексея Михайловича парящие над орлом короны Казанского, Астраханского и Сибирского царств одинаковы по величине, то уже на однотипной печати Петра Алексеевича (см.: *Лакиер А. Б. Указ. соч. Табл. XVI*) средняя корона заметно крупнее двух крайних. В дальнейшем эта тенденция сохранилась — венчающая герб парящая корона изображалась более крупной, чем две другие, водруженные на головы орла. При этом она по своему значению приближалась к существовавшему в геральдике с XVII в. понятию *геральдический знак достоинства* (соответствующая статусу Империи венчальная корона российских императоров), в то время как на печати Алексея Михайловича три равновеликие короны олицетворяли собой далеко не первые пункты его пространного титула.

<sup>54</sup> Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки дрезденского альбома, воспроизведенные в натуральную величину, с приложением карты пути царского посольства 1661–1662 гг. М., 1903.

*Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб. 1827.

<sup>55</sup> В червленом поле гербового щита Амстердама помещен черный столб, обремененный тремя одинаковыми скошенными равноконечными серебряными крестами. В червленом гербовом щите Данцига два серебряных прямых равноконечных креста поставлены один над другим (в столб) и увенчаны золотой короной.

<sup>56</sup> *Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 235–236.*

<sup>57</sup> Сам иллюстрированный рукописный свод Титулярника 1672 г. называется: «Книга, а в ней собрание, откуда произыде корень Великих государей и Великих князей Российских».

<sup>58</sup> Полное название книги: «О родословии Российских Великих князей и государей, поднесенная царю Алексею Михайловичу от царского советника и герольдмейстера Лаврентия Курелича, с показанием имеющегося, посредством браков, сродства между Россиею и осмью европейскими державами, т. е. с царем Римским и королями: Англинским, Дацким, Французским, Гишпанским, Польским, Португальским и Шведским, и с изображением оных королевских гербов, а в середине их — великого князя св. Володимира, на конце же — портрета царя Алексея Михайловича».

Спустя два неполных столетия А. Б. Лакиер отзывался об этом труде как о «мало совершенном», способном служить лишь пособием для Посольского приказа при сношении с другими державами.

<sup>59</sup> См.: ВНИИ теории архитектуры и градостроительства.

Кн. 1. Древнерусское градостроительство X–XV вв. М., 1993.

Кн. 2. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. М. 1994.

<sup>60</sup> См.: *Лебедев В. А. Державный орел России. М. 1995. Рис. 32.*

Соединение фигуры Богородицы с двуглавым орлом получило распространение и в иконописи конца XVII — начала XVIII в. На иконе «Богоматерь Черниговская-Ильинская», 1696 г. (Музей истории религии, СПб.), государственный орел

изображен рядом с образом коронованной Богоматери. У ее ног над планом Азова повторяется изображение двуглавого орла, на туловище и межглавие которого наложена стоящая фигура Богоматери с младенцем Иисусом на руках. Икона начала XVIII в. «Богоматерь Азовская» (Исторический музей, Москва) являет стоящую на вершине горы Одигитрию, заслоняющую своей фигурой парящего государственного орла, центральная корона которого венчает ее нимб. По сторонам фигуры Богородицы видны коронованные орлиные головы, крылья и лапы со скипетром и державой.

<sup>61</sup> Соловьев С. М. Сочинения. Книга VII. История России с древнейших времен. С. 238–242.

<sup>62</sup> Сохранились: рукопись этой росписи родов, датированная 1687–1688 гг., а также около десятка копий XVIII — XIX вв.

См.: Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1897.

<sup>63</sup> Бычкова М. Е. Гербы дворян XVII в. // Русская генеалогия. М., 1999.

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Прямые, плавные изогнутые или ломающиеся линии, разграничивающие в поле гербового щита различно окрашенные части, называются *линиями деления*. Они могут проводиться лишь в горизонтальном направлении (*пересечение*), вертикальном (*рассечение*) и диагональном (*скошение*). Геометрически однородные участки поля, образованные линиями деления, называются *фигурами деления*. Принцип целенаправленного образования разноокрашенных фигур деления в качестве родового отличительного знака (эмблемы) был традиционен для средневековой западноевропейской геральдики, но совершенно чужд великорусским и российским гербам на всех этапах развития отечественной геральдики.

<sup>66</sup> Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906.

<sup>67</sup> Воевода Никита Иванович Романов приходился двоюродным братом царю Михаилу Федоровичу. С его кончиной прервалась нецарствующая ветвь рода Романовых, но использованная воеводой на своем прапоре эмблема так и не стала тогда династическим гербом. М. А. Таубе в 1913 г. выдвинул гипотезу об «усвоении» грифона в качестве личной эмблемы еще боярином и воеводой Никитой Романовичем Захарьинным-Юрьевым в память о его Лифляндских походах и взятии им Пернова (ныне г. Пярну) в 1575 г. Именно в этом городе незадолго до его взятия русскими войсками получили широкое хождение монеты с новым лифляндским гербом — грифоном.

См.: Соболева Н. А., Артамонов В. А. Символы России. С. 60–63.

<sup>68</sup> Н. А. Соболева и А. Л. Хорошкевич, подробно исследовавшие многие аспекты истории российского герба, не высказали сомнений по поводу действительного существования этой печати. Вполне возможно, что они опирались при этом на некие документы, нам недоступные. Точка зрения автора основывается лишь на анализе оставленного И. Г. Корбом неоднозначного изображения.

<sup>69</sup> Из текста Конституционного Закона о гербе Российской Федерации эти, использованные в тексте Указа Б. Н. Ельцина определения, к счастью, исчезли, но короны остались.

## Библиография\*

*Аверинцев С. С.* Заметки к будущей классификации типов символов // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

*Аверинцев С. С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991.

*Аверинцев С. С.* Иоанн Богослов // Мифологический словарь. М., 1991.

*Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827.

*Алпатов М. В.* Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси // Этюды по истории русского искусства. М., 1967.

Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки дрезденского альбома, воспроизведенные в натуральную величину, с приложением карты пути цесарского посольства 1661–1662 гг. М., 1903.

*Амброз А. К.* О символике русской крестьянской вышивки архаичного типа // Советская археология. 1966. № 1.

*Армеев Р. А., Блохина А. В.* (сост.), *Лихачев Д. С.* (рец.). Мастера Русского Севера. Вологодская земля. М., 1987.

*Арсеньев Ю. В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/1908 годах. М. 1908.

*Арсеньев Ю. В.* Вступительная лекция по геральдике (прочитанная в Витебском отд. Моск. археологического института 22 ноября 1911 г.). Витебск, 1911.

*Арсеньев Ю. В.* О знаменах с геральдическими изображениями в русском войске XVII в. Смоленск, 1911.

*Арсеньев Ю. В.* О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 4.

*Арсеньев Ю. В.* К вопросу о белом цвете Царского знамени, существовавшего на Руси до начала XVIII в.: Записка члена Особого совещания [для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах]. СПб., 1911.

*Арсеньев Ю. В., Трутовский В. К.* Путеводитель по Оружейной палате. 4-е изд. М., 1914. VIII.

*Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.

Археология СССР. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М., 1982.

Археология СССР Город, замок, село / Под общ. ред. Б. А. Рыбакова. М., 1985.

*Арциховский А. В.* Русская дружина по археологическим данным // Исторический журнал. 1939. № 1.

---

\* В этот перечень цитируемой и рекомендуемой литературы не включен ряд работ, целиком посвященных истории отечественной геральдики в период XVIII–XX вв.

- Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы // Ученые записки Московского университета. История. 1946. Кн. 1. Вып. 93.
- Арциховский А. В.* Оружие // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1.
- Арциховский А. В.* Оружие // Очерки русской культуры XIII–XV вв. М., 1969.
- Асов А. И.* Золотая цепь. Мифы и легенды древних славян. М., 1998.
- Асов А. И.* Перевод и пояснения // Книга Велеса. СПб., 2000.
- Асов А. И.* Славянские руны и «Боянов гимн». М., 2000.
- Банк А. В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л. М., 1966.
- Барская Н. А.* Сюжеты и образы древнерусской живописи. М. 1993.
- Бахтиаров А. А.* История книги на Руси. СПб., 1890.
- Белавенец П. И.* Краткая записка о старых русских знаменах. СПб., 1911.
- Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бехайм В.* Энциклопедия оружия / Пер. с нем. СПб., 1995.
- Библия. Острог, 1581.
- Бобринский А. А.* О некоторых символических знаках, общих первобытной орнаментике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда. М., 1902.
- Богуславская И. Я.* Русская народная вышивка. М., 1972.
- Бунин А. В. Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства. М., 1979. Т. 1.
- Буслаев Ф. И.* Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. Пг., 1917.
- Бычко А. К.* Раннемифологические черты в духовной культуре древних славян // Исторические традиции философской культуры. Киев, 1984.
- Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII вв. М., 1992.
- Бычкова М. Е.* Гербы дворян XVII в. // Русская генеалогия. М., 1999.
- Вагнер Г. К.* К вопросу о владими́ро-суздальской эмблематике // Историко-археологический сборник: К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962.
- Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: Юрьев-Польской. М., 1964.
- Вагнер Г. К.* Мастера древнерусской скульптуры: Рельефы Юрьева-Польского. М., 1966.
- Вагнер Г. К.* Дмитровский собор: Архитектура и скульптура Дмитровского собора во Владимире. Л., 1968.
- Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. XII в.: Владимир. Боголюбово. М. 1969.
- Вагнер Г. К.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974.
- Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего суздальского Рождественского собора XIII в. М., 1975.
- Варганов А. В.* Фрески XI–XIII вв. в суздальском соборе // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л. 1940. V.
- Василевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII вв. // Труды Императорской Академии наук. СПб., 1908.

- Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
- Вернадский Г. В.* История России. Древняя Русь. Тверь; М., 1997.
- Вернадский Г. В.* История России. Россия в Средние века. Тверь; М., 1997.
- Вздорнов Г. И.* Киевская Псалтирь 1397 г. из Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде [ОЛДП F6]. Т. 1. Исследование о Киевской Псалтири. Т. 2. Факсимильное воспроизведение рукописи. М., 1978.
- Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV в. М. 1980.
- Вздорнов Г. И.* Портреты новгородских архиепископов в искусстве XIV в. // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1986.
- Вилинбахов Г. В.* Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1981-1. Т. XVI.
- Вилинбахов Г. В.* Русские знамена XVII в. с изображением единорога // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1982-2. Т. 47.
- Вилинбахов Г. В.* Легенда о «знамени Константину» в символике русских знамен XVII—XVIII вв. // Труды Государственного Эрмитажа. Из истории русской культуры. Л., 1983. Т. 23.
- Вилинбахов Г. В.* Крест царя Константина в средневековой воинской геральдике Европы // Художественные памятники и проблемы культуры Востока: Сб. статей. Л., 1985.
- Вилинбахов Г. В.* Символика меча в русской государственной геральдике XVII— первой четверти XVIII в. // Геральдика. Л. 1987.
- Винклер П. П.* Герб, гербоведение // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 16.
- Винклер П. П.* Государственный герб // Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9.
- Винклер П. П.* Государственный орел // Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9.
- Винклер П. П.* Корона // Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 16.
- Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги. М., 1988.
- ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. Кн. 1. Древнерусское градостроительство X—XV вв. М., 1993; Кн. 2. Градостроительство Московского государства XVI—XVII вв. М., 1994.
- Воздвиженский П.* Священное коронование и венчание на царство русских государей с древнейших времен. М., 1896.
- Волков А. Г.* Язык как система знаков. М. 1966.
- Воронин Н. Н., Лазарев В. Н.* Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. // История русского искусства. М. 1955. Т. III.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII— XV вв. М., 1961—1962. Т. 1 и 2.
- Воронин Н. Н.* Смоленская миниатюра XIII в. // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Сб. статей в честь В. Н. Лазарева. М., 1973.
- Воронин Н. Н.* Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958; 2-е изд., 1974.

- Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. М., 1979.
- Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI в. М., 1993.
- Галкин Л. Л.* Символика джучидских монет // Проблемы советской археологии. М., 1978.
- Гальковский Г. В.* Древняя Русь. М., 1996.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб. 1870.
- Гаркави А. Я.* Туле (Tuhle) в арабской литературе. Б/м, 1873.
- Гаттерер И. Х.* Начертание гербоведения. СПб. 1805.
- Гельмольд.* Славянские хроники. М., 1963.
- Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М. 1988.
- Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. М., 1994.
- Гиляров Ф. А.* Предания русской начальной летописи. М., 1878.
- Глазырина Г. В.* Исландские викингские саги о Северной Руси: тексты. Перевод, комментарий. М. 1996.
- Гобарев В. М.* Предыстория Руси: В 2 ч. М., 1994.
- Голан А.* Миф и символ. Иерусалим; М. 1992.
- Голдберг А. Л.* Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13.
- Голованова М. П.* Коллекция знамен Оружейной палаты // Гербовед. 1994. № 5–6.
- Голубев С.* Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Труды Киевской духовной академии. 1872. Кн. X.
- Голубиная книга: Русские народные духовные стихи XI–XIX вв.* М., 1991.
- Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Труды Государственного Исторического музея. М. 1926. Вып. 1.
- Грабарь И. Э.* О древнерусском искусстве. М., 1966.
- Греков А. П.* Фрески церкви Преображения на Ковалево. М. 1987.
- Грушко Е. А., Медведев Д. М.* Энциклопедия славянской мифологии. М. 1996.
- Гудзь-Марков А. В.* Индоевропейская история Евразии: Происхождение славянского мира. М., 1995.
- Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М. 1992.
- Гумилев Л. Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1992.
- Гумилев Л. Н.* Этносфера: История людей и история природы. М. 1993.
- Гусев П.* Символы власти в Великом Новгороде // Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом. 1911. Вып. XXI.
- Гусева Н. Р.* Русские сквозь тысячелетия: Арктическая теория. М., 1998.
- Гуцин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XVIII вв. Л. 1936.
- Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998.



- Даркевич В. П.* Символы небесных светил в орнаментике Древней Руси // Советская археология. 1960. № 4.
- Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском языке // Советская археология. 1961. № 4.
- Даркевич В. П.* Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975.
- Демин В. Н.* Тайны русского народа. В поисках истоков Руси. М., 1997.
- Демин В. Н.* Загадки Русского Севера. М., 1999.
- Демин В. Н.* Тайны Земли Русской. М., 2000.
- Демин В. Н.* Загадки русских летописей. М., 2001.
- Державин Н. С.* Происхождение русского народа. М. 1994.
- Динцес Л. А.* Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л. 1951. Т. 2.
- Дмитриева Р. П.* Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955.
- Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891.
- Драчук В. С.* Рассказывает геральдика. М., 1977.
- Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев, 1975.
- Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
- Древность. Арьи. Славяне. М., 1996.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Дубов И. В.* Новые источники по истории Древней Руси. Л. 1990.
- Дурасов Г. П.* Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа // Советская этнография. 1980. № 6.
- Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / Пер. с франц. М. 1986.
- Елизаренкова Т. Я.* *Топоров В. Н.* О древнеиндийской Ушас и ее балтийском соответствии // Индия в древности. М., 1964.
- Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск, 1977.
- Ефимов Н. И.* «Русь — новый Израиль»: Теократическая идеология всеземного православия в допетровской письменности. Казань, 1912.
- Живов В. М.* Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.
- Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 5.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1934.
- Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6.
- Забелин И. Е.* Археологическая находка. Решение вопроса о царском месте или так называемом Мономаховом троне в Успенском соборе // Московитянин. 1850. Июнь. № 11. Кн. 1.

- Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен: В 2 т. М., 1876–1879.
- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. М., 1895.
- Забелин И. Е.* Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.
- Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Казань, 1877.
- Запаско А. П.* Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974.
- Зарубин Н. Н.* Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л. 1982.
- Звегинцов В. В.* Знамена и штандарты русской армии и морские флаги. XVI в. – 1914 г. Париж, 1964.
- Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Золин П. М.* Русь до Руси. Новгород, 1991–1995. Вып. 1–10.
- Иванов В. В.* Язык как средство реконструкции истории // *Природа*. 1983. № 11.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Мифологические географические названия // *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М. 1976.
- Иванчик А. И.* Киммерийцы. М., 1996.
- Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869.
- Ильин А. А.* Классификация русских удельных монет. Л., 1940. Вып. I.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Исаевич А. Д.* Новое об Иване Федорове // *Вопросы истории*. 1979. № 9.
- История Византии*. М., 1967. Т. 1, 2.
- История русской архитектуры* / Под общ. ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной. СПб., 1994.
- Калишевич З. Е.* Художественная мастерская Посольского приказа в XVII в. и роль золотописцев в ее создании и деятельности // *Русское государство в XVII в.* М., 1961.
- Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956.
- Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Париж; М., 1959–1991. Т. 1, 2.
- Каштанов С. М.* Древнерусские печати: Размышления по поводу книги В. Л. Янина // *История СССР*. 1974. № 3.
- Кейпер Ф. Б. Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л., 1971.
- Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // *Свод археологических источников*. 1973.
- Кирпичников А. Н.* О времени появления шпор со звездочкой на территории Древней Руси // *Kwartalnik historii kultury materialnej*. XXI. № 2. 1973.
- Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л. 1976.
- Кирпичников А. Н.* Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // *Скандинавский сборник*. Таллин. 1977. XXII.

*Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В., Назаренко В. А.* Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1980. Вып. 160.

*Кирпичников А. Н.* Русские доспехи X–XVII вв. М. 1983.

*Класен Е. И.* Новые материалы для истории славян вообще и славяно-русов дорюриковского времени в особенности. М., 1854. Вып. 1–3.

*Клетнова Е. Н.* Символика народных украс Смоленского края. Смоленск, 1924.

К московской геральдике // Русский архив. 1895. Кн. 2. № 5.

*Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. М., 1973.

*Коварская С. Я., Костина И. Д., Шакурова Е. В.* (сост.). Русское серебро XIV — начала XX в. из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М., 1984.

Коломенское. Государственный музей-заповедник: Альбом (на англ. яз.). Л., 1986.

*Колчин Б. А.* Оружейное дело Древней Руси (техника производства) // Проблемы советской археологии. М., 1978.

*Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямщиков С. В.* Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М. 1985.

*Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896.

*Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб. 1906.

*Коробка Н.* Образ птицы, творящей мир, в русской народной поэзии и письменности // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1909. Т. 14. Кн. 4.

*Костомаров Н. И.* Славянская мифология. М. 1995.

*Котошихин Г. К.* Россия в царствование Алексея Михайловича. М., 1906.

*Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии?: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоевропейцев. М., 1994.

*Кулаков В. И.* Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // Советская археология. 1988. № 3.

*Кулаков В. И.* Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам «из прус» // Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования. М., 1989.

*Кулаков В. И.* Культурное оружие балтов и славян X–XII вв // *Slavia, Antiqua*, Т. XXXIII. Posnan. 1991/92.

*Кулаков В. И.* Истоки геральдики российских «выезжих» из Пруссии родов // Гербовед. 1993. № 4.

*Кулаков В. И.* Предшественники эмблем Византии // Гербовед. 1994. № 5–6.

*Кулаков В. И.* Воинская символика последних викингов // Гербовед. 1997. № 13.

*Кучеренко Э. И.* Происхождение двуглавого орла по нумизматическим данным // Гербовед. 1996. № 2 (10).

- Лавренов В. И.* Российский государственный орел: История эмблемы и символа // Гербовед. 1992. № 2.
- Лавренов В. И.* Знаки Рюрикова рода (историографический очерк) // Гербовед. 1995. № 7.
- Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М. 1947.
- Лазарев В. Н.* Живопись и скульптура великокняжеской Москвы // История русского искусства. М., 1955. Т. III.
- Лазарев В. Н.* Русская средневековая живопись: Статьи и исследования. М., 1970.
- Лакиер А. Б.* Русская геральдика. М. 1990.
- Латынин Б. А.* Мировое древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1933. Вып. 69.
- Лебедева Н. И.* Прядение и ткачество восточных славян // Труды Института этнографии. 1956. Вып. XXXI.
- Лихачев Н. П.* Русская сфрагистика. СПб., 1900.
- Лихачев Н. П.* Древнейшая сфрагистика: Из лекций по дипломатике. СПб., 1906.
- Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1; Л., 1930. Вып. 2.
- Лихачева В. Д.* Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры в собраниях СССР М., 1977.
- Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. СПб., 1766.
- Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лукомский В. К.* О геральдическом искусстве в России. СПб., 1911.
- Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914.
- Лукомский В. К.* Происхождение эмблем герба дома Романовых // Вестник общества ревнителей истории. Пг., 1914. Вып. 1.
- Лукомский В. К., Титов Н. А.* Русская геральдика. Пг., 1915.
- Лукомский В. К.* К вопросу о родопроисхождении Ивана Федорова // Иван Федоров первопечатник. М.; Л. 1935.
- Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси. М., 1981.
- Лызлов А. И.* Скифская история. М., 1990.
- Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // Материалы и исследования по истории СССР. 1968. № 152.
- Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975.
- Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1983.
- Маслова Г. С.* Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М., 1978.
- Маясова Н. А.* Древнерусское шитье. М., 1971.
- Медведев А. Ф.* Оружие Великого Новгорода // Материалы и исследования по истории СССР. 1959. № 65.

*Медведев А. Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология. 1959. № 2.

*Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // Свод археологических источников. 1966. Е1—36.

*Мещанинов И. И.* Загадочные знаки Причерноморья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1933. Вып. 62.

*Милорадович Г.* Гербы малороссийских дворянских фамилий. Чернигов, 1892.

*Миролюбов Ю. П.* Сакральное Руси. М. 1997. Т. I: «Риг-Веда и язычество», «Русский языческий фольклор. Очерки быта и нравов», «Материалы к преистории русов».

*Миролюбов Ю. П.* Сакральное Руси. М., 1998. Т. II: «Русская мифология. Очерки и материалы», «Русский христианский фольклор. Православные легенды», «Славяно-русский фольклор».

*Мнева Н. Е.* Московская живопись XVI в // История русского искусства. М., 1955. Т. III.

*Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. М., 1974. Сб. IV.

*Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. 1976.

*Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. VII.

*Морозов В. В.* Геральдика на иконе «Благословенно воинство» // Советская археология. 1983. № 2.

*Мыльников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII в. СПб., 1996.

*Мыцко И. З.* Документальные данные о надгробии и захоронении первопечатника Ивана Федорова // Федоровские чтения, 1978. М., 1981.

*Некрасов А. И.* Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом орнаменте XIV века. СПб., 1913.

*Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII вв. // Книга в России. М., 1924. Т. 1.

*Некрасов А. И.* О гербе суздальских князей // Сборник в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928.

*Некрасов А. И.* Возникновение московского искусства. М., 1929. Т. 1.

*Некрасов А. И.* Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937.

*Некрасова М. А.* Народное искусство России: Народное творчество как мир целостности. М., 1983.

*Немировский Е. Л.* К истории древнерусской гравюры // Искусство. 1962. № 6.

*Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964.

*Немировский Е. Л.* Иван Федоров. М., 1985.

*Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чеш. М., 2000.

*Николаева Н. А., Сафонов В. А.* Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.

- Николаева Т. В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976.
- Никифоровский Л.* Русское язычество. СПб., 1875.
- Новгород. Памятники архитектуры и искусства XI–XVIII вв.: Альбом (на англ. яз.). Л., 1984.
- Носова Г. А.* Язычество в православии. М., 1975.
- Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967.
- Опись Московской Оружейной палаты: Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты. М., 1884. Ч. III.
- Орешников А. В.* Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. 1894. № 10.
- Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
- Орешников А. В.* Материалы к русской нумизматике до царского периода // Труды Московского нумизматического общества. 1899. Т. II. Вып. 1.
- Орешников А. В.* Древнейшее русское изображение двуглавого орла // Там же.
- Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // Там же. 1903. Т. III. Вып. 1.
- Орешников А. В.* Прибавление третьей короны на двуглавом орле // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1.
- Орешников А. В.* Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Сер. VII. 1930. № 2.
- Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси // Труды Гос. Ист. музея. 1936. Вып. VI.
- Паранин В. И.* История варваров. СПб., 1998. Ч. 1.
- Пашуто В. Т.* Место Древней Руси в истории Европы // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Пекосинский Ф.* Источники русской геральдики / Пер. с польск. И. И. Ленцкого. СПб., 1900. Т. 1.
- Переверзenceв С. В.* Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв. М., 1999.
- Петров П. Н.* История родов русского дворянства. СПб., 1886. Переиздание: М., 1991. Кн. 1 и 2.
- Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск; М., 1995.
- Писарская Л. В.* Древнерусская эмаль XI–XVII вв. М., 1974.
- Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972.
- Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1997. Т. 1–3.
- Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
- Порфиридов Н. Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 8.
- Порфиридов Н. Г.* Новгородская «вечевая» печать // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1969. Т. II.
- Постникова-Лосева М. М.* Русское ювелирное искусство. М., 1974.
- Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.

- Прокопий из Кессарии.* Война с готами. М., 1950.
- Прокопий Кессарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993.
- Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. I. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. СПб., 1902. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб., 1902.
- Рикман Э. А.* Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитровского собора во Владимире // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М., 1952. Вып. XLVII.
- Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 1–5; Атлас. Вып. 1–7. СПб., 1881–1893.
- Ровинский Д. А.* Русские народные картинки / Под ред. Н. П. Собко. СПб., 1903.
- Ровинский Д. А.* Обзор иконописания в России до конца XVII в. СПб., 1903.
- Рогов А. И.* Александров: Альбом (на англ. яз.). Л. 1979.
- Рубцов М. В.* Деньги Великого княжества Тверского. Тверь, 1904.
- Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. 1940. Кн. VI.
- Рыбаков Б. А.* Древние элементы в русском народном творчестве // Советская этнография. 1948. № 1.
- Рыбаков Б. А.* Прикладное искусство и скульптура // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2.
- Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян // История русского искусства. М., 1953. Т. 1.
- Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 4.
- Рыбаков Б. А.* Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство СССР 1975. № 1.
- Рыбаков Б. А.* Геродотова скифия. М., 1979.
- Рыбаков Б. А.* Новая концепция предыстории Киевской Руси (тезисы) // История СССР. 1981. № 1, 2.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1982.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1988.
- Свирин А. Н.* Древнерусская миниатюра. М., 1950.
- Свирин А. Н.* Искусство книги древней Руси XI–XVII вв. М., 1964.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1; М., 1995. Т. 2.
- Седов В. В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. 1981.
- Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М. 1915.
- Скифы: Хрестоматия. М., 1992.
- Славяне и Русь: Проблемы и идеи. М., 1986.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб., 1997.

- Славянская мифология // Энциклопедический словарь. М., 1995.  
Словарь древнерусского языка (X – XV вв.). М., 1988–1991. Т. 1–4.  
*Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966.  
Смоленск и Гнездово в истории России. Смоленск, 1999.  
*Снорри Стурлусон.* Круг земной. М., 1980.  
*Соболев Н. Н.* Русский орнамент. М. 1948.  
*Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. М., 1985.  
*Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М. 1993.  
*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 18 кн. М., 1988–1995.  
*Соловьева Г. Ф.* Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII–XIV вв. // Советская археология. 1956. XXV.  
*Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.  
*Спицын А. А.* Древности камской чуди // Материалы по археологии России. СПб., 1902. № 26.  
*Срезневский И. И.* Исследование о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848.  
*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. I (1893). Т. II (1895). Т. III (1903).  
*Стасов В. В.* Русский народный орнамент. СПб., 1872.  
*Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени: Атлас. СПб. 1887.  
*Стасов В. В.* Собрание сочинений. СПб., 1894–1906.  
Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.  
Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.  
*Страбон.* География. М. 1994.  
*Строков А. А.* История военного искусства. М., 1955. Т. 1.  
*Тарасов О. Ю.* Икона и благочестие: Очерки иконного дела в Императорской России. М. 1995.  
*Тейлор И.* Происхождение арийцев и доисторический человек. М., 1897.  
*Тереножкин А. И.* Об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья // Советская археология. 1955. Вып. 24.  
*Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882.  
*Топоров В. Н.* Индра // Мифологический словарь. М., 1991.  
*Топоров В. Н.* Святые и святость в русской духовной культуре. Т. 1 (X — начало XIII в.); Т. 2 (XIII — начало XVIII в.). М., 1994–1996.  
*Топоров В. Н.* Предыстория литературы славян: Опыт реконструкции. М., 1998.  
*Тредиаковский В. К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских // Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1849. Т. 3.  
*Третьяков Н. П.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.  
*Третьяков Н. П.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

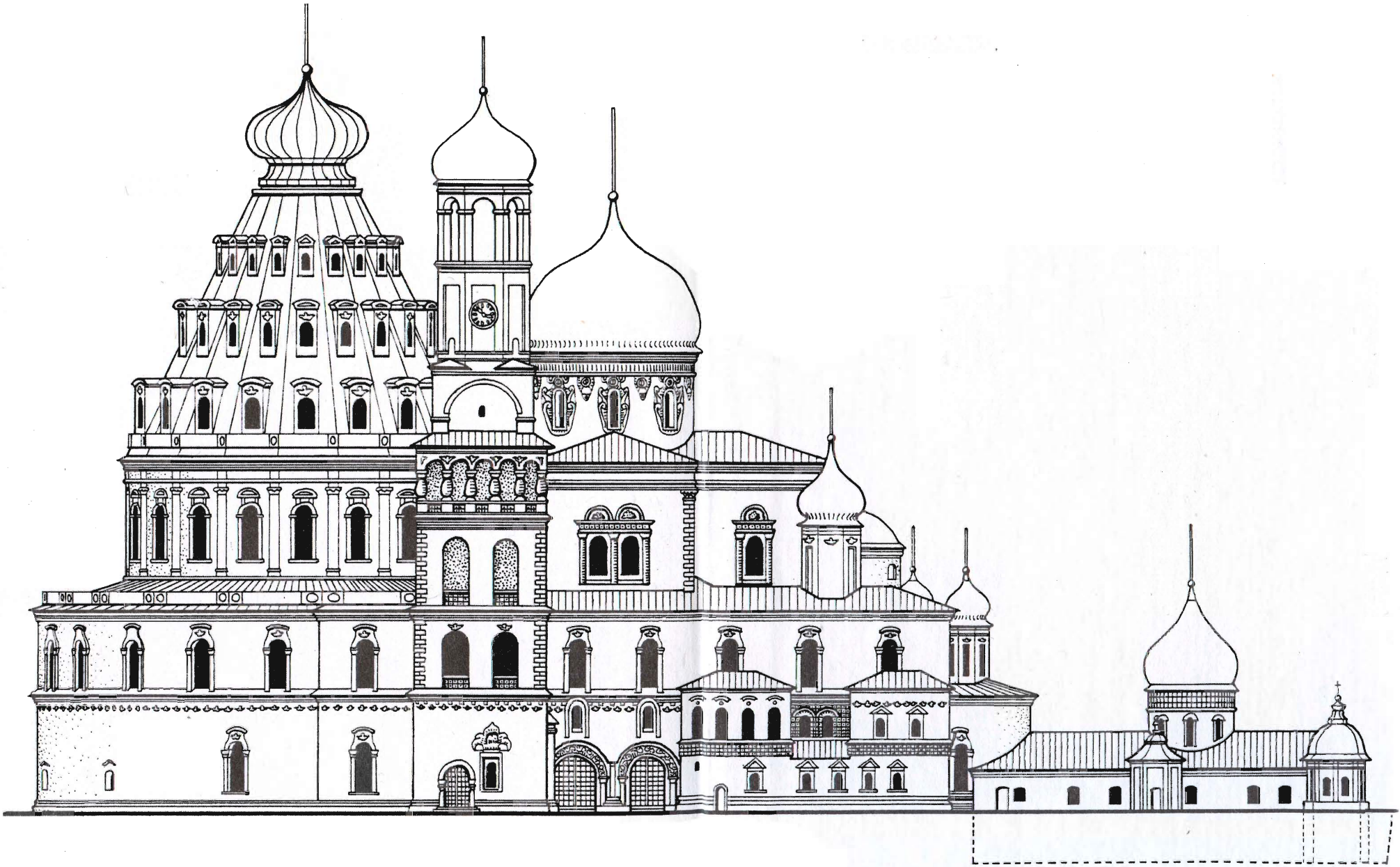


- Троице-Сергиева Лавра. Художественные памятники / Под общ. ред. Н. Н. Воронина и В. В. Косточкина. М., 1967.
- Тройницкий С. Н.* Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 г. СПб. 1912.
- Тройницкий С. Н.* Гербы гетманов Малороссии. СПб., 1915.
- Трубачев О. Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
- Трубачев О. Н.* Indoagika в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Трутовский В. К.* Рязанские пломбы // Отчет Этнографо-археологического музея. М., 1924. Вып. 1.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Уваров А. С.* Христианская символика. М., 1908. Ч. 1.
- Ураносов А. А.* Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.) // Автореферат на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1953.
- Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1647. Переиздание: СПб., 1904.
- Фаминцин А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884.
- Фаминцин А. С.* Древнеарийские и древнесемитские элементы в обрядах и обычаях славян // Этнографическое обозрение. М., 1895.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
- Федоров Г. Б.* Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I // Материалы и исследования по археологии СССР 1949. № 12.
- Флоренский П.* Symbolarium (словарь символов) // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. № 5.
- Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Хорошкевич А. Л.* Герб // Герб и флаг России X–XX вв. М., 1997.
- Хоружий С. С.* Философский процесс в России как встреча философии и православия // Вопросы философии. 1991. № 5.
- Художественные сокровища Московского Кремля: Альбом / Сост. В. И. Меделеев, А. С. Насибова. М., 1984.
- Чернецов А. В.* Древнерусские изображения кентавров // Советская археология. 1975. № 2.
- Черных А. П.* Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.
- Шангина И. И.* Изображения коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX — начала XX в. // Советская этнография. 1972. № 3.
- Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг. 1919.
- Шилов Ю. А.* Прародина ариев. Киев, 1995.
- Шрейдер Ю. А.* Логика знаковых систем (элементы семиотики). М., 1974.
- Шапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.
- Шапов Я. Н.* Большая и малая семья на Руси VIII–XIII вв // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

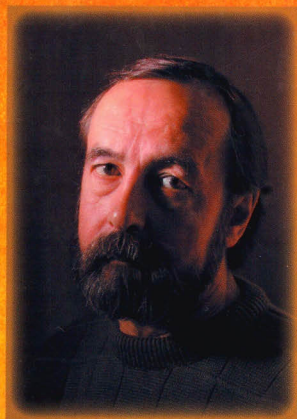
- Шапов Я. Н.* Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М. 1976.
- Шербаков В. И.* Века Трояновы. М. 1995.
- Ягич И. В.* Труд В. В. Стасова «Славянский и восточный орнамент» // Вестник изящных искусств. СПб., 1888. Т. IV. Вып. 2.
- Яковлев Л.* Русские старинные знамена. М. 1865. Ч. I—II.
- Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X в. // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1955. Вып. 57.
- Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1956. Вып. 62.
- Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М. 1970. Т. I—II.
- Янин В. Л.* Еще раз об атрибуции Ярослава Всеволодовича // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972.
- Яцимирский А. И.* Из области старинной символики в русской иконографии // Старые годы. 1907. Октябрь.
- Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Das Waffenwesen in seiner historischen Entwicklung von Beginn des Mittelalters bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. Wien, 1890.
- Bossert H. Th.* Folk art of Europe. Part 1. N. Y., 1964.
- Oswald G.* Lexikon der Heraldik. Leipzig, 1984.
- Stöckl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1972.

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Поиск истоков великорусской геральдики .....	3
<b>1. Мифологическая основа герба</b>	7
<b>2. Религиозная основа герба</b> .....	45
<b>3. Становление образа герба</b>	67
<b>4. Царский символ</b> .....	89
<b>5. Государственный герб</b>	138
Заключение	184
Примечания	190
Библиография .....	226







Силаев Андрей Георгиевич родился в Москве в 1946 г. Окончил Московский архитектурный институт, прошел значительную часть архитектурной иерархии. Участник многих московских и зарубежных художественных выставок. В 80-е годы — член Горкома графиков на Малой Грузинской. В это же время приступил к архитектурно-исследовательской деятельности на территории Калининградской области (бывшая Восточная Пруссия). За время работы в этом богатом историей регионе сдал несколько

проектов: модификация фортов Кёнигсберга, восстановление замка Георгенбург и другие. Профессионально занимается геральдикой с начала 90-х: работал научным сотрудником отделов геральдики и военной символики Федеральной пограничной службы и ФАПСИ. Автор ряда проблемных статей по геральдике.

Постоянно изменяются орудия труда, средства производства, жилище, одежда, обычаи и другие формы материальной культуры, но символы сохраняются тысячелетиями. Бывает, что они претерпевают некоторую трансформацию, а нередко остаются и вовсе без изменений, прекрасные своим графическим совершенством и запечатленным в них содержанием.

ISBN 5-8183-0456-6



9 785818 304564